

ИРИНА СТАРШЕНБАУМ:

*«У меня каждый день —
как открытие себя»*



О жизни и творчестве художницы Розы Бонер читайте на стр. 91

Неизвестное об известном		
<i>Юрий Осипов</i>	Илья Эренбург. «За легким пологом дождя»	4
Мир науки		
<i>Светлана Марлинская</i>	Великий клиницист	18
Забывтые имена		
<i>Виктор Елисеев</i>	К морю-океяну	29
Это интересно		
<i>Александр Ралот</i>	Полу-мудрец, полу-невежда	34
Рождественский детектив		
<i>Татьяна Павлова</i>	Осколок зеркала	40
Из российской истории		
<i>Алла Зубкова</i>	Удивительный фаворит	52
Донбасские истории		
<i>Светлана Леонтьева</i>	«Думай глазами, смотри ушами»	64
Замечательные современники		
<i>Наталья Покачалова</i>	Ирина Старшенбаум: «Нужно просто жить и любить, получать удовольствие от того, что происходит вокруг»	72
<i>Дарья Парчинская</i>	Алексей Лосихин: «Все, что я пишу в своих песнях, это обо мне и о моей жизни»	114
Поэзия		
<i>Геннадий Иванов</i>	Стихи	86
Судьба художника		
<i>Ирина Опимах</i>	Жорж Санд в живописи	91
Житейские истории		
<i>Лариса Агафонова</i>	Такая жизнь	104
Итоги конкурса		
<i>Ирина Давыдова</i>	Желание любить	121
Путевые заметки		
<i>Лариса Новосельская</i>	Почему бы помидору не быть фруктом?	126
	Другая сторона света	132
Детектив		
<i>Георгий Ланской</i>	«Синий лед»	138
Кроссворд. Эрудит		
		188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Киноактриса Ирина Старшенбаум.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

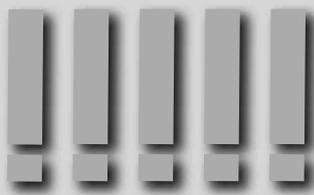
Зак. №

Цена свободная

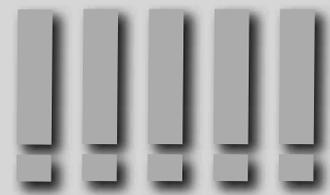
Номер подписан в печать: 21.01.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора



ВНИМАНИЕ, КОНКУРС



Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

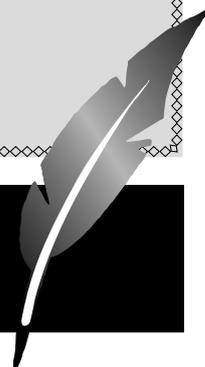
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

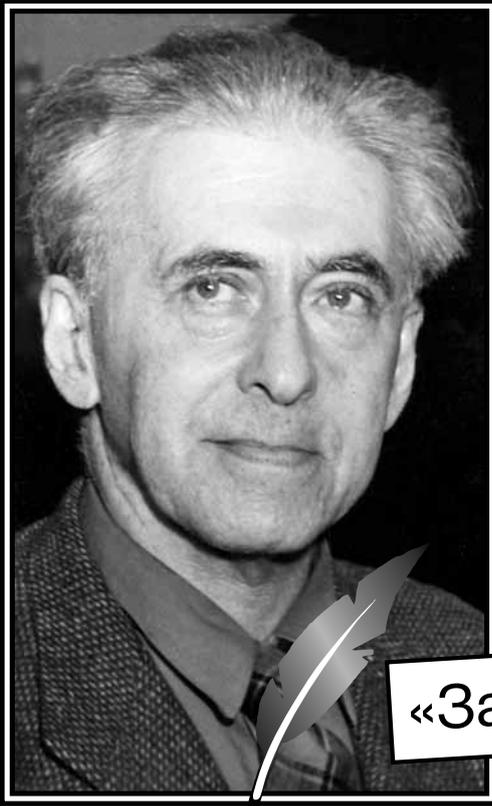
Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*



Юрий Осипов



Илья Эренбург

«За легким пологом дождя»



Его первый, ставший знаменитым роман «Хулио Хуренито» вышел с предисловием гимназического приятеля автора, члена ленинского ЦК Николая Бухарина, получившего от вождя официальный титул «любимца партии». Человек большой культуры, тяготевший к литературной среде, Николай Иванович в грозном 1920-м году спас Эренбурга от расстрела, когда тот был арестован чекистами как, якобы, тайный агент Врангеля...

Умение сходитья с людьми и привлекать их к себе было присуще этому ярко одаренному человеку с юности. Ленин, познакомившийся с ним в эмиграции, ласково прозвал Эренбурга Ильей Лохматым. Не остался равнодушен к нему и Гитлер. Он помнил его по фамилии, ненавидел за антифашистские статьи, называл «сталинским лакеем», а в годы Великой Отечественной войны, взбешенный страстной, зовущей к победе над врагом публицистикой Эренбурга, отдал личное распоряжение поймать его и повесить.

Произведения Ильи Эренбурга экранизировали видные отечественные кинорежиссеры. В 1935 году он стал движущей силой организованного Страной Советов в Париже всемирного антифашистского конгресса, в котором приняли участие ведущие деятели европейской культуры. С большинством из них Эренбург был хорошо знаком, про-

ведя молодость в богемных кругах французской столицы. Однажды он даже получил по лицу у парижского кафе «Клозери де лила» от эпатажных сюрреалистов за свою непонравившуюся им критическую статью...

Во время Гражданской войны в Испании Илья Григорьевич являлся заметной фигурой в интернациональном Мадриде. Часто выезжал на фронт с Хемингуэем и Арагоном. Позднее Хемингуэй сделает Эренбурга прототипом одного из персонажей великого романа об испанской войне «По ком звонит колокол». А выдающийся французский писатель Луи Арагон в романе «Коммунисты» опишет, как Эренбург подвергся в 1940-м аресту и был освобожден благодаря вмешательству министра внутренних дел Франции.

«В 48-м, — пишет в своих воспоминаниях Илья Григорьевич, — после Вроцлавского конгресса мы были в Варшаве. Пикассо сделал мой портрет карандашом; я ему позировал в номере старой гостиницы «Бристоль». Когда Пабло кончил рисовать, я спросил: «Уже?» Сеанс показался мне очень коротким. Пабло рассмеялся: «Но ведь я тебя знаю сорок лет...»



Илья Григорьевич Эренбург родился в январе 1891 года в Киеве. Он был четвертым ребенком в зажиточной еврейской семье; отец работал инженером, а мать — домохозяйка. В 1895 году семья Эренбургов переехала в Москву, где отец будущего писателя, Григорий Григорьевич, получил место директора Хамовнического пиво-медоваренного завода. Жили они на Остоженке, а учился Илья в 1-й московской гимназии, откуда был исключен после шестого класса за участие в революционных событиях 1905-го года.

С социал-демократами он сошелся рано, но в партию не вступал, а в 1907-м был избран в редколлегию

печатного органа Социал-демократического союза учащихся средних учебных заведений Москвы, чем навлек на свою квартиру в Савеловском переулке обыск. Полгода Илья провел в тюрьмах, освобожденный до суда по ходатайству отца и в декабре 1908-го, внося денежный залог, выехал на лечение, а фактически эмигрировал во Францию.

Восемь лет во Франции сделали из мятущегося юноши с чемоданом, набитым книгами, подающего надежды поэта, переводчика Франсуа Вийона, публициста и прозаика. В Париже он встречался с Лениным и Луначарским, некоторое время работал в Вене под началом Троцкого, а, вер-

нувшись в Париж, начал писать стихи, отошел от революционной деятельности и стал вращаться в кругу художников-модернистов, переняв их стиль и манеры.

Мать очень волновалась за сына: в Париже так много соблазнов, мальчику недолго и свихнуться, пойти по кривой дорожке. Волновалась она не зря. На присланные ею деньги Илюша гордо издал тиражом в 50 экземпляров скандальную книжку под

негодным по состоянию здоровья. Впрочем, военно-патриотический пыл его скоро угас, и он стал писать антивоенные стихи, подкрепленные яркой публицистикой в разных российских газетах. Надо было кормить семью — в гражданском браке с Екатериной Шмидт у него родилась дочь Ирина, впоследствии видная писательница и переводчица.

Париж стал для молодого литератора поистине второй родиной.



названием «Девочки, раздевайтесь сами». Затем пошли стихи — каждый год по сборнику, замеченные критиками и известными поэтами. О них похвально отзывались В. Брюсов и А. Толстой.

После начала Первой мировой войны Эренбург пытался вступить иностранным добровольцем во французскую армию, однако был признан

Ему принадлежит крылатое выражение: «Увидеть Париж и умереть», перефразирующее старинную римскую поговорку. (В 1992 году известный советский кинорежиссер А. Прошкин поставил фильм с таким названием.)

...В Россию после Февральской революции 1917 года Эренбург возвратился, однако Октябрьскую ре-

волюцию встретил резко — критическими статьями и стихами. Кроме того, вскоре понял, что вне парижских кафе писать не может. К тому же там писчую бумагу приносили за столик официанты, а в Москве в ту голодную пору ее было с огнем не сыскать.

После кратковременного ареста осенью 1918 года он уехал в Киев, который поочередно захватывали то белые с немцами, то петлюровцы, то красные (вспомним «Белую гвардию» Булгакова). Там Илья Григорьевич, чей первый брак к тому времени рас-

В Москве Эренбург одно время работал заведующим детской секцией театрального отдела Наркомпроса (во главе отдела стоял В.Мейерхольд). И в марте 1921-го получил разрешение выехать с женой в «художественную командировку» за границу.

Поселившись на Монмартре, Эренбург, к всеобщему удивлению, сохранил советский паспорт, о чем скандальный брат-писатель В. Шкловский язвительно заметил: «Природа

Париж стал для литератора поистине второй родиной. Это ему принадлежит выражение «Увидеть Париж и умереть!», перефразирующее старинную римскую поговорку. На Монмартре его «домом» сделалось культовое кафе «Ротонда», где он познакомился с Кокто, Пикассо, Матиссом, Шагалом, Ларионовым, Гончаровой. Его колоритная, озаренная духовным огнем внешность привлекала художников, и портреты Эренбурга их работы разбросаны по картинным галереям всего мира



пался, неожиданно женился на художнице Любове Козинцевой, сестре будущего выдающегося советского кинорежиссера. С ней он счастливо прожил до конца своей долгой, насыщенной событиями жизни. И с ней же возвратился тогда в Париж.

Но до этого успел наведаться к Волошину в Коктебель. Затем через Грузию приехал обратно в Москву, где был сперва арестован, а потом освобожден под поручительство Н. Бухарина.

щедро одарила Эренбурга — у него есть советский паспорт. Живет он с этим паспортом за границей...»

Домом ему сделалось культовое кафе «Ротонда», где он познакомился с Аполлинером, Кокто, Леже, Пикассо, Модильяни, Риверой, Матиссом, а также с нашими художниками-эмигрантами: Шагалом, Сутиным, Ларионовым, Гончаровой. Портреты Эренбурга их работы разбросаны по картинным галереям всего мира. Да и на страницах его книг по-

стоянно мелькают имена этих замечательных мастеров.

Колоритная внешность Эренбурга, озаренная духовным огнем, привлекала художников. Вот как довольно пристрастно описал его М. Волошин: «С болезненным, плохо выбритым лицом, с нависшими, неуловимо косящими глазами, с очень длинными и очень прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, имеющий вид человека, «которым только что вымыли пол», Эренбург настолько «левобережен» и «монпарнасен», что одно его появление в других кварталах Парижа вызывает смуту и волнение прохожих».

Надо отметить, что и после возвращения перед началом войны на родину Эренбург продолжал эпатировать окружающих своим внешним обликом. Прохожие оглядывались на него — не как на знаменитость, а удивленные странным тогда в Союзе головным убором — беретом, к ношению которого он вместе с Хемингуэем приохотился в Испании. Маршал Баграмян вспоминал, что даже пилотку на фронте военный корреспондент Эренбург умудрялся носить не по уставу, а по-своему.

На множестве фотографий мы видим его с неизменной трубкой в зубах, о чем сам писатель иронично заметил: Берущий в зубы трубку должен обладать редчайшими добродетелями: бесстрашием полководца, молчаливостью дипломата и невоз-

мутимостью шулера». Трубкам посвящена одна из лучших книг Эренбурга, сборник новелл, который называется «13 трубок».

Живя вплоть до 1940 года на Западе, Илья Григорьевич часто приезжал в СССР, выступал с лекциями, участвовал в Первом съезде писателей Страны Советов, и большинство его произведений печатались в Союзе. (Кстати, положение уникальное для советского литератора сталинской эпохи.)

Из Франции Эренбурга вскоре выслали за просоветскую пропаганду. В Бельгии летом он буквально за месяц написал едва ли не самый свой известный роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито...», который опубликовал в 1922 году. Пророческий дар, умение предвидеть будущее проявились уже в этом первом его художественном произведении.

На страницах романа он подверг беспощадному сатирическому осмеянию не только буржуазное общество, развязавшее мировую бойню, но и репрессивную, до предела забюрократизированную советскую систему. Одна глава книги посвящена Ленину, уподобленному здесь Великому Инквизитору из «Братьев Карамазовых» Достоевского. И, представьте, вождю революции книга понравилась...

С 1922-го по 1924-й год Илья Григорьевич проживал в Берлине, где собралась большая русская колония, включая писателей-эми-

грантов. После прихода к власти во Франции «левого блока» Эренбург снова оказался в столь дорогом его сердцу Париже и, оставив стихи, переключился на прозу, не забывая, впрочем, хлесткую злободневную публицистику. В 1920-е годы им было создано свыше двух десятков книг, в которых преобладает остросатирический взгляд как на буржуазное, так и на советское общество. И ему это непостижимым образом сходило с рук. Более того, Сталин даже сделал его своеобразным полпредом советской культуры на Западе.

Романы «Трест Д.Е. История гибели Европы» (1923), «Любовь Жанны Ней» (1924), повесть «Лето 1925 года» (1926) язвительно высмеивают фетиши западной цивилизации, тогда как сборник рассказов «Неправоподобные истории» (1922), романы «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923), «Рвач» (1924), повесть «В Проточном переулке» (1927) критически описывают «гримасы НЭПа» и репрессивный характер большевистского режима. «Нигилист», «цинник» и «представитель новобуржуазного крыла литературы» — такими эпитетами клеймила Эренбурга официозная советская критика. А он продолжал в литературе свой одинокий и сложный путь.

В 1932-м году Эренбург стал парижским корреспондентом газеты «Известия» и в том же году побывал в Кузнецке и на других ударных «стройках пятилетки», написав год спустя вполне просоветский, хоть и не слишком приукрашивавший дей-

ствительность со всеми ее трагическими сложностями и проблемами роман «День второй», который отразил энтузиазм «строителей новой жизни». После публикации романа Эренбург был как бы официально признан крупным советским писателем.

Приход в 1933 году к власти в Германии нацистов окончательно повернул Эренбурга в сторону социалистической идеологии. Ее он защищал в циклах страстных антифашистских очерков и памфлетов, где рассказывал о самоотверженной борьбе с «коричневой чумой» во Франции, Австрии, Испании и других европейских странах, куда выезжал корреспондентом.

В сражающейся Испании Илья Григорьевич находился большую часть времени — с 1936-го по 1939-й год. Был своим среди интербригадовцев на фронте, жил под бомбами в осажденном Мадриде. Помимо неустанной журналистской и литературной работы, выполнял ряд важных дипломатических поручений. Десятки пламенных очерков и статей, роман «Что человеку надо» (1937) — итог его славной испанской эпопеи.

*Жилье в горах — как всякое жильё:
До ночи пересуды, суп и скука,
А на веревке сушится белье,
И чешется, повизгивая, сука.
Но подымись — и сразу мир другой,
От тысячи подробностей очищен,
Дорога кажется большой рекой
И кораблем — убогое жилище».*
(1939)

С этим проникновенным стихотворением Илья Эренбург после захвата Франции войсками вермахта возвратился домой из дальних европейских странствий. И одновременно, после 15-летнего перерыва, вернулся к поэзии, не расставаясь уже больше со стихами до конца жизни.

За год до начала ВОВ он начал писать роман «Падение Парижа», в котором показал Францию с 1936 по 1940 год и вывел на всеобщее обозрение продажную национальную элиту, приведшую страну к катастрофе. Парадоксально, но яркая антифашистская направленность рома-

В первые же дни Великой Отечественной он написал страстную статью «Убей!», всколыхнувшую массовое сознание и породившую беспощадный лозунг «Убей немца!» Всего же за годы войны Эренбургом было написано более полутора тысяч статей, которые печатались не только в «Красной Звезде», но и в других центральных газетах. Красноречивый факт: газетные страницы со статьями Эренбурга бойцы не пускали на самокрутки...

Еще перед войной, и тем более после нее у писателя было все, чем только мог обладать тогда успешный

В годы Великой отечественной войны Илья Григорьевич ездил по фронтам военным корреспондентом «Красной Звезды». В первые же дни войны он написал страстную статью «Убей!», всколыхнувшую массовое сознание и породившую беспощадный лозунг «Убей немца!»



на оказалась у нас не ко двору накануне подписания «Пакта Молотова-Рибентропа». Первая часть романа вышла в начале 1941-го, а вот с публикацией второй части возникли осложнения. Звонок Сталина Эренбургу за два месяца до начала войны снял все вопросы... Окончание работы над романом и его полная публикация пришлось на 1942-й год.

К тому времени Илья Григорьевич уже два года ездил по фронтам военным корреспондентом «Красной Звезды», главной армейской газеты.

представитель его профессии — просторная квартира, дача, персональный автомобиль с шофером, почет и уважение в обществе. Да, он был ангажирован властью, но не стал беспринципным литератором, ни разу не поступился совестью.

У него достало мужества уклониться от кампании по шельмованию так называемых «врагов народа», чему, конечно, немало способствовало его длительное отсутствие в Союзе в разгар Большого террора. И все же на пике сталинских репрессий, с декабря 37-го по апрель 38-го, он нахо-

дился в Москве и присутствовал на процессе «правотроцкистского блока», где одним из обвиняемых был его друг-благодетель Н. Бухарин.

Так вот, несмотря на настойчивые уговоры, писать об этом позорном судилище Эренбург отказался. Как отказался впоследствии от поддержки последней безумной сталинской затеи — массового преследования по смехотворным обвинениям «безродных космополитов», то есть вид-

шественная деятельность. В 1947 году увидела свет эпопея «Буря», действие которой охватывало события Второй мировой войны во Франции, Германии, СССР и ряде других стран. Роман встретил у части советских критиков неоднозначную реакцию — автора упрекали в том, что французы у него выглядят симпатичнее, нежели советские люди. Тем не менее в 1948 году роману была присуждена очередная Сталинская премия.



*Эренбург
в гостях
у танкистов,
1942 год*

ных деятелей культуры, искусства и литературы с еврейскими фамилиями. Продолжением этой вакханалии явилось пресловутое «дело врачей», которые, по версии следствия, готовились отравить Сталина и членов Политбюро.

Даже в самые тревожные для себя годы Илья Григорьевич прежде всего оставался писателем, чему не могла помешать и его обширная об-

Одновременно печатались стихи и поэмы Эренбурга, активного члена Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), созданного в 1942 году. Но через три года у Ильи Григорьевича возник конфликт с руководством ЕАК, и он вышел из состава комиссии, которая работала над созданием «Черной книги» о зверствах фашистов над евреями, и возглавил ее выдающийся советский

писатель В. Гроссман. В 1948-м, когда начиналась уже антисемитская кампания под видом борьбы с «безродными космополитами», издание «Черной книги» в СССР запретили, а набор рассыпали. Однако уцелел один экземпляр рукописи, изданный в 1980 году в Иерусалиме.

А уже со следующего года печатать автора «Бури» перестали и зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) некто Головенченко даже публично объявил, что «арестован космополит №1 Илья Эренбург». В ответ писатель обратился с письмом к «вождю народов», после чего

Словно в награду за нравственную стойкость в тяжкую для народа годину судьба дала ему относительно спокойные и благополучные последние годы жизни. В конце 1952-го Илье Эренбургу — первому в СССР — была присуждена Сталинская премия «За укрепление мира между народами». А в 1954 году Илья Григорьевич создал знаковое произведение советской литературы — лирическую повесть «Оттепель». В ней он попытался передать свои ощущения от «оттаивания» человеческих сердец и человеческих отношений, кроме того, выразил надежду на поэзи-

Самым важным, дорогим и сокровенным для писателя стали его трехтомные мемуары под названием «Люди. Годы. Жизнь». Какая захватывающая вереница корифеев первой половины XX века предстает на страницах этого трехтомника: Эйнштейн, Жолио-Кюри, Бабель, Есенин, Маяковский, Пастернак, Тынянов, Коллонтай, Хемингуэй, Модильяни, Пикассо и многие другие...



его вновь стали печатать, а ретивого Головенченко сняли с работы. И не случайно именно Эренбург стал в апреле 1949-го одним из организаторов 1-го Всемирного конгресса сторонников мира, а год спустя вице-президентом Всемирного Совета Мира. Сталин хорошо понимал, что многогранная деятельность этого неутомимого человека во многом способствовала созданию положительного образа Советского Союза в глазах западной интеллигенции.

тивные перемены и духовную свободу. В отличие от написанного несколько ранее и целиком посвященного пафосной теме борьбы за мир романа «Девятый вал», повесть была подвергнута резкой критике, хотя всеми признавалась ее важная роль в пробуждении общества. Не случайно этот недолгий период нашей недавней истории получил наименование «хрущевской оттепели».

Но самым важным, дорогим и сокровенным для старого писателя стали его трехтомные художествен-

ные мемуары под названием «Люди. Годы. Жизнь». Шесть частей эренбургских воспоминаний были изданы в 60-е, в период «оттепели» (седьмая, незаконченная, часть трилогии увидела свет лишь на исходе горбачевской перестройки). Процесс публикации итогового произведения большого мастера литературы проходил в непрерывной изнурительной борьбе с редакторами и цензорами. Илья Григорьевич не отрицал, что книга его носит субъективный характер и отстаивал право на личностные оценки людей, которых знал, и событий, коих он был свидетелем и непосредственным участником. Какая захватывающая вереница корифеев первой половины XX века предстает на страницах этого проникновенного трехтомника! Эйнштейн, Жолио-Кюри, Бабель, Бальмонт, А. Белый, Есенин, Кольцов, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, А. Толстой, Тынянов, Мейерхольд, Таиров, Коллонтай, Элюар, Хикмет, Хемингуэй, Матисс, упоминавшиеся уже Пикассо, Модильяни, Ривера, П. Кончаловский, Фальк, Леже и многие-многие другие...

Сами эти трехтомные мемуары подвергались в свое время ожесточенной критике как консерваторами, стремившимися утаить большой массив правды о героях XX века, так и либералами, наивно требовавшими «всей правды» об эпохе войн и революций. А. Эренбург в ответ признавал, что открывает «не всю правду», но ставил себе в заслугу знакомство

хотя бы с некоторой частью исторической правды миллионов читателей.

Доставалось Илье Григорьевичу также за литературно-критические эссе о французском изобразительном искусстве под общим названием «Французские тетради», за неизменную поддержку талантливых авангардистов в живописи и литературе. Он не побоялся открыто спорить с Хрущевым на печально известной выставке художников нон-конформистов 1962 года в Манеже, которую тот в ярости поносил площадной бранью. После этого инцидента Эренбурга вновь подвергли оголтелой критике и на время перестали печатать...

...Он скончался пять лет спустя, в августе 1967-го, от инфаркта миокарда и похоронен на Новодевичьем кладбище. Среди наград, которые несли перед гробом, ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и высшая награда Французской Республики — орден Почетного легиона. Полемика вокруг его имени не затихает и поныне: одни клеймят писателя приспособленцем, другие считают героем. Он был жаден до жизни, многого хотел и многое успел. Его переменчивая судьба соприкасалась с великими вехами века. Думается, все же главным для себя Илья Эренбург считал то, что столь проникновенно выразил в стихотворении победного 1945-го года:

*Прошу до слез, до безрассудства,
Дойдя, войдя и перейдя,
Немного смутного искусства
За легким пологом дождя.*

Актерка

Когда молодой актрисе Лизе Белогорской сказали: «Вы поедете на фронт», — она готова была разрыдаться от счастья. Ее извели сомнения. Кому нужны монологи выдуманной героини, когда каждый вечер хриплый голос репродуктора твердит о взорванных городах, об убитых детях? Лиза писала в своем дневнике: «Я вышла в жизнь, когда жизнь затемнили».

Она играла в небольшом, прежде тихом городе, переполненном беженцами: они жили как на полустанке, боясь продать чемоданы и забыть прошлое. У всех были близкие на фронте. Шаги письмоносцев, усталых и замерзших, звучали как шаги судьбы. Армия отступала. Возле здания горкома люди слушали сводку, не смея заглянуть друг другу в глаза. Домохозяйки, жены майоров, консерваторки ожесточенно взрывали землю и готовили снаряды.

В театре ставили старые трагедии, военные мелодрамы. «Зачем это?» — спрашивала себя Лиза. Все казалось ей ненужным и стыдным: яркий свет рампы, румяна, реплика героини: «Если любишь, весь мир в тебе, а смерти нет...»

Когда Лиза бывала свободной, она прислушивалась к разговорам в фойе; говорили о хлебе, о раненом муже или брате, о том, что немцы в Краснодаре. Лиза шла к себе. Она жила в темном углу, среди старух и детей; там она писала: «Я не могу больше кривляться».

Что приковывало ее к сцене? Она допрашивала себя с той взыскательностью, которая присуща очень молодым и честным натурам. Не честлюбие, а слепое и, как ей порой казалось, глупое преклонение перед искусством. «Ломака», — говорила ей когда-то мать. Лиза не ломалась: она чувствовала себя то Анной Карениной, то тургеневской Асей, то слепой цветочницей с экрана. Ее считали холодной, а она терзалась, не спала по ночам. Эта смуглая синеглазая дикарка была одинока; мать давно умерла; товарищи ее чуждались: чем-то она их тяготила.

Перед войной инженер Пронин сказал ей: «Давайте жить вместе». Это было вечером в городском саду. Инженер ей нравился; а может быть, и не он, а май, жасмин, молодость. Он обнял ее, она вырвалась и стала говорить о том, как трудно друг друга понять. Он усмехнулся: «Актерка...» Больше они не встречались.

Она часто ругала себя актеркой. Проклинала сцену, и все же, входя утром в театр, вдыхая холодный пыльный воздух, запах клея и сырости,

глядя на черные пустые кресла, в которых сидели призраки, музы, Лиза понимала, что ей от этого не уйти.

Говорили, что есть у нее талант, что она сможет стать настоящей актрисой; но она чувствовала — чего-то ей не хватает. Чем больше она думала над своей ролью, тем дальше уходила от пьесы, от партнеров, от зрителей. Иногда обвиняла репертуар: она играла то девушку, в давние времена сгоревшую от любви, то партизанку, которая между боями произносит длинные речи. Лизе казалось, что любви больше нет и что нельзя так красиво говорить, когда рядом умирают. Мир заполнился другими героями. Разве не переживает Лиза подвига Гастелло? Разве не идет с Зоей на виселицу? И Лиза писала: «Жизнь стала такой большой, что в ней теперь нет места для искусства».

И вот ей сказали, что она поедет на фронт. Она шла и улыбалась: «Неужели это правда? Неужели я смогу хотя бы на минуту порадовать тех, чистых и больших?..»

Актеры ехали радостные и взволнованные; потом все притихли — они увидели то, о чем прежде только читали: трубы сожженных сел, обломанные деревья, черные пятна на снегу, женщин с детьми, которые копошились в пепле.

Заночевали в уцелевшей избе. Хозяйка, молодая, изможденная, с чересчур большими глазами на узком увядшем лице, рассказывала: «Я моего в снегу схоронила. Потом думаю — замерзнет мальчик. Взяла его в дом обогреться. Пришел паразит, кричит: приказ — угонять. Я держу, не пускаю. Здесь он стоял, у печи... Он как ударит мальчика... Бросилась я к нему, а он меня не признает. До ночи промучился...» Женщина вздохнула и стала мешать угли в печи. Лиза забыла о том, для чего она приехала. Рядом с таким горем исчезали все слова, все жесты. «Не улыбаться, не говорить, а если что делать, то только стрелять», — думала она, ворочаясь ночью в жарко натопленной избе. А утром увидела трупы, развороченные машины, обрубки лошадей. Везли раненых, они молча глядели на пустое зимнее небо; ездовой бил в ладоши, и рукавицы были как деревянные. Лиза сказала певцу Бельскому: «Зачем мы приехали? Нас прогонят...»

Концерт устроили в здании школы: при немцах здесь размещалась комендатура. В комнате, куда провели актеров, валялись автоматы, жестянки от консервов, немецкие бумаги. Лиза сняла ватник, валенки. Ее рука дрожала, когда она клала краску на сухие, растрескавшиеся губы. Затем надела длинное шелковое платье.

Ее испуг показался искусной игрой, и зрители насторожились. Это были саперы; еще вчера они ползали по снегу, выискивая мины. Волнуясь, как

никогда дотоле, Лиза читала стихи о любви, которая убивает, о верности. Она вдруг почувствовала, что каждое ее слово доходит до этих хмурых, небритых людей. Ей долго аплодировали; она в ответ улыбалась слабо и беспомощно — ведь она отдала свое сердце, как донор дает кровь. Вернувшись в комнату, где сидели актеры, Лиза ответила Бельскому: «Не знаю... кажется, хорошо», — и схватилась за косяк двери, чтобы не упасть.

Они выступали на аэродромах, в госпиталях, в лесу. Иногда концерт обрывался на крике: «Воздух!» Лиза узнала, как рвутся фугаски — ей тогда пришлось лежать на вязкой рыжей глине. Она ночевала в блиндажах, и канонада стала для нее привычным, почти домашним шумом. Толстый генерал поил Лизу мадерой, приговаривая: «Я ведь старый театрал, в Свердловске я не пропускал ни одной премьеры...» Летчик, подросток с Золотой Звездой на груди, самоуверенный и застенчивый, говорил ей: «Вы мне напомнили мою первую любовь...» Пришел май, с его внезапными громкими ливнями, с кукованием в лесу, когда хочется что-то загадать, с грубыми шутками и с головокружением.

В один из последних вечеров Лизу провожал майор Доронин. До войны он был студентом-химиком. Они говорили о весне, о Толстом, о том, что у всех когда-то было детство; говорили, потому что боялись молчать. И все-таки наступила минута, когда оба замолкли...

Они встретились четыре дня тому назад. Доронин тогда помогал актерам разместиться в деревне. Лиза сразу им залюбовалась, хотя он и не был красив. Проверяя себя, она спрашивала: «Почему? Ведь я видела многих, как он... — И тотчас возражала себе: — Неправда! Впервые я встретила такого человека. Конечно, на вид он обыкновенный, он не актер. Но все в нем необычно. И строгие глаза, и слова о Лермонтове, и то, как он сказал: — Вы не рассердитесь, если я буду вас звать Лизой?»

«Значит, завтра уезжаете?» — Доронин остановился. Тогда Лиза положила руки на его плечи и первая его поцеловала. По черному небу ползла зеленая ракета, как одинокая и заблудившаяся звезда.

Когда Лиза вернулась в свой город, все ей было чужим и непонятным. Она не могла слушать разговоры о распределителе или о том, что Валя сошлась с директором. Один из актеров сказал: «Сегодня пустая сводка — ничего не взяли». Лиза вспылила: «Не смейте так говорить! Ведь это — бой, кровь...» Театр показался ей будничным: скучают, по привычке хлопают и спешат к вешалке... Как она тосковала по тем зрителям!.. Она носила на груди талисман: номер полевой почты. Не хотела писать, ждала, что напишет он; потом смирилась: «Ему некогда, они наступают...» Она написала короткое письмо, стараясь скрыть свою

страсть, ревность, тревогу. Ответ пришел ласковый, но горький. Лиза в гневе скомкала листок. Доронин писал, что в жизни много детского, что он показался ей интересным на фронте, но, когда кончится война, она найдет его скучным и заурядным, она ведь актриса, ее ждет бурная жизнь («сто жизней», писал он), а Доронин, если не вмешается в дело мина или пуля, станет обыкновенным химиком.

Она оскорбилась, хотела вырвать из сердца чувство, уговаривала себя: «Он прав. Я играла и заигралась, я не умею отличить правду от вымысла...» Минуту спустя она сдавалась: «Он говорит так потому, что не любит. А я теперь знаю, что одно дело — играть умирающую, другое — умирать по-настоящему».

Так металась она неделю, а потом написала Доронину страстное, бестолковое, как сама говорила, «бабское» письмо: она клялась в любви, писала: «Если ты захочешь, я брошу сцену. Я могу жить без искусства, но не без тебя...» Когда она опустила письмо в ящик, ей стало страшно: «Вот и конец актриски!»

Лиза долго ждала ответа. Наконец пришел письмоносец, привыкший к вскрикам радости и страха, равнодушно протянул ей то письмо, которое она с трепетом опустила в ящик. На конверте было написано: «Выбыл из части». Она пролежала весь день. Вечером играла, дурно играла, машинально повторяя затверженные фразы. Она знала, что Доронин убит.

Началась поддельная жизнь: вставала, одевалась, репетировала, обещала, чувствуя, что все это — вымысел.

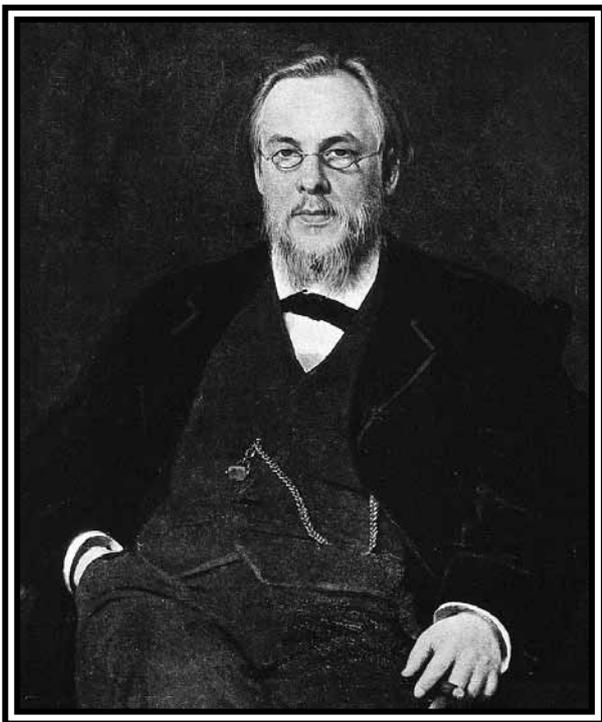
Потом снова пришел письмоносец, и она прочитала: «Дорогой товарищ! Я должна сообщить вам печальное известие. Ваш жених, майор Доронин, скончался в нашем эвакогоспитале. Мы делали все, чтобы его спасти, но ранение было очень тяжелое. Он был мужественным до конца, просил меня написать вам и переслать его ручные часики. Я старая женщина, и я, как мать, прижимаю вас к своему сердцу...»

Лиза сказалась больной. Ее не видели два дня. Потом она пришла в театр. Она играла нелюбимую роль; но было в Лизе что-то новое. Когда она сказала: «Если любишь, весь мир в тебе, а смерти нет», — зал замер. Ей устроили овацию. Режиссер, лысый и грустный, говорил: «Лизонька, вы очень выросли, вы стали большой актрисой...» Она беззвучно отвечала: «Не нужно...»

Придя домой, Лиза в сотый раз перечитала письмо незнакомой женщины. «Он сказал ей, что он — мой жених...» Она посмотрела на часы Доронина — стрелка медленно сползала вниз. И вдруг Лиза подумала: «А все-таки я — актриса...» □

Великий клиницист

Светлана Марлинская



Сергей Петрович Боткин — еще один из плеяды великих русских врачей, выведших российскую медицину из почти средневекового состояния в одну из наиболее развитых в мире. Выдающийся врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления русской клинической медицины, крупный общественный деятель, надворный советник, лейб-медик императрицы Марии Александровны. Именно он создал первую бесплатную больницу, и его именем названа известная всем Боткинская больница в Москве. Но все давалось не сразу и не просто...

Родился Сергей Петрович 17 сентября 1832 года в Москве, в семье купца первой гильдии и владельца крупной чайной фирмы Петра Кононовича Боткина. В двух браках у Петра Кононовича родилось четырнадцать детей, Сергей был одиннадцатым ребенком от второго брака.

Отец в воспитание своих многочисленных отпрысков не вмешивался, предоставив эту честь старшему сыну Василию. Мать заметной роли в семье не играла. Сергей до пятнадцатилетнего возраста учился в своем «домашнем университете», где его учителями были старший брат — известный литератор, и его друзья —

Грановский, Белинский, Герцен. Тогда же он познакомился со взглядами философского кружка Станкевича, Белинского и Герцена, собиравшихся в доме Боткиных. Герцен впоследствии лечился у уже известного доктора Боткина от диабета.

На одной из сестер Боткиных был женат поэт Афанасий Афанасьевич Фет, на другой — профессор университета Пикулин.

В 1847 году Сергей поступил полупансионером в частный пансион Эннеса. Эльзасец Эннес славился умением подбирать учителей среди молодых кандидатов, только что окончивших курс в Московском университете.

«В описываемое время учителя пансиона были молодые люди, не заезженные рутиной, с юношеской горячностью относящиеся к преподаванию, а потому легко зажигали страсти к своим предметам в ученических головах», — писал друг Боткина Белоголовый в своих воспоминаниях.

Больше всего Сергея Боткина привлекала математика, которая «наиболее соответствовала логическому складу его ума, искавшему уже и тогда в приобретаемых знани-

стал студентом медицинского факультета.

Учился он у известных профессоров — физиолога И.Т. Глебова, патолога А.И. Полунина, хирурга Ф.И. Иноземцева, терапевта И.В. Варвинского. В период учебы Сергей близко познакомился со своим сокурсником И.М. Сеченовым, а во время их пребывания за границей после окончания университета эти отношения переросли в тесную дружбу.

В 1855 году Сергей с отличием окончил университет. Это был разгар Севастопольской кампании, и Боткин был послан за счет великой княгини Елены Павловны на театр военных действий, где работал в Бахчисарайском лазарете под руководством Н.И. Пирогова и заслужил от него весьма лестный отзыв

ях наибольшей точности и ясности». В пансионе он находился с восьми часов утра до семи вечера, готовя уроки вместе с Белоголовым, и продолжал занятия еще и дома — читал в подлиннике французскую литературу, сидел над учебниками латыни.

К поступлению в Московский университет Сергей готовился у студента-математика А.Ф. Мерчинского. Возможно, он не отказался бы от математики ради медицины, но возникли неожиданные обстоятельства: с мая 1849 года по высочайшему указу был ограничен прием на все отделения университета кроме медицинского. Через год Боткин

В 1855 году он окончил университет со званием «лекаря с отличием». Это был самый разгар Севастопольской кампании, и Боткин немедленно был послан за счет великой княгини Елены Павловны на театр военных действий, где работал в Бахчисарайском лазарете под руководством Н.И. Пирогова, от которого по окончании войны заслужил весьма лестный отзыв.

Уже в этот период у Боткина сформировалась концепция военной медицины и правильного питания солдат: «Добиться того, чтобы кусок мяса или хлеба, назначенный больному, дошел до него в полной сохранно-

сти, не уменьшившись до минимума, дело было нелегкое в те времена и в том слое общества, который относился к казенной собственности, как к общественному именинному пирогу, предлагаемому на съедание... По распоряжению Пирогова мы принимали на кухне мясо по весу, запечатывали котлы так, чтобы нельзя было вытащить из него объемистого содержимого, тем не менее, наш бульон все-таки не удавался: находили возможность и при таком надзоре лишать больных их законной порции...»

сковского чиновника, которая через год родила сына Александра (в будущем — морского офицера). Через шесть лет родился еще один сын — Петр (в будущем — дипломат) и почти сразу за ним третий сын — Сергей. Самый младший, Евгений Боткин, лейб-медик, лечащий врач семьи императора Николая II, погиб вместе с ней.

К сожалению, у Анастасии Александровны обнаружилось острое малокровие, и сделать было уже ничего нельзя. Ее здоровье катастро-

Активная жизненная позиция, интерес к общественной деятельности позволили врачебной общественности избрать Боткина председателем Общества русских врачей, которым он руководил до самой своей кончины. Одновременно с этим он являлся членом Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, гласным петербургской Думы, заместителем председателя комиссии общественного здоровья Санкт-Петербурга, а также первым в истории лейб-медиком императорской семьи

После окончания войны Боткин был отправлен за границу для усовершенствования. Он работал во всех лучших клиниках и лабораториях: в Париже — у Клод-Бернара, в Берлине — в клиниках у знаменитого профессора Траубе, в патологоанатомическом институте Вирхова и в лаборатории HoppeSeyler'a.

В 1858 или 1859 году Сергей Петрович женился на Анастасии Александровне Крыловой, дочери мо-

фически ухудшалось, и в 1873 году она умерла.

Вторым браком Боткин женился на Екатерине Алексеевне Оболенской, дочери князя Оболенского. Она родила ему сына Виктора.

Но перейдем от дел семейных к делам служебным.

Вернувшись в Россию, Боткин был приглашен президентом медико-хирургической академии Дубовицким в клинику терапии Медико-хирур-

гической академии в Петербурге в качестве адъюнкта к профессору Шипулинскому.

Вскоре, однако, отношения Боткина и Шипулинского испортились, и последний был вынужден подать в отставку. Однако конференция академии не хотела передавать руководство клиникой талантливому Боткину, и только письмо от студентов и врачей позволило ему занять освободившуюся должность. В возрасте 29 лет он получил звание профессора.

Вышедшие из клиники ученики Боткина вскоре возглавили собственные кафедры: Н. А. Виноградов — в Казанском университете, В.Т. Покровский — в Киевском университете, В.Г. Лашкевич — в Харьковском, а Л.В. Попов — в Варшавском.

В 1865 году С. П. Боткин выступил инициатором создания эпидемиологического общества, целью которого была борьба с распространением эпидемических заболеваний. Общество было малочисленным, но деятельным. В рамках работы общества Боткин изучал эпидемию чумы, холеры, тифов, натуральной оспы, дифте-



рии и скарлатины. Наблюдая заболевания печени, протекающие с высокой температурой, он впервые описал болезнь, которую до него считали желудочно-кишечным катаром с механической задержкой желчи. Заболевание это проявлялось не только желтухой, но и увеличением селезенки, иногда заболеванием почек. Болезнь, как указывал С.П. Боткин, тянется несколько недель, в дальнейшем может привести к тяжелейшему осложнению — циррозу печени. Отыскивая причины болезни, он пришел к выводу, что источником заражения служат загрязненные пи-

щевые продукты, и этот вид катаральной желтухи отнес к инфекционным болезням, что и было подтверждено в дальнейшем (болезнь Боткина, вирусный гепатит А).

Боткин стоял у истоков женского медицинского образования в России. В 1874 году он организовал школу фельдшерниц, а в 1876 году — «Женские врачебные курсы». В 1866 году его назначили членом Медицинского совета Министерства внутренних дел.

Активная жизненная позиция, интерес к общественной деятельности позволили врачебной общественности избрать С.П. Боткина в 1878 году председателем Общества русских врачей, которым он руководил до своей кончины. Одновременно с этим Сергей Петрович являлся членом главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, гласным петербургской Думы и заместителем председателя Комиссии общественного здоровья Санкт-Петербурга.

Известность и врачебный талант сыграли свою роль: он стал первым в истории этническим русским лейб-медиком семьи самого императора, чего никогда не случалось прежде — лейб-медиками были только иностранцы.

Чтобы оценить значение Боткина, необходимо припомнить, в каком положении находились русские врачи и русская медицина во время его

деятельности. По словам историка медицины Е.А. Головина, «...медицинские кафедры во всех русских университетах были заняты людьми, лучшие из которых не выходили за уровень посредственности. Ученым считали уже того, кому удавалось перевести с иностранного на русский язык или кое-как скомпилировать какое-нибудь руководство по лечению болезней. Большинство преподавателей повторяло из года в год одни и те же, раз и навсегда заученные лекции, сообщая порой сведения чуть ли не времен средневековья. В своих лекциях одни клиницисты вещали, что печень есть «много раз свернутый кишечный канал», другие разглагольствовали о молоке, всасывающемся в кровь в послеродовом периоде, и тому подобное».

Научной медицины не было, практическая медицина находилась в руках больничных врачей, которые преимущественно были немцами, особенно в петербургских больницах. Записи о ходе болезни велись на немецком языке, и бывали случаи, когда врачи просто не могли объясняться со своими пациентами по-русски. В обществе невольно сложилось убеждение, что хорошо могут лечить только врачи-иностранцы, поэтому не только представители высшего общества, но и богатые купцы, и даже зажиточные ремесленники лечились только у врачей-немцев.

С появлением Боткина положение понемногу начало меняться: пришла могучая молодая сила, пытливый

аналитический ум. Естественно, что объявивший войну рутине человек далеко не всем пришелся по душе. Как говорится, не велик тот, в кого не бросают грязью. Сергею Петровичу пришлось испытать общую участь всех первопроходцев: зависть, раздувание ошибок, несправедливые наветы, клевету, но он, не обращая на это внимания, продолжал работать так, как считал нужным.

Именно он положил начало санитарным организациям в Санкт-Петербурге. С первых лет существования Александровской барачной больницы Сергей Петрович был ее попечителем по врачебной части (отсюда и название, употребляемое в Санкт-Петербурге — Боткинские бараки — сегодня это клиническая инфекционная больница им. С.П. Боткина). Благодаря деятельности Боткина появилась и первая санитарная карета — прообраз будущей «Скорой помощи».

Как ученый Сергей Петрович Боткин приобрел себе почетное и выдающееся имя в литературе, не только русской, но и заграничной. Ему выпало редкое счастье выступить на поприще общественной деятельности в один из лучших моментов исторической жизни России, после Крымской кампании, когда все сферы общественной жизни были охвачены лихорадочной деятельностью, когда новые веяния внесли стремление к переустройству всего общественного и государственного быта.

То же веяние, то же обновление коснулось тогда и медико-хирургической академии. Боткин первый создал клинику на европейских началах. Он ввел в нее новейшие методы исследования, так называемый клинический разбор больных. В лаборатории клиники, под руководством С.П. Боткина работала всегда масса молодых людей по различным вопросам научной и практической медицины. Он создал целую школу учеников, из которых более 20 человек занимали и занимают по настоящее время кафедры по частной патологии и терапии в различных университетах России. Из них многие приобрели известность, как, например, покойный профессор Кошлаков, профессор В.А. Манассеин, Полотебнов, Стольников и многие другие.

В начале 60-х годов С.П. Боткин был назначен совещательным членом медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского ученого комитета, а в 1873 году стал почетным лейб-медиком. Тогда же он был избран председателем общества русских врачей в Санкт-Петербурге.

И.М. Сеченов писал в своем дневнике:

«Для Боткина здоровых людей не существовало, и всякий приближавшийся к нему человек интересовал его едва ли не прежде всего как больной. Он присматривался к походке и движениям лица, прислу-



Первая жена — Анастасия Крылова

шивался, я думаю, даже к разговору. Тонкая диагностика была его страстью, и в приобретении способов к ней он упражнялся столько же, как артисты вроде Антона Рубинштейна упражняются в своем искусстве перед концертами.

Раз, в начале своей профессорской карьеры, он взял меня оценщиком его умения различать звуки молоточка по плессиметру. Становясь посредине большой комнаты с зажмуренными глазами, он велел поворачивать себя вокруг продольной оси несколько раз, чтобы не знать положения, в котором остановился, и затем, стуча молотком по плесси-

метру, указывал, обращен ли плессиметр к сплошной стене, стене с окнами, к открытой двери в другую комнату или даже к печке с открытой заслонкой».

После этого случая о поразительной диагностической интуиции Боткина стали ходить легенды. Посыпались приглашения к тяжелым больным как со стороны врачей, ему сочувствующих, так и со стороны враждебно настроенных.

Профессор С.П. Боткин первым в России создал в 1860-1861 годах при своей клинике экспериментальную лабораторию, где производил физические и химические анализы и исследовал физиологическое и фармакологическое действие лекарственных веществ. Изучал также вопросы физиологии и патологии организма, искусственно воспроизводил на животных аневризму аорты, нефрит, трофические расстройства кожи с целью раскрыть их закономерности. Вместе с тем он подчеркивал, что клиницист может только до известной степени переносить на человека данные, получаемые в результате опыта на животных.

Исследования, проведенные в лаборатории Боткина, положили начало экспериментальной фармакологии, терапии и патологии в русской медицине. Эта лаборатория была зародышем крупнейшего научно-исследовательского медицинского учреждения — Института экспери-

ментальной медицины. С беспристрастностью судебного следователя он анализировал собранные данные и давал студентам стройную картину болезненного процесса.

Свои взгляды по вопросам медицины Сергей Петрович Боткин изложил в трех выпусках «Курса клиники внутренних болезней» и в 35 лекциях, записанных и изданных его учениками. Он был истинным новатором, совершившим переворот в медицинской науке, творцом естественно-исторического и патогенетического метода в диагностике и лечении. В своих воззрениях С.П. Боткин исходил из понимания организма как целого, находящегося в неразрывном единстве и связи с окружающей его средой. Эта связь прежде всего выражается в форме обмена веществ между организмом и средой, в форме приспособления организма к среде. Благодаря обмену организм живет и сохраняет известную самостоятельность по от-



*Боткин с второй женой —
Екатериной Оболенской*

ношению к среде, благодаря процессу приспособления организм вырабатывает в себе новые свойства, которые, закрепляясь, передаются по наследству.

Он связывал происхождение болезни с причиной, которая всегда обуславливается исключительно внешней средой, действующей непосредственно на организм или через его предков.

Развивая все эти идеи, Боткин создал новое направление в медицине, охарактеризованное И.П. Павловым как направление нервизма.

Что касается общественной деятельности, Сергей Петрович был первым врачом, избранным в Думу, был он и заместителем председателя Комиссии общественного здоровья. В 1886 году его



Сын — Евгений Сергеевич Боткин

выбрали председателем Комиссии по вопросу улучшения санитарных условий и уменьшения смертности в России. Он попробовал реформировать всю систему здравоохранения, но не было для этого ни людей, ни денег, ни лекарств, ни нужной статистики. По его инициативе город энергично взялся за улучшение содержания больниц и приступил к устройству новых — общины св. Георгия и Александровской барачной больницы. Кроме того, им же было обращено внимание на недостаточность врачебной помощи среди неимущего класса столичного населения, и городская Дума по его предложению устроила институт думских врачей.

В 1877 году Боткину присвоили звание Тайного советника и назначили лейб-медиком Императорского двора. Это произошло после того, как ему поручили лечить государыню Императрицу, серьезно заболевшую. Сергею Петровичу удалось восстановить ее угасавшие силы и на много лет продлить ей жизнь. При дворе, как и везде, он скоро приобрел доверие и любовь и получил свободный доступ к царской семье, у которой пользовался расположением.

Особенно значительны достижения С.П. Боткина в области изучения заболеваний сердечно-сосудистой системы. Изучая клинику артериосклероза, он доказал, что это заболевание обычно приводит к поражению сердечной мышцы с последовательным расстройством компенсации. В области периферического кровообращения Боткин открыл новую страницу врачебной науки. Он указывал, что артерии и вены не являются простыми механическими аппаратами для распределения крови, а представляют собой самостоятельные, периодически сокращающиеся и расширяющиеся кровеносные органы.

Много было сделано им и для изучения ревматических заболеваний. По поводу ревматического эндокардита он указывал врачам, что к диагностике этого заболевания не следует подходить так легкомысленно, как французский клиницист Буйо,

находивший эндокардит в 60% случаев суставного ревматизма. Часто развитие систолического шума бывает связано с поражением папиллярных мышц и их ослаблением, а совсем не с наличием эндокардита.

Диагноз блуждающей почки был известен и до работ С.П. Боткина,

ской кампании и Русско-турецкой войны 1877 г. Находясь некоторое время при ставке главнокомандующего на Балканах, Боткин инспектировал госпитали, наблюдал работу врачей, общее санитарное состояние армии. Тяжелое впечатление производили на него как на врача-

После кончины Боткина на заседании Общества русских врачей И.П. Павлов в своем выступлении отметил: «Боткин был лучшим олицетворением плодотворного союза медицины и физиологии, которые воздвигают здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье — здоровье и жизнь... Глубокий ум его искал ключи к великой загадке: что такое больной человек, и как его помочь ему...»

но только он внес ясность в клинику этого заболевания: показал путь к правильной диагностике и объединил в одно целое ряд явлений, ошибочно связывавшихся с сердцем, печенью и другими органами. Им был предложен особый метод осмотра, при котором живот обследовался не только в лежачем, но и в стоячем положении больного. «Подвижная почка, — писал он, — беспокоит больных большею частью в силу раздражения нервных аппаратов, отчего и возникают различные расстройства».

Труды Боткина оказали влияние и на развитие военно-полевой терапии. В этом отношении он основывался на опыте двух войн — Крым-

патриота бездарность высшей администрации и хищническая работа различных торговых «частных товариществ», которым была отдана на откуп русская армия. Он видел, как голодали солдаты, находясь в стране с богатыми запасами хлеба. По поводу всего виденного С.П. Боткин писал:

«Будем надеяться на русского человека, на его мощь, на его звезду в будущем. Может быть, он со своей несокрушимой силой сумеет выбраться из беды, несмотря на стратегов, интендантов и тому подобное»...

Сергей Петрович избегал говорить о самом себе. Только, может

быть, однажды в письмах к жене из Болгарии в 1877 г. он написал:

«...Не боясь упреков в самохвальстве, я все-таки имею отрадное сознание, что принес свою лепту для того хорошего нравственного уровня, на котором стояли наши врачи в течение этой кампании. Эту мысль я позволю высказать только тебе, зная, что ты не усмотришь в этом и следа самообольщения, которое мне не было никогда и не будет свойственно. Смотри на труды нашей молодежи, на их самопожертвование, на их честное отношение к делу, я не раз сказал себе, что недаром, не бесплодно терял я свои нравственные силы в различных испытаниях, которые устраивала мне моя судьба».

Скончался Сергей Петрович Боткин 24 декабря 1889 года во Франции, в Ментоне, где лечился от желчнокаменной болезни. Был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. В это время шел съезд русских врачей, работу которого прервали. Гроб с телом Боткина несли на руках на протяжении 4 верст.

В своем выступлении на заседании Общества русских врачей, посвященном памяти С.П. Боткина, И.П. Павлов отметил:

«Покойный С.П. Боткин был лучшим олицетворением законного и плодотворного союза медицины и физиологии — тех двух родов человеческой деятельности, которые на

наших глазах воздвигают здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье — здоровье и жизнь... Я имел честь в продолжении 10 лет стоять близко к деятельности покойного клинициста в ее лабораторной отрасли... Глубокий ум его, не обольщаясь ближайшим успехом, искал ключи к великой загадке: что такое больной человек и как помочь ему — в лаборатории, в живом эксперименте. На моих глазах десятки лет его ученики направлялись им в лабораторию, и эта высокая оценка эксперимента клиницистом составляет, по моему убеждению, не меньшую славу Сергея Петровича, чем его клиническая, известная всей России деятельность».

P.S. Уже после смерти Сергея Петровича один из его сыновей — Евгений — стал лейб-медиком при дворе. Когда император отказался от трона, он не оставил семью Романовых и последовал за ней в Тобольск. При переезде в Екатеринбург ему предложили вернуться в Питер, но он отказался. За два дня до гибели его снова просили оставить Ипатьевский дом. Он снова посчитал это для себя невозможным. Доктора Боткина расстреляли вместе с царской семьей.

Смею думать, его отец поступил бы также. И уж точно гордился бы своим сыном... □

К морю-океяну



Широко раздвигала в семнадцатом столетии свои границы Россия. Через всю необъятную Сибирь шли отчаянные, сильные духом, открывая и познавая новые земли. Велика была русская земля, да только где ее дальний край сибирский — никому не известно. Бродили неясные слухи о Теплом море, к которому можно выйти, если все время идти на восток. Быть может, берег этого моря и есть край земли?..

ПРИИСКАНИЕ НОВЫХ НЕЯСАЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ

В 1637 году отряд томского атамана Дмитрия Епифановича Копылова вышел из Томска и двинулся через Якутск на восток. Уже весной следующего года отряд спустился по Лене до Алдана и пять недель поднимался по Алдану. Здесь Копылов основал Бутальский городок. Однажды атаману встретился местный шаман, и от него он услышал, что южнее протекает некая река «Шилкор или Чиркол» и что здесь много «сиделых» — оседлых людей, занимающихся скотоводством и земледелием. Копылов отправил груп-

пу казаков с задачей разыскать эту реку. Но голод заставил их вернуться назад. И тогда весной 1639 года атаман снарядил новый отряд, куда вошли двадцать томских и девятнадцать красноярских казаков. Вместе с отрядом шли проводники-эвены. Отправил в поход Копылов и толмача — переводчика Семена Петрова по кличке «Чистой». Командовал отрядом Иван Юрьевич Москвитин. Ему полагалось разведать путь к морю-океяну и выйти к Ламскому (Охотскому) морю. Кроме того, надо было «приискивать» местное население, не обложенное ясаком. Трудной была эта задача. До устья Май по Алдану казаки

плыли восемь дней. Шли пока знакомым путем и трудностей особых не испытывали. Вверх по Мае две-сти километров поднимались на плоскодонном дощанике — где на веслах или шестах, а где бечевой, однако через шесть недель дощаник оставили. Река Нудыма — левый приток Май — была мелководной, поэтому пришлось строить два струга, и на них за шесть дней смогли подняться до истоков этой реки. Уже доносилось дыхание моря. Но, чтобы выйти к нему, нужно было преодолеть горный хребет Джугджур, стеной поднимающийся между реками, текущими на восток — в сторону моря, и на запад — отдающими свои воды Лене. Хорошо послужившие струги пришлось оставить, и налегке отряд быстро — за день всего — преодолел перевал и спустился к реке, впадающей в Улью, которая текла уже к океану (но они об этом пока не знали). Провизия заканчивалась, охота в этих местах была плохой, только в рыбе находили спасение. Якутский казак Нехорошко Колобов позднее составит «сказку» о походе и напишет, что кормились «...деревом, травой и кореньем, на Ламе же по рекам можно рыбы много добыть...»

Через пять дней Москвитин вывел отряд в Ламское (Охотское) море. Весь путь от устья Май до моря занял около двух месяцев с остановками, ибо «...по рекам можно

рыбы много добыть и можно сытым быть». Радость путешественников была велика: они знали, что первыми достигли побережья Тихого океана. Вот где конец русской земли! А океан катил к их ногам волну за волной...

НА АМУР!

На Улье, где жили эвены, которых русские называли ламутами, Москвитин приказал срубить зимовье. Казаки готовились к долгой и холодной зимовке. От местного населения Иван Юрьевич узнал, что на севере течет река, которая находится в нескольких днях пути. Не откладывая до весны, Москвитин 1 октября на речной «посудине» отправил двадцать казаков на поиски этой реки, где с проживающих там людей можно было собрать богатый ясак. Три дня посланные Москвитиным казаки добирались до реки. Они переименовали ее эвенкийское «Акат», что значит просто «река», в звучащее, русское «Охота». От нее казаки прошли дальше на восток на своей плоскодонной посудине, не боясь крутобокой волны, примерно полтысячи верст вдоль северного берега Охотского моря, открыли большой залив — Тауйскую губу, множество маленьких речек, впадающих в море: Урак, Кухтуй, Ульбея, Тауй, Иня. А затем уже знакомой дорогой вернулись назад.



Целый год москвитинцы прожили на побережье Охотского моря. Опыт плавания по реке Охоте и вдоль берегов Охотского моря убедил Ивана Юрьевича в том, что плоскодонные суда непригодны для плавания, и необходимо строить более прочные суда. Решили время даром не терять, и вскоре застучали топоры, запели пилы — благо леса вокруг было предостаточно.

Всю зиму 1639–1640 годов казаки строили суда. И построили два коча с мачтами. Как считают многие историки, именно Москвитин положил начало... русскому Тихоокеанскому флоту.

Весной 1640 года на зимовье напали эвены. Но что они могли сде-

лать со своими костяными стрелами, копьями да рогатинами против кремневых пищалей казаков, засевших в острожке, за толстыми его стенами. В одном из таких нападений был захвачен пленный. От него Москвитин узнал, что на юге течет река Мамур (Амур), и в ее устье и на островах проживают «гуляки сидячие» (нивхи). В конце апреля-начале мая 1640 года, когда снег тяжело осел, обнажив на возвышенностях прогалины, а ветер, налетающий с океана, стал мягче, добрее, поставили казаки на своих кочах прямые ровдужные (сшитые из сыромятных оленьих шкур) паруса и пошли на юг — туда, где текла река Мамур, заселен-



ная «гуляками сидячими». Захватили они с собой и пленного в качестве проводника. Москвитинцы прошли вдоль всего гористого западного берега Охотского моря до Удской губы, побывали в устье Уды и, обойдя с юга Шантарские острова, проникли в Сахалинский залив. Это была протяженность около 1700 километров. Нынешнее Охотское море они нарекли Ламским и убедились в том, что река Охота не самая большая и не самая полноводная. В устье Уды Москвитин встретился с местным населением и получил первые сведения об Амуре и его притоках Чие-Зее и Омуги-Амгуни. Ему рассказали и о

«гиляках сидячих», и «бородатых людях даурах», которые «живут дворами, и хлеб у них, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут, и прядут со всего обычая русского». Согласно «сказке», написанной позднее Колобовым, незадолго до их прихода к устью Уды приходили в стругах «бородатые дауры» и убили гиляков. Около пятисот человек. Казаки посетили место побоища, увидели брошенные там суда — «струги однодеревные» — и сожгли их...

На западном берегу Сахалинского залива от казаков сбежал пленный эвен-проводник. Но Москвитин все-таки решил идти дальше — до островов «сидячих гуляк». Возможно, Иван Юрьевич со своей командой был одним из первых русских, которые увидели небольшие острова у северного входа в Амурский лиман, а также часть северо-западного берега острова Сахалин. Проник Москвитин и в устье Амура, но две причины помешали казакам двигаться далее. Во-первых, Москвитин осознавал, что горстке русских не справиться, несмотря на огнестрельное оружие, с многочисленными «гиляками сидячими». Во-вторых, заканчивалось продовольствие, и голод заставил их повернуть назад.

В ноябре они остановились на зимовку в небольшом заливе, в устье реки Алдомы, и только весной 1641 года отряд расстался с



зимовьем. Добрались до реки Ульи, прошли вверх по ней, вторично перевалили через знакомый им хребет Джугджур, затем вышли на один из левых притоков Май и только в середине июля прибыли в Якутск.

На побережье Охотского моря Москвитин с отрядом прожили два года, и добычу казаки взяли богатую. Много сороков мягкой рухляди — собольих «животов», добытых самими и собранных в ясак у эвенов, пошло в казну государеву. И себя, конечно, не обидели. Заслуги участников этого похода власти в Якутске оценили по достоинству. Самого Москвитина произвели в

десятники, а все казаки получили от двух до пяти рублей наградных, а некоторых наградили даже и куском сукна.

Иван Юрьевич в своей челобитной советовал: для того чтобы начать осваивать земли, открытые им во время этого похода, нужна лишь одна тысяча стрельцов, вооруженных десятью пушками. Воевода Щербатов даже послал Москвитина в столицу. В Москве были рады новым открытиям и ясаку, а самого Ивана Юрьевича по государеву указу назначили атаманом пеших казаков в Томске.

Умер он в 1671 году, было ему около 68 лет. □

Александр Ралот



Полу-мудрец, полу-невежда

Об удивительной судьбе Михаила Семеновича Воронцова написано немало книг. Хорошо известен факт, когда он, назначенный императором Александром I командующим русским оккупационным корпусом во Франции, приказал отменить телесные наказания для солдат и организовал систему обучения нижних чинов. А после приказа о выводе войск обошел все парижские банки и, забрав у них долговые расписки, расплатился по всем долгам русских офицеров и солдат перед местными жителями. Для этого ему пришлось срочно продать огромное имение Круглое, полученное им от родной тетки Екатерины Дашковой — бывшей фаворитки императрицы Екатерины II. Сумма выплат по тем временам была просто фантастической — полтора миллиона франков.

В знак уважения и признательности к своему командующему все офицеры корпуса преподнесли ему в дар большую серебряную вазу, на которой выгравировали свои имена.

(Как позже выяснилось, этот сувенир был также приобретен в долг. Выходит, что и за него расплатился щедрый граф Воронцов!)

А на Парижском монетном дворе отчеканили большую золотую (диаметром в пятьдесят миллиметров) памятную медаль, которую жители округа Вузье поднесли графу «в знак уважения и признательности».

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ. АХЕН

После очередного многочасового пребывания на проходившем в городе конгрессе самодержец всероссийский и король Пруссии Фридрих-Вильгельм решили произвести смотр

расквартированным во Франции союзным войскам.

Императору показалось, что наши полки двигаются как-то ускоренно, не особо соблюдая парадную дисциплину и нарушая строевой шаг.

Подозвав к себе Воронцова, Александр I прилюдно выразил ему свое недовольство.

Ответ боевого генерала еще много лет передавался из уст в уста:

«Ваше Величество, этим шагом мы пришли в Париж».

В светских кругах того времени повсюду муссировались слухи о якобинском духе командующего корпусом, о слабой дисциплине подчиненных ему офицеров и солдат, и Михаил Семенович решил распрощаться с воинской службой.

Но когда в 1820 году его наградили орденом Святого Владимира, а в газетах, как по команде, появились хвалебные статьи о его решительных действиях во время заграничного похода, он, после затянувшейся аудиенции у императора, принял решение — более в отставку не проситься, а целиком посвятить себя службе государю и России. Граф Воронцов был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области — с самыми широкими полномочиями.

«ЖЕНА, КРАСАВИЦА, И НЕ ХУДО, ЧТО БОГАТА».

*(Алексей Ермолов,
соратник Воронцова)*

Будучи в Париже, генерал как мальчишка влюбился в юную Елизавету Браницкую, младшую дочь поль-

ского магната — графа Ксавелия Петровича Браницкого и племянницы светлейшего князя Потемкина.

Свадьбу сыграли там же, во французской столице, причем посаженным отцом на этом торжестве был Артур Велингтон, да, да, тот самый, который разгромил войска «воскресшего» Наполеона при Ватерлоо. При этом языковой проблемы не возникло, ибо жених говорил по-английски ничуть не хуже, чем по-русски.

Молодые, конечно же, искренне любили друг друга, но, тем не менее, состояние и так далеко не бедного Воронцова после венчания увеличилось... вдвое!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. КАБИНЕТ ГУБЕРНАТОРА МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА МИЛОРАДОВИЧА

Петербургский губернатор смотрел на молодого человека, стоящего перед ним, и подыскивал нужные слова, хотел было предложить поэту сесть возле его стола, но передумал и сам поднялся с места:

— Ведомо ли вам, что сам Александр I назвал ваши так называемые творения «возмутительными стихами», за кои полагается бессрочная ссылка в Сибирь?

Пушкин отрыл, было, рот, чтобы возразить, но граф сделал знак рукой, чтобы тот молча слушал и продолжил:



Елизавета Воронцова

— Лично я считаю, что сочиненные вами едкие эпиграммы на господина Аракчеева, архимандрита Фотия и даже на престолонаследника никоим образом не совместимы со статусом чиновника! Они возмутительны как по своей сути, так и по манере изложения, и будь моя воля, вы бы простой ссылкой не отделались! Как минимум кандалы и каторга или бессрочное заточение на Соловецких островах! Однако, к большому сожалению, у вас имеется достаточное число заступников.

Карамзин, Жуковский и Чаадаев просили за вас. И, на ваше счастье, самодержец смилостивился. Вместо Сибири поедете в наши южные губернии. Отправляйтесь в свою Коллегию иностранных дел, получите там подорожные деньги... и не дай вам бог задержать-

ся в Санкт-Петербурге! Отныне ваше место службы в кишиневской канцелярии наместника Бессарабской области!

Вдоволь попутешествовав по Кавказу и Крыму, в июле 1823 года Пушкин добился перевода в Одессу — для дальнейшего прохождения ссылки в канцелярии генерал-губернатора Воронцова. Двадцатичетырехлетнему чиновнику назначили жалованье, чему поэт был крайне доволен, он называл его хлестко — «паек ссыльного». А жить хотелось хорошо и ярко. Для начала Александр снял себе номер в гостинице, расположенной в самом центре города.

День чиновника Пушкина начинался с обязательного утреннего морского купания, после чего следовало испить кофе повосточному, выкурить трубку и сходить в гавань, пообщаться с людьми, прибывшими на кораблях, узнать свежие новости от купцов и путешественников, там же купить свежие газеты.

(Дело в том, что в те годы в Одессе существовал бесцензурный пропуск всех

газет, поэтому напечатанные там новости были гораздо интереснее тех, о которых сообщала местная пресса).

По вечерам в кругу друзей поэт ужинал в греческой ресторации Димитраки, затем все гуляли у моря или отправлялись в оперу.

При таком образе жизни денег Пушкину катастрофически не хватало. Он был по уши в долгах, и даже с извозчиками смог расплатиться только незадолго до своего отъезда из Одессы, после того как ему из Петербурга прислали деньги за его произведения. Это был первый гонорар в жизни Пушкина.

Однако любому поэту обязательно нужна муза, и в качестве таковой Пушкин избрал супругу генерал-губернатора Елизавету Воронцову. Старше его на семь лет, первая дама города и хозяйка модного салона была польщена вниманием молодого, но уже популярного стихотворца и всю кокетничала с ним, преследуя при этом свои интересы. Дело в том, что у губернаторши уже был любовник — Александр Раевский, офицер и чиновник по особым поручениям, да к тому же еще сын прославленного генерала Николая Николаевича Раевского и брат жены декабриста Волконского (той самой Марии Волконской (урожд. Раевской) которая отправилась за своим супругом в Сибирь).

И поскольку Пушкин весьма откровенно ухаживал за замужней да-

мой, регулярно посвящал ей стихи и рисовал портреты (Позже в архиве поэта нашли больше тридцати портретов графини Воронцовой!), она выбрала его в качестве «громоотвода» для вечно занятого государственными делами, но ревнивого мужа.

И всемогущий губернатор, недолго думая, решил отправить молодого повесу куда подальше, а именно, объехать всю губернию и представить подробный доклад о вреде, который был нанесен этим краям нашествием саранчи, и предложить способы бороться с этим бедствием.

Пушкин поворчал немного, что, это, мол, не профильное задание для чиновника коллегии иностранных дел, но открыто перечить генералу не стал, расписался в получении четырехсот рублей «на прогоны» и покинул город у моря.

«Он вдруг стал обходиться со мной с непристойным неуважением. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видит во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое...»

(Из письма Пушкина одному из друзей).

Командировка была рассчитана на целый месяц. Тем не менее через пять дней поэт появился в Одессе и представил отчет полковнику, лично подчиняющемуся графу Воронцову.

*«Саранча: 23 мая — летела, летела;
24 мая — и села;
25 мая — сидела, сидела;*

26 мая — все съела;

27 мая — и вновь улетела.

Коллежский секретарь Александр Пушкин.»

Сия «писанина» взбесила полковника, и он отправился к Воронцову, требуя немедленной расправы над своевольным чиновником.

Но, на его удивление, реакция генерала была совсем иной (до нас дошли эти строки, написанные графом):

«Принесите мне закон, который запрещает подавать рапорты в стихах, осадил я его. Кажется, такого нет. Князь Суворов Италийский, граф Рымникский, отправил не наместнику, а самой императрице рапорт в стихах: "Слава Богу, слава Вам, Туртукай взят, и я там"».

Вечером того же дня генерал-губернатор стал читать отчеты других чиновников, также прибывших из аналогичных командировок. Каждый из них был страниц на тридцать, а то и более. К ним прилагались планы и таблицы с вычислениями. Вконец уставший Воронцов осилил лишь первый и пришел к неутешительному выводу. Получалось, что Пушкин сэкономил его время, ибо «средства борьбы с этим бичом еще слишком первобытны».

Однако пребывание Пушкина в Одессе приближалось к своему предсказуемому концу, генерал-губернатор устал от бесконечных эпи-

грамм поэта, в том числе, и на свою персону.

(Как тут не вспомнить знаменитые строки, вошедшие во все учебники: *«Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-подлец, но есть надежда, Что будет полным наконец»*).

Он написал министру иностранных дел Нессельроде письмо с просьбой избавить Одессу от присутствия коллежского секретаря А.С. Пушкина.

Отказать уважаемому генералу не мог никто, и поэт отправился отбывать ссылку в имение Михайловское, под надзор местного начальства. Из штата коллегии его не вывели, но зарплату, даже мизерную, платить перестали.

А некоторое время спустя интимная связь прелестной Елизаветы Воронцовой и Раевского, конечно же, вскрылась. Разразился грандиозный скандал, любовников обсуждали во всех светских салонах как Одессы, так и Санкт-Петербурга.

И все же, несмотря ни на что, у четы Воронцовых родилось шестеро детей, из которых выжили лишь двое. Так что, можно сказать, счастья в личной жизни бесстрашный воин и прекрасный чиновник, увы, не испытал!..

ФЕВРАЛЬ 1945-ГО ГОДА. ВОРОНЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ

— Генералиссимус, у меня будет к вам не совсем обычная просьба... —

Черчилль попытался взять Сталина под руку, но тот отступил в сторону, не допуская подобного панибратства.

Меж тем глава английской делегации продолжал:

— Я восхищен предоставленным в распоряжении нашей делегации дворцом. Чувствуем себя здесь, словно в родной Шотландии. И на память об этом великолепии хотел бы попросить вас продать нам одного из этих львов. Можно даже вон того, спящего. Пусть ваши люди посчитают, сколько он будет стоить, с учетом транспортных расходов до Великобритании.

— Уинстон, — с металлическими нотками в голосе парировал Иосиф Виссарионович, внимательно глядя на сопровождающего их переводчика, дабы тот не вздумал исказить его слова: — Весь это дворец, включая львов, принадлежит не мне, а всему советскому народу, а он своей историей не торгует!

12 февраля 2014 года председатель Верховного Совета АРК Владимир Константинов, выступая на Всеукраинском форуме областных советов и ВС Крыма, проходившем в Ливадийском дворце, заявил, что модель крымской автономии, заложенная в Конституции Украины и Конституции АРК 1998 года, «полностью себя исчерпала, и «мы хотим совершенно другой автономии», а уже 16 марта полуостров Крым вошел в состав Российской Федерации.



Я был там месяцем позже. Обошел весь Воронцовский дворец, и, как некогда Черчилль, залюбовался одним из львов и купил на память у местных коробейников сувенирную статуэтку спящего льва. Вот и сейчас она стоит возле моего монитора, как память о великом прошлом нашей России:

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице*

высокой...

А.С. Пушкин □



Осколок зеркала

(навеяно сказкой Андерсена
«Снежная королева»)

Надо поторапливаться, снежная буря вот-вот начнется. Старик с наслаждением сделал последний глоток еще теплого грога, нажатием кнопки включил моторчик и плавно подрулил свое оборудованное всеми возможными приспособлениями кресло к стеклянной двери балкона. Откуда-то слегка потягивало холодным воздухом, но это не страшно, на его плечи был накинут пушистый клетчатый плед, а спину согревало тепло от растопленного камина. В дверь заглянула Мари, увидела его «на позиции», заговорщицки кивнула и погасила свет.

Что за чудо, эта Мари! Теперь он твердо знал, что Бог любит его, раз послал ему под конец жизни такое сокровище. А ведь он считал себя конечным человеком, набитой ставшим ненужным ему богатством старой рухлядью. Прежние сиделки, и старые, и молодые, раздражали его до того, что он готов был взять свой револьвер, купленный в лучшем оружейном магазине города, и покончить с адом своей никчемной жизни. И тут появилась Мари, маленькая, полноватая простушка с ямочками на щеках и пушистыми белесыми ресницами. Она деловито перечисляла свои достоинства, среди которых он запомнил умение запекать утку и готовить имбирный грог. «Это не понадобится, у отца диета», — ухмыльнулся его сын Эдмон — он всегда был напыщенным болваном. Мари отчаянно торговалась, стремясь сократить рабочее время и повысить оплату. А старик не мог на нее насмотреться: от нее веяло такой радостью жизни с ее простыми удовольствиями, такой безыскусной терпимостью! Если бы она тогда ушла, то ему была бы прямая дорога в семейный склеп на монастырском кладбище.

Он с детства обожал смотреть на снег, собственно, лучшего зрелища старик и не знал. Как-то он дал Эдмону много денег для постановки спектакля с участием его жены. Сын потащил его на премьеру. Ничего хорошего из этого не вышло. Унизительная транспортировка в ложу, кресло с трудом втиснули в проходе на всеобщее обозрение. Сидеть в темноте рядом с чужими людьми и глазеть на бесталанные кривляния артистов на сцене было тяжело. Постановка явно оказалась провальной. Директор театра подобострастно спросил у него:

— Не правда ли, ваша невестка превосходно играет?

Старик ничего не ответил, даже не повернулся в его сторону. Если уж ты родился холуем, иди в швейцары, а не в директора театра.

Не дождавшись антракта, он самостоятельно выехал в вестибюль, где его поджидал шофер Ричард. Не так много ему осталось жить, чтобы тратить время на лицемерие.

Собственно, после этого похода в театр у него и началась депрессия. Старик смертельно боялся одиночества, но в то же время его раздражали сиделки, раздражала семья сына, даже собственный водитель и кухарка. У него пропал аппетит, он забывал поесть, а когда ему напоминали об этом, злился и ругал еду. Самым позорным были предательские слезы, постоянно, помимо его воли, мочившие ему щеки. Он не сошел с ума только потому, что началась зима, по счастью, она оказалась снежной. Наблюдая плавное кружение белоснежных снежинок за окном, он на короткое время успокаивался.

Все изменилось с приходом Мари. Лекарства, принятые из ее рук, приносили облегчение. Удивительное дело, она не готовила, не убирала в доме, не возила его на машине, но все вокруг преобразилось: еда стала вкусной, дом уютным, даже машина приобрела плавность хода. Главное, она прекрасно знала, как красив снег, и иногда потихоньку подглядывала за снежными «представлениями» в его комнате. Она вообще много чего понимала в этой жизни, и старик очень привязался к ней.

— Если бы у меня были такие деньги, я бы знала, как их потратить, — мечтательно сказала как-то Мари.

— Интересно, и как же? — спросил старик.

— Вы думаете, что самый красивый снег на площади перед вашим балконом? Ну уж, нет. В Монсеро снежные сопки до моря, и если туда поехать на снегоходе, то можно увидеть даже северное сияние.

На следующий день старик купил два снегохода. Рейн, жених Мари, был автомехаником. Они с Мари были похожи друг на друга, черты лица совершенно разные, но то, что называется масть — одна, оба одинаково белобрысые и добродушные. Рейн прекрасно разбирался в механизмах, старик велел

не скупиться, но даже он был поражен, когда с помощью Ричарда выбрался из машины и увидел два черно-серебряных снегохода. На одном восседала Мари в огромных горнолыжных очках, на другом устроились они с Рейном. И помчались! Погода была подходящая, снег валил ровно настолько, чтобы создать ощущение восторга от единения с мирозданием, но и сохранить некоторую видимость вокруг. Рейн оказался превосходным гонщиком. Старик был счастлив. Адреналин в крови создавал ощущение здоровья и молодости.

— Быстрее, быстрее! — просил он, и Рейн охотно выполнял требование.

Вдруг прямо перед ними из-за сопки выехала белая машина — наверное, там проходила дорога, которую они не заметили. Рейн молниеносно вывернул руль, а машина с ходу воткнулась в сугроб. Когда они развернулись и подъехали к пострадавшим, водитель уже выруливал задним ходом на дорогу. Он был похож на Советника Снежной Королевы — сухой, с желчным выражением лица. А сама Снежная Королева, сидевшая с ним рядом, даже не повернулась в их сторону. Она была, как положено, в белой шубе, белой меховой шапке и с белым лицом. Между ней и Советником торчал чехол от лыж, втиснутых в салон.

— Мы можем вам чем-нибудь помочь? — крикнул Рейн.

Советник зыркнул на него бешеными глазами, ничего не ответил, резко нажал на газ и умчался прочь.

Похоже, неприятный инцидент разрешился сам собой. Через пару минут к ним подрулила Мари, в красном комбинезоне, с ярким румянцем на щеках, и спросила:

— Что случилось?

— Мы встретили настоящую Снежную Королеву! — весело ответил Рейн.

— На снегоходе?

— О! Конечно, нет! Королеве не положено ездить на таком транспорте, она возвращалась в свое королевство на белом «ламборджини».

— Как бы мне хотелось на нее взглянуть. Ну почему вы не задержали ее, пока я не подъеду, — капризно проговорила Мари.

— Ее Советник был другого мнения, он решил смыться до твоего прихода, а то ты могла бы растопить бедняжку своими красными щеками, — рассмеялся Рейн.

На обратном пути они заехали ненадолго по делам в Сити, затем отправились обедать в маленький ресторанчик, где поваром работала тетка Мари. Старик никогда бы не подумал, что запеченная с яблоками утка может быть так вкусна. А имбирный грог стал с тех пор его любимым напитком, и потом он долго жил воспоминаниями о той поездке.

Не каждый день, а лишь под Рождество снежная вьюга выдает такие коленца. Для начала — обманчивый мягкий снежок, потом ветер начитает потихоньку раскачивать снежные потоки, сильнее, сильнее, уже закручи-

вает их в спирали, уже поднимает снизу вверх, навстречу падающим снежинкам, потоки сходятся и брызгами, рассыпаются по горизонтали. Фантазмагория достигает пика, тут самое время появиться белой карете, режущей серебряными полозьями зеркальный лед в мелкое крошево. Осколки летят по все стороны, один из них стремительно мчится к нему и врезается в самый глаз.

— Как больно! — мелькнула мысль. Последняя мысль...

Полицию вызвала Мари. По телефону ей велели ничего не трогать до распоряжения инспектора, поэтому старик продолжал сидеть в кресле напротив разбитого стекла французского балкона.

Инспектор Олаф Андерсен с помощником прибыли буквально через несколько минут после звонка, еще до появления медиков и экспертов. Все жители этого прекрасного города ждут от рождественской ночи подарков, угощения и развлечений, только полицейские готовятся к напастям и неприятностям. Сколько Олаф помнил, практически ни одна рождественская ночь не обходилась без эксцессов. Но все-таки до убийств дело не доходило. А нынче побиты все негативные рекорды!

Сиделка Мари, вызвавшая полицию, предложила полицейским подняться на третий этаж на лифте, но Олаф отказался, ему хотелось осмотреться в незнакомом месте. Богатый дом был чисто прибран и украшен рождественскими гирляндами — люди здесь готовились к встрече Рождества, а не к смерти. Девушка поднималась по широкой мраморной лестнице первой, но баскетбольного роста инспектор все равно был выше нее, когда она поворачивалась к нему, отвечая на вопросы, ее лицо оказывалось почти на уровне его шеи, и ей приходилось поднимать к нему свои глаза, между прочим, довольно симпатичные.

В комнате хозяина было прохладно, холодный воздух врывается сквозь пробитое стекло, покрывшее мелкими осколками пол у окна.

— Почему он так странно сидит? — спросил инспектор.

— Он смотрел на снег, — всхлипнув, ответила Мари.

Олаф подошел к балкону. Отсюда открывался действительно красивый вид на площадь респектабельного делового квартала. Никаких магазинов и ресторанов, строгая подсветка офисных зданий и богатых жилых домов. Но беспомощно мечущиеся в порывах ветра снежинки вызывали смутное беспокойство. Какой тревожной стала жизнь в их некогда спокойном городе! Ограбление банка, похищение, а теперь еще и убийство. Он осмотрел пулевое отверстие на стекле. Сама пуля отлетела к коврику у еще теплящегося камина. Баллисты потом уточнят, но опыт подсказывал ему, что подобные ровные круги трещин по краям отверстия бывают, если выстрел произведен примерно с такой же высоты, на которой находилась намечен-

ная цель. Жилой дом на противоположной стороне площади — как раз подходящее место, где-то на уровне крыши. Дом был неосвещен. Расстояние большое, да еще метель, тут работал или снайпер, или охотник, или пользовались усовершенствованным оружием.

— Свет был выключен, — сказала Мари и снова всхлипнула.

Значит, третий вариант, оружие с прибором ночного видения, подумал Олаф. К тому же силуэт старика подсвечивал камин за спиной, что, впрочем, не исключает и два первых. Он велел своему помощнику сержанту Кальме вызвать подмогу и обследовать чердак и крышу подозрительного дома. Вряд ли преступник их там дожидается, но какие-то следы его пребывания должны обязательно остаться.

— Кто сейчас находится в доме? — приступил к опросу инспектор.

— Горничная, фру Закова, шофер Ричард, кухарка, фру Турсен с приглашенной помощницей и я. Уже скоро должны подъехать гости: сын хозяина Эдмон с супругой и двумя детьми, лечащий врач хозяина господин Иогансен и семейный поверенный герр фон Задлер, — ответила Мари.

— Вы сказали по телефону, что работаете здесь сиделкой. Вы дипломированная сиделка?

— Нет, колледж я не окончила, только курсы.

Олаф знал подобных девушек, как правило, они все из деревни. В учении удивительно тупы, но по жизни сметливы и надежны.

— Позовите сюда всех, мне нужно их опросить.

Фру Закова и фру Турсен были примерно одного возраста, того самого, который больше всего ценится у нанимателей горничных и кухарок — между сорока и пятьюдесятью. Они были расстроены, но держались спокойно и на вопросы отвечали четко. Младшая же повариха была явно на взводе, постоянно краснела, когда к ней обращались, не могла связно ответить на простые вопросы. Но, возможно, она просто девушка нервного склада; приглашенная помощницей повариха, никак не ожидавшая попасть в переделку. Она вместе с фру Турсен крутилась на кухне, где готовился рождественский прием. Фру Закова сервировала стол в гостиной и тоже помогала на кухне. Ричард же смотрел телевизор в соседней комнате и был у них на подхвате.

Гораздо больший интерес представляли те, кого в доме не было. Но и тут оказалось мало зацепок для следствия; подъехали они все почти одновременно, когда в доме уже была полиция. Оказывается, встретились у Эдмона, немного посидели и отправились вместе к его отцу. Сообщение о случившемся вызвало скорее недоумение, чем горе. Старик давно отдалился от семьи. В зрелые годы он сколачивал капитал и весьма преуспел, но в результате потерял здоровье и связь с семьей. После смерти жены поселился отдельно в этом доме с верным Ричардом, хозяйство вела горничная, в еде он был неприхотлив, доктор Иогансен наблюдал за состоянием его здоровья. Бо-

лезнь старика, неизлечимая в силу весьма преклонного возраста, медленно прогрессировала, доставляя ему мучения, обходиться без врача он уже не мог. Старик всегда щедро откупался от родственников, хорошо обеспечил внуков, оплачивал все театральные проекты сына. Состояние его после смерти должен унаследовать Эдмон, единственный близкий родственник. Учитывая, что старик всегда лучше относился к прислуге, чем к родственникам, думается, что-то должно было достаться и им. Впрочем, лучше об этом знает герр фон Задлер, его душеприказчик.

Немец откашлялся и неуверенно начал:

— Чрезвычайные обстоятельства, полагаю, дают мне право по просьбе полицейских огласить основные позиции завещания моего доверенного. Недели три назад он сам приехал ко мне и внес в него изменения. Он сохранил значительное вознаграждение Ричарду и горничной фру Заковой, кое-что оставил кухарке. Содержание Эдмона и его семьи сохранено таким же, как при жизни отца. А основной капитал он оставил своей сиделке Мари.

Мари тихо охнула, а Эдмон покраснел от ярости и унижения. Инспектор наблюдал за компанией. Девушка выглядела ошеломленной. Почему? Она ни о чем не догадывалась и не набивалась на наследство, или хорошая актриса? Все, без исключения, женщины смотрели на Мари неодобрительно, а доктор Иогансен и личный водитель покойного Ричард, казалось, сочли это экстравагантное завещание вполне естественным.

— Вы не удивлены? — спросил их Олаф.

— Старик был очень привязан к ней, с ее приходом его настроение значительно улучшилось, он начал ощущать вкус жизни. Она подарила бы ему пару лет жизни, не меньше, — пояснил доктор.

Медицинские эксперты уже провели нужные процедуры, санитары на носилках вынесли тело, когда вернулся сержант Кальме, посланный в дом напротив, и отозвал Олафа в сторону.

— Господин инспектор, мы обследовали дом по вашему приказу, на чердаке обнаружили новенькую снайперскую винтовку и труп молодого человека. Я оставил там двоих ребят и сообщил в отделение. Думаю, вы захотите сами взглянуть, но на всякий случай сделал пару быстрых снимков.

Олаф даже не очень удивился, этот чертов снег за окном так и настраивал на что-то подобное. Все понеслось в тартарары! Во что превращается их город? Второй труп за одну ночь! За рождественскую ночь! На фото был труп достаточно молодого человека в зимней спортивной куртке. На одном снимке его лицо было разворочено выстрелом, как и лицо старика в инвалидном кресле, с другой стороны его вид был чуть лучше и пригоден для опознания.

— Прошу вас взглянуть на фото. Знаете вы этого человека? — вернулся инспектор к присутствующим и первым протянул фотографию Эдмону. Тот взглянул на нее с опаской и облегченно выдохнул:

— Нет, никогда его не видел.

Решив по возможности избежать показа жутковатого снимка женщинам, Олаф пригласил Ричарда. Шофер довольно равнодушно взглянул на фотографию, эмоций никаких не выказал, но обратился к инспектору.

— Можно мне переговорить с вами наедине?

Они вышли из комнаты, и теперь стало видно, что Ричард все-таки взволнован, можно даже сказать, он сильно нервничал.

— Этот парень на снимке — Рейн Свеберг. Он — жених сиделки Мари. Не хотел говорить при ней, они очень любили друг друга.

— Вы знаете ее родных?

— У нее никого нет кроме двоюродной тетки.

— Можете дать адрес тетки?

— Могу показать, где находится ресторанчик, где она работает. Это совсем рядом, он, должно быть, сейчас открыт.

— Хорошо. С вами поедет полицейский, привезите ее сюда.

На этом сюрпризы не закончились. Юрист тоже узнал молодого человека.

— Это он приезжал вместе с моим клиентом, когда тот вносил изменения в завещание.

— Он знал о его содержании?

— Во всяком случае, не от нас. Во время оформления документа он ожидал в приемной.

Это ничего не значило, старик мог сам все рассказать своему спутнику.

Теперь хорошо было бы еще раз допросить Мари, она больше всех выигрывала от смерти хозяина, но делать это Олафу пока не хотелось. Поручив сержанту продолжить опрос свидетелей, он предупредил, что не стоит до приезда тетки сообщать Мари о смерти жениха, и направился к месту нового преступления.

На улице он заметил немолодую женщину в наброшенной на плечи рыжей шубке, что-то объяснявшую полицейскому, указывая на вход в дом. Быстро же примчалась тетушка. Можно не волноваться за простушку Мари, родственница ее в обиду не даст.

Перед полицейским оцеплением у злополучного дома уже собрались невесть откуда взявшиеся зеваки, появился даже пройдоха-журналист с телекамерой. Увидев Олафа, он бросился ему наперерез:

— Господин инспектор, какие новости по делу госпожи Ларсен?

— При чем здесь пропавшая дама? — не сразу сообразил Олаф и ответил на всякий случай уклончиво: — Все комментарии будут даны позже.

У встречавшего его полицейского он уточнил, уже сам догадываясь:

— Чей это дом?

— Госпожи Ларсен. Со времени ее пропажи здесь никто не жил.

Владелица банка и прибыльной городской недвижимости госпожа Ларсен исчезла около двух недель назад. Последний раз ее видели в одном из самых фешенебельных отелей города «Гранде». Почему она проживала там при наличии двух собственных домов — в центре и загородного? Супруг отрицал охлаждение отношений между ними, объяснял все причудами жены. Причуды причудами, но сейф банка госпожи Ларсен оказался вскрыт и полностью освобожден от наличности. Пропала также и ее машина. С тех пор вся полиция города занята поисками следов пропавшей дамы.

Дьявольская свистопляска сделала очередной виток, закрутив три последних преступления в один клубок. Сопровождавший Олафа полицейский доложил:

— Неизвестный проник в дом через запасной вход в гаражной пристройке. Дверь вскрыл отмычкой — она валялась около двери. Отпечатков пальцев на ней нет.

— Еще бы, в такой мороз! Конечно, он был в перчатках.

Это был старинный дом со смешанными, каменными и деревянными, конструкциями. Убитый стрелок, как и рассчитал инспектор, находился на чердаке скатной крыши с круглым окошком, смотрящим на площадь. Рядом с ним лежала великолепная снайперская винтовка с наверченными устройствами различного назначения. Из такой винтовки можно было без особого труда пристрелить старика на противоположной стороне площади. Перед окном лежала кучка снега — намело, когда открывали окно для стрельбы. Довольно длинная пеньковая веревка висела по полу под винтовкой.

Картина выглядела как самоубийство. Парень зацепил курок, протянул веревку через деревянную стойку стропил, приставил винтовку к глазу и дернул за конец веревки. А перед этим застрелил старика? Забравшись в дом предположительно похищенной госпожи Ларсен? Не доставало только найти и ее труп! У парня мог быть мотив. Например, ему удалось узнать, что его невеста получит сказочное богатство после смерти старика. Тогда почему самоубийство? Муки совести?

— Надо выяснить, умел ли парень стрелять. Просмотрите списки зарегистрированных охотников, спортсменов-стрелков, не забудьте биатлонистов, бывших военных, снайперов. Все, что удастся найти, — дал поручение полицейскому Олафу.

Уже начало светать. Сумасшедшая ночь кончилась...

Прошло уже достаточно времени после той злополучной рождественской ночи, а все три дела — пропажа госпожи Ларсен, убийство старого господина и, предположительно самоубийство Рейна Свеберга — не продвинулись ни на йоту.

Перед инспектором Андерсеном раскинулся в кресле Уно Ларсен — банкир и одинокий супруг пропавшей госпожи Ларсен. Он требовал вернуть

ему жену или выдать документ о признании ее умершей, что исходило из интересов его бизнеса. Он называл бизнес своим временно, до возвращения супруги, которой тот на самом деле принадлежал, или до вступления в права наследства.

— Поймите, господин Ларсен, подобные дела могут тянуться очень долго. Например, мы просмотрели абсолютно все видеокамеры на автомобильных дорогах из города. Ведь машина вашей жены тоже пропала. Мы с уверенностью можем утверждать, что из города она не выезжала.

— Так где же она?!

— В том-то и дело! Полицейские осмотрели практически все городские стоянки и гаражи. Проверяем и частные гаражи. Представляете, какая это работа! Мы не упускаем никаких деталей. Например, нашли магазин, где приобреталась винтовка застрелившегося в доме вашей жены парня.

— И где же? — скорее из вежливости поинтересовался господин Ларсен.

— Ее заказали по телефону из отеля «Гранд» на Центральной площади.

Олаф сделал паузу и выжидающе посмотрел на Ларсена. Тот слегка помялся, но все-таки спросил:

— Вы узнали, кто сделал заказ?

— Узнали. Винтовку заказала ваша супруга. Она снимала номер в этом отеле, она же предварительно оплатила счет из магазина на весьма крупную сумму.

— Но это абсурд! Она действительно иногда жила в «Гранде», но она не могла этого сделать! Скорее всего, кто-то оформил покупку на ее имя.

— Мы разбираемся, но это очень кропотливая работа. Ко всему прочему, мы просмотрели списки всех людей, умеющих хорошо стрелять. Кстати, мои поздравления! Оказывается, в свое время вы выиграли чемпионат страны по биатлону!

— Но это было так давно!

— Около восьми лет назад.

— Что вы себе позволяете?! — вскипел Ларсен. — Вы что, решили, что я могу быть причастным к этому... мм... происшествию?!

На его сухих впалых щеках проявился румянец. Он резко поднялся и, направляясь к двери, прошипел:

— Вы очень скоро об этом пожалеете, инспектор...

Но Олаф уже не смотрел на него. Сквозь прозрачную перегородку своего кабинета он наблюдал за девушкой, о чем-то спрашивающую полицейского. Они оба повернулись в сторону его кабинета, и инспектор увидел, что это Мари. Правда, ее трудно было узнать: она сильно похудела и выглядела как рано состарившаяся вдова. Они с Ларсеном почти столкнулись в дверях инспекторского кабинета, и Мари с удивлением посмотрела ему вслед.

Олаф пригласил девушку войти.

Аккуратно присев на краешек кресла, Мари сказала.

— Я совсем измучилась из-за смерти Рейна. Все время только об этом и могу думать. Понимаете, тут все неправильно.

— Что именно вы имеете в виду, — сочувственно спросил Олаф.

— Рейн не умел стрелять. Он, смеясь, говорил, что надо бы сходить в тир и поучиться. Мы как-то пошли вместе, он попробовал, но ни разу не попал в мишень.

Все это Олаф уже знал. Более того, эксперты установили, что смерть Рейна наступила на два часа раньше, чем смерть старика, так что из списка подозреваемых парень был давно исключен.

— Тем более он не мог выстрелить в хозяина, они друг другу так понравились, — продолжала Мари.

— Они были знакомы?

— Да. Мы возили хозяина в Монсеро кататься на снегоходах.

— Вы катали инвалида на снегоходах?

— Ну да, ему очень понравилось.

Во время беседы Мари, казалось, думала о чем-то другом. Разговор о поездке в Монсеро чем-то ее насторожил. Инспектор замолчал, но она этого даже не заметила, сосредоточенно размышляя. После довольно продолжительной паузы девушка наконец спросила.

— Скажите, а кто тот господин, что только что был у вас?

— Вы его где-то встречали? — вопросом на вопрос ответил Олаф.

— Нет. Но он похож на Советника Снежной Королевы. Не правда ли?

— Действительно очень похож, — аккуратно подтвердил Олаф.

И тут Мари быстро заговорила:

— Там, в Монсеро, Рейн и хозяин повстречали белую машину, «ламборджини». На ней ехали человек, похожий на Советника, и сама Снежная Королева. У них в машине еще были лыжи. Так мне сказал Рейн. Королева была абсолютно белая, как неживая.

Олаф вскочил со своего кресла. Белый «ламборджини» госпожи Ларсен, который они не могут найти уже месяц! В парке Монсеро. На единственной дороге туда из города нет видеокамер! Сам парк тянется вдоль моря, и, если сбросить машину с удаленного прибрежного утеса, найти ее будет почти невозможно. В мороз вода у берега замерзает, а сверху припорошит снегом. Самому же можно вернуться обратно на лыжах. Господин Ларсен — отличный лыжник, да и в стрельбе он чемпион. Через какое-то время жену признают умершей, а он станет полновластным хозяином банка, ограбление которого, возможно, сам и сымитировал, и крупного бизнеса. Ему было несложно заказать покупку винтовки из отеля «Гранд», где иногда любила пожить его жена, и рассчитаться ее кредитной картой.

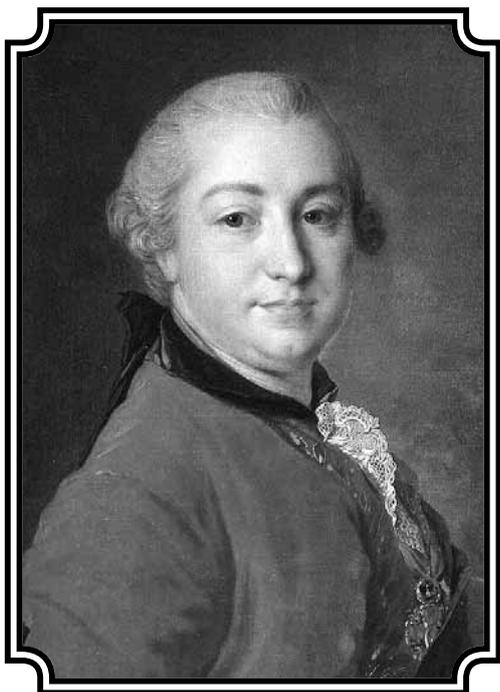
И ни одной улики! Ведь Мари его даже не видела. На свою беду, старик и жених Мари оказались случайными свидетелями, поэтому он выследил их и хладнокровно убил. Рейна он мог заманить в гараж, пристроенный к дому его жены. Это было несложно, можно просто пригласить автомеханика взглянуть на машину. А организации убийства старика способствовало то обстоятельство, что его дом находился напротив дома госпожи Ларсен. Он устроил засаду на чердаке и наблюдал. Ему опять повезло, он узнал, что старик любил смотреть на снег за окном, сидя перед балконом как перед экраном. Если бы не Мари, у него получилось бы идеальное убийство! Если бы не Мари...

Холод заставлял скрипеть снег, когда они шли к полицейскому вертолету. Олаф легко подсадил крошку Мари к открытой двери, сам устроился на сиденье рядом с пилотом. Вертолет легко поднялся вверх, зря они опасались, что полет не состоится из-за сильного мороза.

Облет прибрежной полосы парка Монсеро проходил на небольшой высоте, видимость была идеальная. Сверху хорошо просматривалась линия, где гладь замерзшего моря сходилась с похожими на взбитые сливки рельефными утесами. Снежный бугорок около берега заметила глазастая Мари. Вертолет приземлился поблизости. Почти бегом, местами проваливаясь в плотном насте, они в нетерпении бросились к этому бугорку. Олаф сбил с верхушки снег, под которым оказалась гладкая поверхность белого металла. Видимо, застывший на мелководе лед задержал погружение затопленной «ламборджини».

Когда позже спасатели вырубили машину изо льда, в ней обнаружили хорошо сохранившийся труп госпожи Ларсен в белой шубке. Ее голова под белой меховой шапкой была проломлена на затылке...

Уно Ларсен был ошеломлен неожиданным свидетельством Мари, он решил, что она все видела сама, и вынужден был сознаться, что в пылу ссоры неудачно толкнул жену, она упала и ударилась головой о металлическое ограждение декоративного фонтана в их загородном доме. Как истинный Советник, он был коварным, но не очень умным, к тому же трусоват. Если бы он сразу вызвал полицию, адвокаты, скорее всего, смогли бы доказать, что это был несчастный случай. Но он решил избавиться от тела и заявить о пропаже жены и возможном похищении, а для убедительности и об ограблении ее банка. Появление неожиданных свидетелей в самый ответственный момент привело его в ужас, он запаниковал. Ему удалось выследить Рейна и старика по заметному снегоходу... Одно преступление неизбежно тянет за собой другие. А ведь он был близок к успеху. Если бы не Мари... □



*Иван Иванович
Шувалов*

Удивительный фаворит

С именем императрицы Елизаветы Петровны связаны многие страницы русской истории середины XVIII века. Тем не менее в памяти потомков она осталась просто «веселой царицей», как охарактеризовал ее Алексей Константинович Толстой в известном четверостишии своей «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева»:

*Веселая царица
Была Елизавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.*



Что скрывать, дочь Великого Петра в самом деле больше всего любила празднества и ... красивых мужчин.

Елизавета довольно рано осознала силу и значение своей красоты и не собиралась прятать ее от восхищенных мужских взглядов. Она искала и находила отдохновение и наслаждение в объятиях фаворитов, которых меняла очень часто. Впрочем, некоторым удавалось занимать место близ трона достаточно долго.

Подобно своей английской тезке, Елизавете I Тюдор, Елизавета Петровна отвергла династический брак, но, следуя большой любви, все-таки тайно обвенчалась с человеком низ-

шего сословия, сыном простого малороссийского казака Алексеем Григорьевичем Разумовским, который вскоре стал самым богатым и титулованным человеком в России. В течение двух десятилетий — с 1731 по 1751 год — пользовался он благосклонностью Елизаветы Петровны. Однако в последние десять лет правления «дщери великого Петра» Разумовскому пришлось уступить свое место человеку, которому предстояло оставить несравненно более глубокий след в истории России.

В конце 1749 года у сорокалетней Елизаветы Петровны появился новый фаворит — Иван Иванович

Шувалов, молодой человек двадцати двух лет от роду. Будущий фаворит родился в 1727 году в имении мелкопоместных дворян близ Москвы. Он получил домашнее образование, с ранних лет отличаясь незаурядными способностями, пылкостью и страстью к чтению.

Разумеется, образование — вещь хорошая, но попробуйте-ка пробиться наверх без протекции и связей. Два его старших двоюродных брата — Петр и Александр — были вхожи в интимный кружок цесаревны Елизаветы. В то время они были бедны и скромны. Но вступление Елизаветы на престол кардинально изменило положение Шуваловых — у них появилась возможность сделать карьеру и разбогатеть. Награды сыпались на них одна за другой. Оба брата были произведены в действительные камергеры. В день коронации Петр Иванович был награжден орденом Александра Невского, а два года спустя пожалован генерал — поручиком. Немаловажную роль в карьере Петра Ивановича сыграли брачные узы, соединившие его с любимицей императрицы, Маврой Егоровной Шепелевой. Это был явный брак по расчету, ибо некрасивая коротышка, старше супруга на два года, не вызывала симпатий у представителей сильного пола. Однако Мавра Егоровна пользовалась дружбой и полным доверием императрицы. Она обладала острым умом, но была крайне мстительна по отноше-

нию к людям, которых числила своими недругами.

Нет никаких сомнений в том, что брак укрепил позиции Петра Ивановича при дворе, так как графиня (этим титулом императрица наградила верную подругу) с завидным упорством твердила Елизавете о достоинствах Петра Ивановича, и, в конце концов, добилась своего: в 1744 году он был назначен сенатором, а двумя годами позднее пожалован графом Российской империи.

Впрочем, был в коридорах власти человек, который терпеть не мог старшего Шувалова и не считал нужным скрывать это. Фаворит императрицы, граф Алексей Разумовский, был страстным любителем псовой охоты, в которой принимал участие чуть ли не весь двор, в том числе и Шувалов. После охоты устраивался пир. Разумовский был человеком нрава добродушнейшего, однако питал слабость к горячительным напиткам, после которых терял свое миролюбие и становился неуправляемым. В такие минуты он мог поколотить кого угодно, но почему-то, как правило, «мальчиком для битья» избирал Петра Ивановича Шувалова, щедро награждая его оплеухами или прохаживаясь по его спине палкой. Было известно, что по возвращении двора с охоты Мавра Егоровна всякий раз ставила в церкви свечку, если ее супруг возвращался домой не побитый буйным фаворитом.

Наглый, циничный, эгоистичный Петр Иванович, тем не менее, был



*Елизавета
Петровна*

искренне привязан к своему молодому двоюродному брату. Ему импонировали ум и незаурядные способности Ивана, и его все чаще посещала мысль о том, чтобы поставить таланты брата на службу семейному преуспеянию. А так как помимо ума тот отличался красотой, тонким вкусом и изяществом манер, у старших братьев зародилась честолюбивая идея представить Ивана императрице, а там — чем черт не шутит, вдруг молодец придется по сердцу падкой на юных красавцев Елизавете Петровне. План старших Шуваловых увенчался полным успехом. Иван

приглянулся императрице, и та в 1749 году пожаловала его камер-юнкером, а в 1751 году камергером. Отсюда до спальни царицы был всего лишь один шаг.

Нужно сказать, что появление юного Шувалова во дворце произошло как нельзя более кстати. В отношениях императрицы и Алексея Разумовского назревал кризис. Многолетний брак с «другом неліцемерным», как она именовала Алексея Григорьевича, дал трещину. Нет, отношения бывшего пастуха к своей панночке не изменилось — он по-прежнему боготворил Елизавету —

изменилась сама Елизавета. К закату своей жизни ослепительная красавица стала панически бояться малейшего упоминания о смерти, она отчаянно бежала от старости, грозившей обезобразить ее прекрасное лицо — ведь люди в тот век старели быстро. К тому же государыня вела весьма неумеренный полуночный образ жизни, любила много и вкусно поесть. Таким образом, в основе ее страсти к Шувалову лежало отчаянное желание стареющей женщины остановить неумолимое вре-

обосновался в апартаментах, в которых раньше жил Разумовский, и оставался там до самой смерти государыни в 1761 году.

В этой связи немалый интерес представляют отношения между старым и новым фаворитами. Как правило, повелось так, что новый счастливчик требовал удаления прежнего, отлучения его от двора, с отправкой в почетную ссылку, либо на службу в глубокую провинцию, либо за рубеж в должности посла. Подобной судьбы Разумовский избежал. Фа-

Многим казалось, что век Шувалова, почти юноши, не имевшего никакого жизненного опыта, будет коротким. Однако месяц проходил за месяцем, а Шувалов не только не исчезал из покоев императрицы, а оставался там до самой смерти государыни в 1761 году

мя, стремление вместе с юным любовником вернуть ощущения новизны жизни и молодости.

Многим казалось, что век Шувалова, молодого человека, почти юноши, не имевшего какого-либо серьезного жизненного опыта, будет коротким, как век других молодых людей, особенно из гвардейских полков, выбираемых государыней то за мечтательный взор, то за широкие плечи, то за изящную походку или бархатный, ласкающий голос. Однако месяц проходил за месяцем, а Шувалов не исчезал из покоев императрицы, а, наоборот,

вориты — отставной и действующий — оказались выше всяких похвал — не было ни сцен, ни скандалов, ни кляуз. Разумовский просто отошел в сторону, а Шувалов его не преследовал. Более того, согласно свидетельству одного иностранного дипломата, соперники поддерживали между собой наилучшие отношения и действовали всегда заодно, преследуя одинаковые цели, имея одни симпатии и никогда не противореча друг другу. Императрица оказывала им одинаково полное доверие, предпочитая их обществу всякому иному. Разу-

мовскому она подарила Аничков дворец на Невском проспекте, сделала его генерал-фельдмаршалом, и тот спокойно зажил в свое удовольствие.

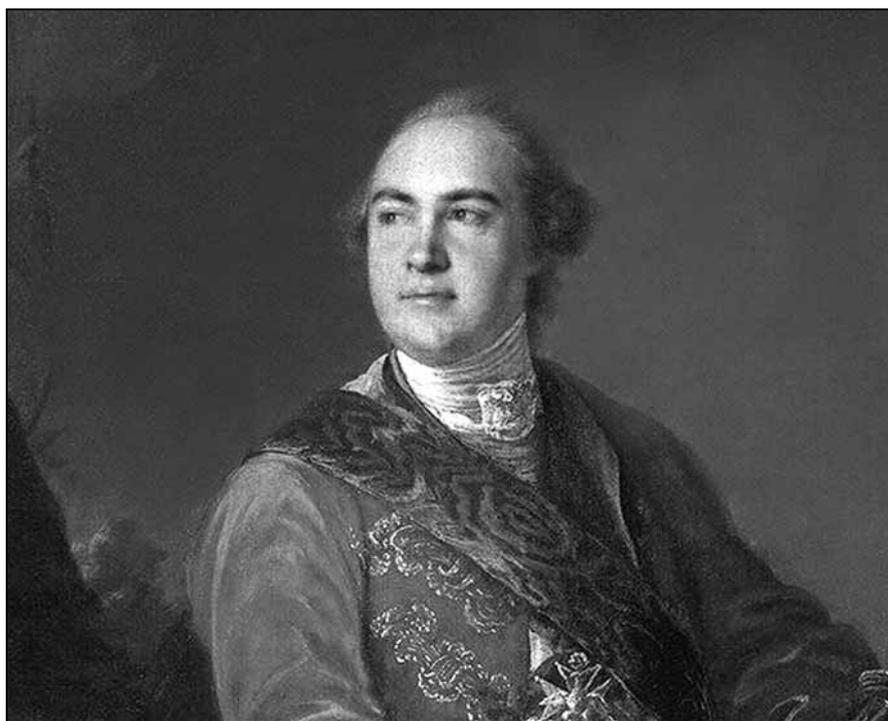
Тем не менее первое время Шувалов не чувствовал полной уверенности в прочности своего положения. По старой памяти легкомысленная императрица не могла отказаться от своих романтических увлечений красивыми молодыми людьми, которые в избытке окружали ее. Внимание царицы привлек юный кадет сухопутного корпуса Никита Афанасьевич Бекетов, исполнявший главные роли в спектаклях любительской труппы, которая давала свои представления во дворце. Елизавета не на шутку увлеклась Бекетовым. Вскоре он был произведен в сержанты, затем в премьер-майоры, а через некоторое время был уже полковником. Связь Елизаветы с Бекетовым ни для кого не являлась секретом, и всем было любопытно, вытеснит ли он нынешнего фаворита из сердца легкомысленной женщины. Клан Шуваловых усмотрел в Бекетове серьезную для себя угрозу. Дело в том, что ему протезировал злейший враг Шуваловых — канцлер Бестужев-Рюмин, и усиление привязанности императрицы к Бекетову могло вызвать лишение фавора Ивана Шувалова, за которым последовало бы и падение влияния на государыню супружеской пары.

Но тут судьба преподнесла Петру Ивановичу неожиданный пода-

рок. Бывший кадет как-то пожаловался старшему Шувалову на то, что лицо его стало терять свой естественный цвет. Петр Иванович посоветовал ему использовать мазь, которая поможет молодому человеку восстановить естественный цвет лица. Бекетов воспользовался мазью, которая до неузнаваемости обезобразила его, лицо изрядно покрылось прыщами, а государыня как огня боялась контактов с больными. Она незамедлительно покинула Петергофский дворец и поспешила в Царское Село. Отставному любовнику сообщили, что ему запрещено следовать за двором. Тут Бекетов заболел всерьез. Его трепала жестокая лихорадка. В бреду он что-то бормотал о своей связи с императрицей, и это не на шутку рассердило Елизавету. Спеша избавиться от него, она отправила Бекетова в армию, однако военные чины за ним сохранились. Впоследствии он сделал блестящую карьеру: Петр III произвел его в генералы и сделал губернатором Астрахани. Что же до Шувалова, то он занял прежнее место при дворе и продолжил свою карьеру.

С 1754 года Иван Иванович стал полновластным фаворитом Елизаветы, причем привязанность ее к нему росла из года в год, что отмечалось всеми современниками. Столь долгая привязанность объяснялась не только желанием отодвинуть подальше «осень» жизни, но и тем, что Елизавета узнала и оценила многие

*Алексей
Григорьевич
Разумовский*



замечательные качества своего юного любовника. С самого начала он, ставленник своих властолюбивых кузенов, не проявлял свойственной им наглости и беспредельной жадности и по-родственному поддерживал Петра и Александра. Благодаря фавору Ивана те заняли первенствующее положение в правительстве и при дворе. Но при этом нельзя сказать, что Шувалов был безвольной марионеткой в их руках. Он вел себя необычайно скромно для «ночного императора». А возможности получить чины, звания, богатство у него были не меньшие, чем у Бирона или Потемкина в период их фавора.

Власть Шувалова была необычайно велика, особенно в последние годы жизни императрицы, которая все реже и реже появлялась на людях и никого не принимала. Он оста-

вался единственным докладчиком и секретарем императрицы и порой единственным придворным, которого она допускала к себе. И все же, несмотря на огромную власть, которая волей случая оказалась в его руках, фаворит вел себя подчеркнуто скромно и никогда не афишировал свое положение. Это была не поза, а жизненная позиция. Он не рвался к чинам и не выпрашивал у государыни, как это делали другие сановники «крестьянишек» и «деревенишек». Разумеется, все относительно. Шувалов, естественно, не бедствовал. Он жил в императорском дворце больше десятка лет, наслаждался всеми благами, которые давало ему его положение. Елизавета любила одаривать своих фаворитов дворцами. В 1754 году она пожаловала Ивану Ивановичу дворец на Невском проспекте с огром-



Иван Иванович Шувалов

ной библиотекой и картинной галереей. Этот дворец является единственным официально зарегистрированным пожалованием императрицы Шувалову, новоселье в котором он отпраздновал пышным маскарадом. Все это подтверждает репутацию Шувалова как бесребреника, не использовавшего положение фаворита в корыстных целях.

Именно в бескорыстии и скромности Ивана Ивановича кроется одна из причин его долгого фавора. Всегда подозрительная к малейшим попыткам фаворитов использовать любовь к ним в ущерб ее власти, Елизавета без-

гранично доверяла Шувалову, потому что не сомневалась в его порядочности.

Попав в любовники гонимой ему в матери государыни, Шувалов вряд ли смущался этим обстоятельством, так как оно было общепринятым придворным институтом в жизни монархической Европы. Молодой, красивый, модно одетый, он был сыном своего века и от счастья своего отказываться не собирался. И совершенно естественно, что Елизавете он понравился не столько своим интеллектом, сколько светскими манерами и щегольством. Так что придворные дамы совершенно несправедливо называли его «Помпадур мужского рода» и давали его имя своим собачкам, украшая их лентами светлых тонов, которые он любил, как и Елизавета.

Да, в высшей степени необычным фаворитом оказался Иван Иванович Шувалов, потому что при всех внешних признаках светского щеголя он был настоящим интеллектуалом, тонким ценителем искусства, глубоко и искрен-

не преданным культуре и просвещению. По существу, его можно назвать первым министром просвещения России. Без него еще долго не было бы Московского университета, Академии художеств, первого публичного театра. Наконец, едва ли не самой большой заслугой Шувалова была его помощь и покровительство Михаилу Васильевичу Ломоносову, гениальные способности которого проявились во многих отраслях науки.

Для Шувалова, как и для огромного числа русских людей, Ломоносов был воплощением победы разума,

характером. Первый скандал в Академии наук он учинил еще в 1742 году, когда, оскорбленный тем, что не был избран ни на один академический пост, находясь в нетрезвом состоянии, грозил побить академиков при первом же удобном случае. В ответ академики вынесли постановление лишить Ломоносова права присутствовать на заседаниях. Уязвленный Михаил Васильевич продолжал грубить и оскорблять академиков, в результате чего около двух с половиной месяцев содержался в заключении, а затем под

Иван Иванович стал полновластным фаворитом Елизаветы, причем ее привязанность к нему росла из года в год. Это объяснялось не только желанием отодвинуть подальше «осень» жизни, но и тем, что Елизавета узнала и оценила многие замечательные качества молодого человека

учения над темнотой и невежеством. Великий помор считал, что Господь дал «первотолчок» всему сущему, которое затем развивается, согласно законам природы, над открытием которых и нужно биться ученым.

Скорее всего, подобный взгляд разделял и Шувалов. Иван Иванович был истинным меценатом, и роль эту он исполнял, опираясь на свое положение фаворита. Ломоносову это было особенно важно ввиду огромного количества врагов и недоброжелателей. Гениальный ученый отличался на редкость неуживчивым

домашним арестом. Лишь после вмешательства Сената Ломоносов был освобожден от наказания и прощен. Ни для кого не было секретом, что это решение Сенат вынес под давлением Шувалова, у которого к этому времени сложились с ученым дружеские отношения. Впоследствии Шувалов не раз оказывал Ломоносову столь необходимую ему поддержку.

Молва приписывает заслугу появления знаменитого «Письма о пользе стекла» тоже Шувалову. Однажды Михаил Васильевич прибыл

во дворец Шувалова во французском кафтане с большими стеклянными пуговицами. Кто-то из присутствующих заметил, что ныне такие пуговицы не в моде, все пользуются металлическими. Михаил Васильевич так горячо и убедительно оспаривал это мнение и оспаривал преимущество стекла перед металлом, что Шувалов, слушая его возражения, попросил ученого изложить сказанное в стихах. Выполнение просьбы вылилось в поэму о пользе стекла.

Пользуясь дружбой с Ломоносовым, Шувалов брал у него уроки по технике стихосложения. В XVIII веке было модно сочинять вирши, этим ремеслом занимались не только вельможи, но и монархи.

Однако главным результатом особых отношений ученого и мецената было учреждение Московского университета. В российской историографии до сих пор продолжаются споры о том, кто внес большой вклад в осуществление этого великого начинания. Ответить на этот вопрос не так просто. При создании Московского университета роли между Шуваловым и Ломоносовым распределены следующим образом: у Ломоносова возникла мысль об основании университета, которую подхватил и реализовал ревнитель просвещения Шувалов. Ломоносов составил план университета, назвал входившие в его состав факультеты, определил численность преподавательского состава в каждом из них, а

также контингент будущих студентов, то есть выполнил работу, непосильную для Шувалова. Тем не менее все эти планы остались бы благими намерениями, если бы за реализацию их не взялся Шувалов. К сожалению, нам неизвестно, как сами «отцы-основатели» оценивали свою роль в этом грандиозном начинании, поскольку они не оставили письменных свидетельств на этот счет.

Если славу основателя Московского университета Шувалов делит с Ломоносовым, то Академия художеств в Петербурге была целиком его детищем. Именно он в 1757 году представил Сенату проект Академии художеств, а открылась она в 1759 году и из-за отсутствия помещения первоначально размещалась в доме самого Шувалова, ее президента. Он приглашал из Европы лучших преподавателей, искал и собирал гравюры, необходимые студентам для занятий. Иван Иванович подарил Академии коллекцию шедевров западно-европейских художников, которая позднее стала основой собрания живописи в Эрмитаже. Но больше всего он заботился о воспитанниках Академии. Шувалов обладал чутьем на способных людей. Так в дворцовом истопнике, вырезавшем из кости безделушки, он разглядел будущего выдающегося скульптора Федота Шубина, и дал ему образование. Шувалов пристально следил за успехами учащихся и лучших посылал для совершенствования за границу. Сре-



Никита Афанасьевич Бекетов



Михаил Васильевич Ломоносов

ди них были люди, в будущем составившие славу русского искусства — архитектор Баженов, художник Рокотов и другие.

Немаловажную роль сыграл он и в создании первого в столице театра, получившего название «Русский для представления трагедий и комедий публичный театр».

Да, поистине выдающимся деятелем российского просвещения был Иван Иванович Шувалов.

Однако психологический портрет одного из первых отечественных меценатов был бы неполным, если не упомянуть о некоторых чертах его характера. При всей своей доброте, отзывчивости и великодушии Иван Иванович был сыном своего века. Барин по рождению и воспитанию, он не считал людей «низ-

шего сословия» равными себе и порой давал им это почувствовать, причем касалось это даже таких титанов мысли, как Ломоносов. Шувалов знал о, мягко говоря, неприязненных отношениях между Михаилом Васильевичем и известным в ту пору поэтом и драматургом Александром Петровичем Сумароковым, человеком, безусловно, талантливым, но скандальным и склочным. Пригласив двух заклятых соперников в поэтическом искусстве к своему столу во время званого обеда, он от души потешался над их перепалкой, которая едва не закончилась рукопашной. Один из мемуаристов записал подобную сцену со слов самого Шувалова: «В спорах Сумароков чем более злился, тем более Ломоносов

язвил его, и если оба не совсем были трезвы, то заканчивали ссору запальчивою бранью, так, что я был принужден высылать их обоих или чаще Сумарокова. Если же Ломоносов занесется в своих жалобах, то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь о нем. Сумароков,

ме есть такие строки: «Не только у стола знатных господ или каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ Бога, который дал мне смысл...»

Такое письмо мог отправить только сын помора, предки которого не знали крепостного права,

В высшей степени необычным фаворитом оказался Иван Шувалов, потому что при всех внешних признаках светского щеголя он был настоящим интеллектуалом, тонким ценителем искусства, искренне преданным культуре и просвещению. По существу, его можно назвать первым министром просвещения России. Без него не было бы Московского университета, Академии художеств, первого публичного театра. И едва ли не самой большой заслугой Шувалова была его помощь и покровительство Михаилу Васильевичу Ломоносову, гениальные способности которого проявились во многих отраслях науки

услышав у дверей, что Ломоносов здесь, или уходил, или, подслушав, вбегал с криком: «Не верьте ему, ваше превосходительство, он все лжет, удивляюсь, как вы даете у себя место такому пьянице, негодяю!»

«Сам ты пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые!» — не задерживался с ответом Ломоносов.

Подобные «забавы» фаворита вынудили Ломоносова в январе 1761 года обратиться к нему с резким письмом, содержание которого могло прервать отношения между ними, однако готов был принести покровительство Шувалова в жертву ради защиты своего достоинства. В пись-

утверждавшего рабское повиновение и унижение личности. Впрочем, скорее всего, и сам Иван Иванович понял, что несколько перегнул палку и нашел способ примириться с Ломоносовым, которым искренне восхищался.

25 декабря 1761 года, аккурат под Рождество, в жизни Ивана Ивановича Шувалова произошла крутая перемена. На его руках скончалась Елизавета Петровна. Говорят, в день смерти императрицы фаворита видели с разодранной ногтями щекой. Придворные гадали: было ли это выражением скорби по поводу смерти его благодетельницы, или фаворит

переживал по поводу потери власти и влияния. Шувалов был человек мягкий и благородный и, разумеется, уход из жизни престарелой любовницы не оставил его равнодушным. В то же время утрата блестящего положения и благ, с ним связанных, заставляла его по-настоящему страдать. Тем более что отношения с новым государем, Петром III и с его супругой, Екатериной Алексеевной, будущей императрицей, оставляли желать лучшего, и он не мог надеяться занять при них столь же блестящее положение, как при Елизавете Петровне. Но со временем Шувалов оценил свободу и покой, которых прежде был лишен. Ему было тридцать пять лет, и он прожил ровно половину жизни, отпущенной ему судьбой. Вторую половину он прожил так,

как хотел — без суеты и придворных интриг, наслаждаясь покоем, искусством, поэзией и путешествиями. Он гостил в Ферне у своего друга Вольтера, подолгу жил в Италии, коллекционируя предметы искусства. На своей вилле принимал русских художников — выпускников любимой им Академии. В своем петербургском доме создал первый в России литературный салон. Он любил друзей, и они отвечали ему взаимностью.

Иван Иванович Шувалов умер осенью 1797 года. Его похоронили в Александро-Невском монастыре, в Малой Благовещенской церкви. Прощальную речь архимандрит Анастасий закончил словами: «Жизнь Шувалова достойна пера Плутархова». Что ж, пускай это преувеличение, но говорит оно о многом. □

*Памятник
Ивану
Ивановичу
Шувалову
возле Новой
библиотеки
МГУ*



«Думай глазами, смотри ушами»



Свернули на проселочную дорогу — так водитель «Нивы», чей позывной был самым необычным — «Музей» решил сократить путь.

— Ну, точно музей доисторический! — выругался мужчина пожилого возраста, сидевший на соседнем сиденье и прижимающий гитару.

Он мне с самого начала не понравился. Начал рассказывать какую-то историю двадцатипятилетней давности, что он помнит меня и видел меня в чрезвычайных обстоятельствах. «Это был обычный пятничный вечер, мы с нашим отделом собрались слегка выпить, что было дозволено в нашем НИИ в девяностые годы и даже одобрялось начальством. Пронести спиртное было в те времена легко. А тут вы пришли, хотя мы ждали посыльного с пол-литрой. Вы плавно двигались мимо стола и затем начали предлагать приобрести ваши книги. Мы долго шутили про женщин. Это был такой прикольчик «поэтесса бальзаковского возраста».

Я буркнула, что Бальзак имел в виду возраст от двадцати до тридцати лет, а у меня уже давно послебальзаковский и, скорее всего, возраст безмятежности, то есть «я стою у ресторана — замуж поздно, сдохнуть рано...» Гитариста звали Виктором, фамилия то ли Погудин, то ли Погодин. Он откликнулся на позывной «Погода», и я шутила, что у него скрипят колени, когда он умещался на заднем сиденье, и что по хрусту суставов можно определять, будет ли сегодня дождь, ибо влага и туман — это еще и наша безопасность.

Вообще, мысленно я корила себя, что согласилась ехать сюда. Это моя патриотическая душа позвала меня в путь-дорогу. И чрезмерная экзальтация.

Мы продолжали ехать, подминая кусты, мелкие березки. Одна, вторая, третья, их тонкие стволы разрывались о днище, раскалывались с томным придыханием. Война не щадила никого и ничего — ни людей, ни животных, ни растений, ни малых деток...

...Это был обычный гараж на три машины.

— Высаживайтесь по одному! — скомандовал «Музей».

«Погода» вышел из «Нивы», подавая мне руку, но я отмахнулась от него:

— Ревматикам надо поменьше скрипеть суставами, а то шум дождя заглушаете!

Он делал вид, что не обижается на мою колкость. Хотя мог бы парировать: «В вашем веселом возрасте можно и пошутить!» А я бы ему в пику ответила: «Ваша грыжа в позвоночнике меня даже не напрягает! Она всю дорогу так хрустела, что грома слышно не было!»

Нас сразу стали кормить. Это была солдатская яичница с луком, сосисками и двадцатью желтками, запеченными с курицей. Чай подали в жестяных кружках, прокопченных на горелках — этаких восковых то ли лампадка, то ли огнянка. Мы их изготавливали в соседском центре на Совнаркомовской: брали банки из-под консервов, заливали туда воск и клали кусок картона. Я пробовала: чай вскипятить было можно, и погреть руки немного, даже чашка супа накалялась до нужной температуры. Окопные свечи — это изобретение прошлых войн. Сейчас война иная: такая же безжалостная, но электронная и компьютерная. Этих квадрокоптеров как из ведра насыпано в небе. Все испоганили эти укры — и небеса нам, и радугу.

Народа набралось много, кто-то стоял, кто-то сидел. Я отдала свою табуретку «Погоде», проворчав: «Старикам у нас везде дорога и даже самое лучшее сиденье!» Но он отмахнулся, садись, мол, сама. Я тут же парировала: «Ну что, колени совсем не гнутся? Понимаю вас!» И, недолго думая, заняла его табурет.

Парни, спасибо вам! Я читала им свои стихи. Именно стихи, а не стихотворения, как говорят наши жеманные барышни. Они читают их в ЦДЛ в Москве, в клубах, по городам и весям нашей страны. Ну молодцы же! А вот здесь, где березки под колеса кидаются, не пробовали, а? Особенно меня бесят салонные девицы, которые все про любовь да любовь строчат! А про куски мяса? А про мозги вышибленные? А про то, как трупы в лесу собаки грызут? Как волчицы едят хохлов и воют-воют от жадности! Да-да вы не ослышались не от жалости, а от того, что весь хохол в желудок не помещается. А есть-то надо! Хорошо, если жирненький попался, а то, бывает, такой жилистый, и мясо вонючее!

Ужинать к нам за наспех сколоченный стол присела снайперша. Она как раз с задания пришла. Такая худенькая, изможденная, а куски, обжигаясь, чуть ли не целиком глотала. Снайпершу звали Ляля. Это было и имя ее, и позывной одновременно. Ляля-точная. Ляля-беспощадная, Ляля-снайпер, Ляля-сорока.

Руки тоненькие, пальцы с обкусанными ногтями, на запястьях фенечки. Награждена боевыми наградами «За отвагу», «За ратную доблесть», «За

боевые заслуги». Ляля молчала и, чуть пофыркивая, пила большими глотками чай. Она начинала с Саур-могилы — там была ее первая «лежка». Это тебе не сидка за компьютером наших жеманных девиц. Ляля, если можно так сказать, «работала» на многих самых опасных участках фронта в составе мотострелковой бригады. Насытившись, она подняла голову, посмотрела на меня, затем на «Погоду» и сказала:

— Я тут с четырнадцатого года. За наших. Против этих ублюдков.

Ее винтовка Драгунова стояла рядом. Это было тяжелое СВД, «маркманское», восемь зарубок выцарапано гвоздем на окладе...

Хрупкая, тонкая как березка Ляля, — и рядом тяжелая, черная СВД. И еще эти фенечки...

Я достала из рюкзака свою «обережную» нить и протянула Ляле:

— Повяжи!

— А ты?

— У меня еще есть. Это самая заветная. Вам нужнее!

— Если следовать книжке, то СВД может похвастаться самозарядным механизмом, — неожиданно произнесла Ляля. — Я не думаю, что там живой человек — это враг! И меня никогда не мучает совесть, если вы об этом хотите спросить. Меня не мучает кошмар, плохой сон, мрак, дурное предчувствие, боязнь, мысль о возмездии, о том, что попаду в ад за убийство и прочее. Есть враги, которые пришли на нашу землю. Знаете, что я помню на самом деле? Как пришла домой, включила новости и увидела, что какое-то самозванное чучело, сидя на крышах на киевском майдане, изрыгает, что «будем рвать Донбасс, что там орки!» Когда летом наши стали оставлять города Донецкой области, я ушла с ополчением. Нам тогда всем казалось, что это временно, максимум месяц. И еще я думаю, знаете, о ком? О Людмиле Павличенко, она в двадцатилетнем возрасте уничтожила 309 фашистов в 1942 году.

Ляля внезапно поднялась и направилась в соседнюю комнату. Там она разделась, обтерлась влажной салфеткой, легла на топчан и... сразу заснула. А еще она улыбнулась мне. Такой детской, безмятежной улыбкой...

— На случай окружения у нее есть граната, — пояснил «Музей». Он тоже допил чай и махнул рукой — пора!

«Погода» дернул меня за рукав:

— Зачем граната, не знаешь?

— Чтобы не попасться в плен украм, — выдохнула я. — Плен для снайперш — самое опасное. Тем более у Ляли восемь зарубок, значит, уже восьмерых доедают лисицы в лесу... Или волки...

На самом деле Ляля была не новичок, а зарубок на СВД должно было быть гораздо больше, но с некоторых пор она перестала ковырять гвоздем

по глади приклада. Ляля — уважающий себя человек. Главное для людей ее профессии уметь занять правильную позицию и лежать тихо, пока не повежет, ибо на противоположной стороне может находиться точно такая же Ляля. И она не кукла с розовыми бантами, она тоже боец, она — Укроляля. Найти подходящее место всегда сложно, тем более искать надо быстро, ничем не выдавая себя. Возле населенного пункта опасайся собак — они тебя выдадут с головой, ибо, обнаружив лежащего в укрытии человека, начинают лаять и вилять хвостом. Еще большую опасность представляет оптика, ее просто видно даже на расстоянии. А еще солнце! Если ночью оно спит, то утром, а особенно днем — просто беда, ослепляет! И никакая маскировка не поможет, приходится постоянно двигаться, перемещаться, а это очень опасный маневр.

Был случай, что Укроляля, забравшаяся на дерево, так хорошо замаскировалась, что целый отряд бойцов не мог ее обнаружить, а спохватились тогда, когда та начала долбить им в спину. Несколько человек наповал, остальные ранены. Но эта Укроляля сиганула с дерева так, что ее не смогли подстрелить, и успешно скрылась в посадке. Юркая, жесткая, беспощадная, она ловко маскировалась и причиняла кучу неприятностей нашей позиции.

«Взять живой!» — был приказ командования.

«Есть! — кивнула Ляля. — Если увижу, доложу!»

Охотились долго. И уже, было, рукой махнули, думая, что, может, убили эту пигалицу, но оказалось, что вражина жива.

Ляля в тот день несла дежурство. Утро было предзимнее, с морозцем, к полудню потеплело. Хотелось выпростаться из укрытия, снять хотя бы теплый свитер из овечьей шерсти, связанный бабулей. Пот заливал глаза. Но Ляля знала — если пошевелится, обнаружит себя. Поэтому терпела до тех пор, пока капли влаги на лбу не высохнут сами. Она слегла дула на них, старясь смахнуть пот дыханием. Вдруг впереди что-то замаячило, буквально метрах в семидесяти от того места, где лежала Ляля. «Может, птица, ну, там воробышек или синичка?» — подумала она, но решила проверить, приглядеться. Как учил командир — думай глазами, смотри ушами!

Ляля затаила дыхание, прислушалась. Нет, не синица, те взлетают сразу вверх, их видно в оптику. Если бы была ворона, то она бы каркала, сорока стрекотала бы.

«Потому по характеру я — боевая и смелая! И ворона я — белая. Даже сорока я — белая», — вспомнила Ляля стихи, которые учила в десятом классе. Как это все далеко! Даже не верится, что было мирное время, что мама собирала Лялю в школу, припасала пенал, дневник, тетрадки. Сво-лочи эти укры, все отобрали!

Ляля еще раз пригляделась и поняла, что на дереве, между сучьями сидит она, та самая Укроляля, ибо в прицел смотрели карие, смолистые

глаза. Вот один, накрытый увядшим листом, второй слегка сощуренный. «Братъ живой...но как?» — сразу мелькнула мысль. Если Ляля покинет свое укрытие, находившееся за высоким пнем, то выдаст себя. А так — лежит и лежит, вроде бы проталина возле старых корней, высохших травинок... Если выстрелит, то где гарантия, что не убьет? Значит, надо целиться в ноги. В обе, чтобы Укроляля не сбежала. И еще одна опасность: выстрелит Ляля, поранит хохлушку, но с другой стороны враг тоже не дремлет, начнет минометом работать.

Но приказ есть приказ. Все-таки винтовка с глушителем, если рассчитать шум ветра, можно подстрелить гадину, а затем перебежками добраться до дерева. Так же быстро связать раненую и дотащить ее до своих. Поэтому Ляля решила, что один выстрел будет в ступню вражины, а второй в голень. Она перекрестилась, и тут отчего-то вспомнила сразу всю родню: маму, папу, бабушку. Еще вспомнила одноклассника Петрушу. Он тоже воюет за наших, где-то на Херсонском направлении. Поэтому за маму, папу, бабушку, Петрушу!

Выстрелы были удачными. Оба.

Укроляля скатилась под дерево, ее натовский НК PSG1 остался в ветвях, вместе с регулируемой длиной колбой, с увеличением бх, с бесшумным закрытием замка, с патронами 7,62 x 51 мм. Теперь Ляле надо было только бесшумно пробежать 70 метров. Она скинула куртку, подхватила свой СВД и ринулась вперед.

Снайперша Ляля все верно рассчитала: противница не успела ничего сообразить, она лишь пыталась остановить кровь, боясь звать на помощь, ибо любой вопль — это пуля в ее сторону, а значит — смерть. Она же очень хотела жить! У нее были длинные черные косы, которые выбились из-под шапочки со смешным детским помпончиком. Женщина забинтовала сначала левую ногу, ибо оттуда ручьем хлестала кровь, затем сняла сапог с правой ноги, охая от боли. Она знала, что обезболивающее поможет, но только минут через пятнадцать, поэтому тихо стонала: «Зараз, зараз, тільки перев'яжу і піду до наших...»

«Нет, до своих ты не пойдешь! — раздался за спиной Лялин голос. — А пойдешь ты до моих!»

«Відпусти, кричати буду!» — Укроляля закончила перевязку, и Ляля оценила мастерство украинки: аккуратно, по-деловому был наложен бинт. Значит, давно уже воюет.

«Кричи! Быстрее сдохнешь» — усмехнулась она.

«Чому швидше здохну. На якій підставі?» — Укроляля надела носок на правую ногу, а сапог разрежала ножиком и впихнула в него раненую ногу, примотав скотчем.

«А потому, что пристрелю!»

«Не маєш права, російська свиня!»

Солнце уже село, и его последние желтые струйки пробивались между деревьями.

«А от не піду нікуди! Я поранена!» — зло сверкнула глазами Укроляля.

«Тогда тебя к дереву привяжу. Пусть ночью волки поужинают, ты вон какая толстозадая!»

Укроляля нехотя, опираясь на ствол березы, поднялась.

Ляля подала ей две крепкие деревянные палки вместо костылей, и та послушно, хромя и охая, проклиная русню, начала идти. Затем стала просить отпустить ее, клялась, что больше никогда не возьмет винтовку, взывала:

«Ось у тебе є діти, мама? Наречений? Відпусти мене, я чим завгодно клянусь, не стану більше в цю війну прокляту грати. Я ж не навмисне. Мене змусили».

«Нет, идем. В блиндаже тебя хорошо перевяжем, вылечим. А там видно будет. К тому же не верю я тебе. Ты на фронте давно, думаю, года два точно. Вон как наострилась! наших троих задвухсотила, а пятерых затрехсотила. Это только с месяц назад. А до этого, кажется, человек девять убила.

Ляля подхватила снятую куртку, которая лежала возле пня, надела ее и поняла, что все-все сделала правильно и бесшумно. И даже хорошо, что куртку сняла, иначе так быстро не добежала бы до вражины. И еще она поняла, что идти осталось меньше километра.

«Це не я була. Це мій змінниця. Маруся...»

Они шли и шли. Медленно. Укроляля всеми силами пыталась вымолить прощение у Ляли.

«Хочеш на коліна встану. Тільки відпусти мене!»

«Нет!»

«Хочеш, колечко дам? Це мій наречений подарував, Дмитро».

«Не надо мне от тебя ничего. Ни кольца, ни извинений, ни просьб. Шевели лапами, скоро уже дойдем. Там тебя перевяжут и в тюрьму отправят...»

«А за шо в тюрьму? Я ж только на дереве сидела. Я ж не стреляла. Ты же видела, что я не стреляла! Ой-ой, Дмитро мой. Коханый! Шо робиться!»

Было видно, что силы Укролялю покидают. Щеки бледнели, руки тряслись... И на запястьях тоже фенечки, как у Ляли, но только не десять, а целый пуд.

Ляля достала из аптечки обезболивающее и сказала:

«Остановись. Передохнем».

Укроляля послушно присела, затем, опираясь на дерево, спиной сползла на проталину.

«Яка ти вперта, ну чого тобі взагалі від мене треба? иди одна. Скажеш, що я втекла. Або медаль за мене хочеш взяти? Заохочення? Грошей? Скільки ти хочеш? Дам! Прямо зараз скину тобі на карту!»

«Не надо мне твоих поганых денег натовских! Ты наших детей убивала, стариков, братьев-сестер моих. Ты наших пацанов жизни лишала. Я на твою землю не ходила, ты сама сюда приперлась. А теперь откупиться хочешь? То жалуешься, что тебя твой коханий, такой же фашист, не увидит, то торгуешься! Мы не на рынке колхозном. Все по закону будет!»

«Тю!..»

«Давай укол сделаю. Снимаю штаны!..»

Укроляля послушно оголила кусочек ягодицы. — Делай!

Сделав укол, Ляля поторопила пленницу:

«Идем! Идем!»

Она хорошо знала эту дорогу. Вот поворот налево, там еще малость — и свои! Настоящий бункер — с баней, кухней и лежаками!

«Сдам эту торговку командиру! «Музею» позвоню, мол, так и так, привела сучку! А там суп...чай...ласковые слова...Молодец, Лялечка!»...

Шли очень медленно. Укроляля постоянно отвлекалась, ныла, стонала, даже истерить пробовала...

Но Ляля — кремень. У нее характер весь в отца. Донбасский!

«У мене будиночок і сад черешневий під Львовом. В гості до мене приїдеш. З Дмитром познайомлю. Він багатий. Ми багато дамо тобі грошей...»

«Главное — не заплутать! Не сбьется с пути...Я же сказала: не нужен мне твой Львов! Твой будиночек! И твой Дмитро!»

Укроляля тяжело дышала, иногда начинала выть. А у Ляли прямо сердце разрывалось от жалости. Что будет с этой куклой? С этой замороченной дурочкой? И вправду — суд, тюрьма? Или самосуд? Если наши разозлятся — тут мало не покажется! Был случай, что четверо пошли на задание, один струсил, отказался. Так его свои же и грохнули. От ярости... Правда, их потом осудили, ну, там военно-полевой суд...но труса уже не вернешь, Он в земле лежит!

Взошла полная луна — как-то неожиданно выплыла из-под туч. И Ляля поняла — вот оно, скоро-скоро! Вот пихта. Та самая. Вот сосна. Вот две елки! Ухнула сова...блин...словно войны нет...

«Відпустивши. Останній раз прошу. Молю! Ось є душа у тебе? Ти ж така маленька. Красивий. Потім до кінця життя пам'ятати будеш, що могла б мене врятувати. Але не стала. Уперта ти!»

— Да! Упрямая. И смелая!

Эй...эй... кто тут? Ты, Ляля?

Они как раз уперлись в бугор над окопом...

Ура! Дошли!..

Утром все вышли к дороге. Там стояли два тягача, вытягивали танки из болота. «Музей», хмуро подталкивая Укролялю в спину, одно ее запястье привязал веревкой к правому тягачу, а второе, с фенечками и безвкусным лаком на ногтях, к левому.

— Мне обещали, что я буду жива! — неожиданно на чисто русском выкрикнула Укроляля. — Ты, сука, наврала! Дрянь русская!

Ляля стояла в стороне. Она смотрела на фенечки, которые обвили руки украинки. Стала мысленно считать. Две, три, четырнадцать, двадцать четыре...

— Жабa вонючая! А я ей домик, Дмитро...мама-папа...колечко! Сдохнешь через меня! Я те смерть тоже нашлю! — плюнула в сторону снайперши Укроляля.

«Музей» взглянул на Лялю и улыбнулся:

— Отказалась от будиночка? От садика черешневого? От кольца и денег? Ну, ты, Ляля, молодец! Четвертый орден тебе лично вручу!

Тягачи начали медленно разъезжаться в разные стороны. Ляля прикрыла глаза, и перед ней медленно проплыли черешневые деревья, домик с крылечком, баня, угрюмое лицо Дмитро и плачущие глаза старой женщины, наверное, матери Укроляли.

— Стойте! Стойте! — неожиданно выкрикнула она.

— Да мы ничего не станем делать. Так...попугаем эту чувырлу!

...Укроляля, закрыв глаза, слабо шевелила пальцами, лежа в луже. В русской луже. Где отражались синие облака, рыжее солнце, кусочек горизонта, за которым цвел и благоухал черешневый сад...

Ее отправили на большую землю с первым рейсом...

Ляля... Ляля... моя любимая смелая девушка, которая всегда хотела повторить подвиг Людмилы Павличенко!

Она всегда была на стороне наших и не бегала туда-сюда. Она же не Курбский!

И сколько таких Ляль у нас на фронте!

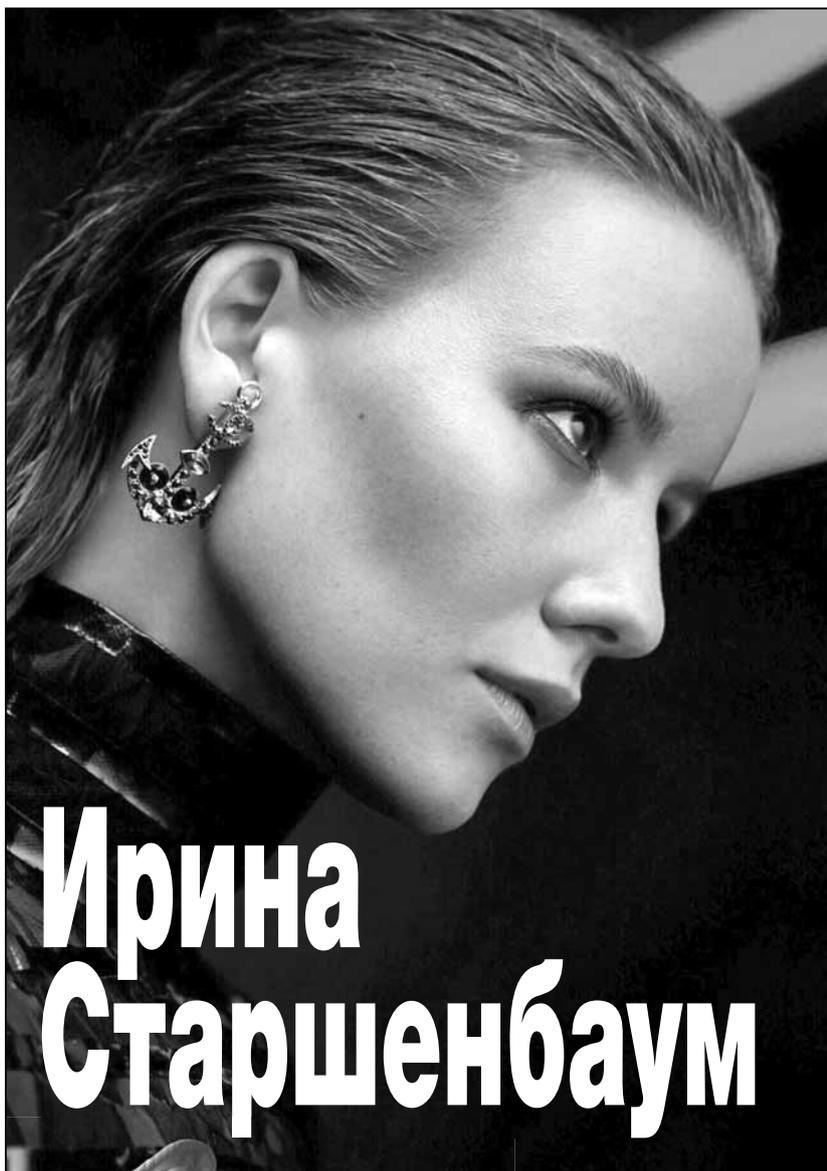
Целеустремленных, правильных дочерей родины нашей...

Много.

Поэтому сидим и плетем им фенечки. Разноцветные. С узорами. Синий-красный-белый. А еще есть плетение, которое называется «майский жук». Именно его я подарила Ляле. И еще сплету!

Но это будет очень диковинное изделие с камушками, с такими рыжими стекляшками-бусинками.

Носи на здоровье! □



Ирина Старшенбаум

Яркая и ранимая актриса Ирина Старшенбаум ворвалась на экраны, сыграв главную роль в фантастическом фильме «Притяжение» Федора Бондарчука. Далее последовали не менее заметные работы в «Т-34», «Общаге», «Здоровом человеке», «Лете», «Медиаторе», «Инсомнии», «Надвое», «Огниво» и других картинах. Актриса увлекается психологией, и, кажется, она нашла ключ к сердцу зрителей — это честность во всех своих проявлениях, за которую она уже получила телевизионную премию «Тэффи» и кинонаграду «Золотой орел».

О кино, о любви и об искусстве мы поговорили с Ириной Старшенбаум.



«Нужно просто жить и любить, получать удовольствие от того, что происходит вокруг»

— Ирина, в этом году на экраны выходит фильм «Туда» с вами и с Петром Федоровым в главных ролях. Расскажите, о чем эта история для вас?

— Это легкое кино о любви, с элементами юмора. Очень светлая картина. Раньше мне хотелось сниматься только в серьезных драматических фильмах, говорить на важные

социальные темы. Но сейчас, мне кажется, нам всем нужно безопасное пространство, куда можно было бы сбежать от проблем. И кино может стать этим пространством.

По сюжету фильма моя героиня Вера, актриса с легким и оптимистичным взглядом на жизнь, отправляется в путешествие из Москвы в Уфу на такси, за рулем которого оказывается молчаливый и серьезный Вадим.

— А в роли Вадима — Петр Федоров? Вы же с ним давно знакомы?

— Да, мы дружим уже много лет. Встретиться с ним в одной картине — это самый большой подарок. Петю я очень люблю и уважаю как художника, человека и артиста. У нас сложилась теплая и творческая обстановка на съемочной площадке.

— Режиссер фильма Иван Петухов тоже ваш давний знакомый. Вместе вы работали над картиной «Сестры», в которой вы не только исполнили главную роль, но и выступили креативным продюсером. Почему вы решились на это?

— «Сестры» — это его дебютная работа в большом кино, это хоррор о домашнем насилии. Когда я уже начала плотно заниматься проектом, то поняла, что кино на остросоциальную тему можно делать только очень честно. И сделать так, чтобы этот фильм увидело как можно боль-

ше людей. Я боялась, что эту картину не заметят, так что сама предложила свою помощь в ее продвижении. Ребята сразу меня поддержали, потому что этому фильму необходим женский голос не только «внутри» истории, но и на выходе.

— Сталкивались ли вы сами с насилием?

— Мне кажется, что мы вообще не осознаем, с каким количеством насилия сталкиваемся ежедневно. Я довольно стойкий человек, но, например, многие режиссеры ведут себя авторитарно, могут применять — как им кажется, во благо — психологическое насилие в работе по отношению к съемочной группе. Это вообще в любых коллективах может происходить.

В моей жизни не раз бывали случаи психологического насилия, газлайтинга — и в отношениях с людьми, и в работе. Если бы я могла выбирать, предпочла бы, чтобы со мной этого не случилось. Но любой опыт — это точка роста. Меня эти ситуации научили выстраивать отношения с близкими и коллегами. Как в «Маленьком принце»: как я могу познакомиться с бабочками, не сразившись с гусеницами?

— Ваши друзья и знакомые отзываются о вас как о жизнерадостном человеке. Это правда, вы действительно оптимист?

— Оптимист? Наверное. Я же Овен, нам всегда на месте не сидит-

ся, много внутри разной энергии. В этом есть и плюсы, и минусы, так как энергия иногда бывает разрушающей. Но всегда присутствует ощущение, что в итоге все будет хорошо.

— Стараетесь контролировать себя в разрушительные моменты?

— Стараюсь. Но это же искра — и все! Мне сложно переключаться. Я очень честна во всех своих проявлениях. Если радуюсь и люблю, то это все очень бурно происходит, а если злюсь, и мне грустно, то я растворяюсь в этом состоянии. Люди все разные. Я — такая. Но мне нравятся эти мои настроения. И меланхолия хороша — под правильную музыку.

— Близкое окружение оказывает на вас влияние? Чувствуете, что, общаясь с определенным человеком, становитесь похожи на него?

— Да. Я — энергетическое зеркало. И неважно — со знакомыми или незнакомыми. В любом случае я буду отражать, совершенно точно. На самом деле не считаю, что это хорошо, нужно иногда быть мудрее, стараться отключаться от всего. Но я чувствую энергию и начинаю под нее подстраиваться.

— Вы окончили курс «Психология средствами театра». Как вы на него попали?

— Мой дедушка, Геннадий Владимирович Старшенбаум, — психиатр-

психотерапевт высшей категории, кандидат медицинских наук, очень талантливый человек. У нас с ним генетическая связь. Любовь к психологии человека, к сознанию, к бессознательному — все это меня очаровало с помощью дедушки. У него своя кафедра психологии. Я собиралась поступать к нему. Он спросил: «А ты психологом хочешь стать?» Я ответила: «Пока не знаю...» «Будешь знать — приходи». И я пошла на курс «Психология средствами театра», чтобы проверить — хочу ли я быть психологом. Оказалось, что нет. Но курс меня впечатлил.

— Чему вас на нем научили?

— Это детективное расследование психического, внутреннего состояния человека, твоего героя. Допустим, я играю серийную убийцу. Почему я стала такой? Давайте разберемся, что в детстве у этой женщины было? А! Мама с папой пили, сильно били, она их ненавидела, ну и так далее. То есть это потенциальная жертва, для нее убивать — это как бы реализация ее детских страхов. Я училась пониманию личности. Никогда нельзя своего персонажа осуждать, нужно докопаться детективным образом до правды. На курсе я познакомилась с такими понятиями, как рефлексия, чувство эмпатии... Я помню эти слова, все зарождалось именно там. Нам преподаватель объяснял, что заставляет человека или персонаж действовать в ситуации именно таким образом.

— Ваши персонажи влияют на вас?

— Очень. Приходишь в кино одним человеком, выходишь совсем другим. Всегда.

— А вы когда-нибудь играли отрицательных персонажей?

— В сериале «Шакал» по сценарию моя героиня Калина — очень отрицательный персонаж. Но я не хотела подавать ее так однозначно. Нельзя просто тварь какую-то изображать. Зачем? Кому это интересно? Надо было, чтобы зрители ее пожалели, посочувствовали. Вот такая была передо мной актерская задача.

— Вы в детстве мечтали стать актрисой?

— Думаю, да. Но я не могла признаться себе в этом.

— Почему?

— Это нормально. Ты же слышишь в жизни разные истории — об удачах и неудачах. Я не знала, что у меня такой характер, что я скажу: «Да, Господи! Сейчас все сделаем. Будем стараться, работать, чего-нибудь да добьемся». В этой профессии главное — не конечный результат, а процесс. Я не знала, что мне так понравится играть, сниматься. У меня каждый день — как открытие самой себя, и это очень интересно. Так много всего впереди, я прямо чувствую...

— В школьные годы вы играли в спектаклях?



— Я писала сценарии, ставила спектакли и сама в них играла. Спорила со всеми, раздавала роли... Вся эта постановочная работа меня захватывала. После одного из спектаклей мои педагоги сказали: «Ира, ты будешь актрисой». Я рассмеялась: «Ну да, конечно».

— Вы трудоголик?

— Да! У меня две крайности: я могу работать, как сумасшедшая. Но иногда возникает потребность заползти в дом, как в норку, и долго там сидеть, никуда не вылезать, что-то аккумулировать в себе, читать, смотреть. Но чтобы действительно отдохнуть, лучше всего отправиться в путешествие. Мне очень нравится Индия, Азия. Там совершенно иное настроение ловишь, ты как будто сам с собой наедине. Если говорить об отдыхе в Москве, люблю проводить время дома с книжкой. Ну и друзья — это, конечно святое.

— А Санкт-Петербург? Вы же там часто бываете...

— Санкт-Петербург — это самый красивый город в мире, где я просто на уровне какой-то энергии чувствую себя свободной и заряжаюсь творчеством. У меня настоящая любовь с этим городом, и у него — со мной. Особенно я люблю наблюдать Петербург из окон парадных и крыш. Когда мы снимали сериал «Надвое», они стали моими самыми любимыми локациями. Любимый город плюс любимая работа — и меня просто разрывает от счастья.

Конечно, все знают, что Питер — гастрономическая столица России. И здесь находятся все мои самые любимые рестораны. А еще любимый кинотеатр «Аврора», один из старейших кинотеатров в Санкт-Петербурге. Помню, что первый раз посмотрела в этом кинотеатре фильм «Зеркало» Тарковского с моим другом Сергеем Яковлевым.

— Что вас вдохновляет?

— Современное искусство. Я хожу на выставки, дружу с художниками, начинаю коллекционировать, и мой интерес растет с каждым годом. А еще истории людей. Люблю биографическую литературу, мемуары актеров, режиссеров... Художественная литература мне нелегко дается. «Мастер и Маргарита» мне понравилась, Достоевского люблю, поэзию... Я и сама пишу стихи, правда, пока «в стол». Иногда отправляю какие-то шуточные четверостишия своим друзьям.

— Видела вас с книгой Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». Какие у вас впечатления?

— Тяжело физически было ее читать. Это такое откровение. И Марина рассказывает свою историю на одном дыхании. Возникает ощущение, что она села и написала ее за одну ночь. Безумно грустная книга. Там есть и веселые, смешные моменты, но в целом это произведение пронизано любовью, ностальгией. Их встреча была судьбоносной. Есть люди, которые



«Сестры»

как-то притираются, строят отношения, а есть те, которые будто предназначены друг другу. Такие истории навсегда остаются в сердце, в памяти.

— Любовь должна быть счастливой?

— Она каждый день разная. Что такое счастливая любовь? Это нонсенс. Любовь проявляется в ежедневном преодолении каких-то ситуаций. Бывает, что просто страшно жить. Но человек, который рядом с тобой, дарит тебе свою поддержку, и ты понимаешь, что во-о-о-от такие расстояния между вами преодолеваются. Это и есть любовь.

— Вы влюбчивы?

— Я влюбляюсь в людей. В женщин, в мужчин — неважно. Мне кажется, это очень важно — очаровываться людьми. Каждый день. И если

этого не происходит, уже ничего не надо. И жить не надо.

— Когда встречаешь «своего» человека, сразу чувствуешь, что это он?

— Думаю, да. Это такое спокойное, понятное чувство. Но личность обновляется через определенное количество лет, и никто не может прогнозировать, будете ли вы вместе всегда или разойдетесь через год. Все зависит от желания людей меняться и принимать друг друга. Вообще, по-моему, нужно просто жить, любить и не терзать себя лишними вопросами. Получать удовольствие от того, что происходит. Иногда страдать. Больно порой бывает, но это нормально.

— Вы романтик? «Конфетно-букетный» период важен для вас?

— Да. Это магия момента. Как в кино. Нельзя специально научиться создавать магию в какой-то сцене. Все решается спонтанно. Это мой девиз. Например, позвала меня на площадку моя подруга режиссер. Я приехала к ней и подарила цветы, потому что у нее первый съемочный день. Такие маленькие чудеса — это приятно, они делают жизнь интересней.

— С Никитой Ефремовым вы снимались уже в трех картинах: «Общага», «Здоровый человек» и «Сестры». Вас можно назвать друзьями?

— Мы много лет дружим. Познакомилась с ним еще до съемок в «Притяжении» и до того, как меня стали узнавать на улицах.

Я ходила на фильм «Золушка», а он в нем играл главную роль. Посмотрела на Никиту и подумала: «Господи, какой потрясающий артист, какой красивый парень и абсолютно родственная душа!» И я решила спонтанно добавить его в друзья в одной из социальных сетей. Написала, что мне понравилась его роль, а он ответил: «Ира, спасибо. Пойдем гулять». Я сказала: «Пойдем». И мы пошли гулять с ним и его однокурсниками. Тогда он еще учился в Школе-студии МХАТ. С тех пор мы так и дружим.

— Тяжело с одним и тем же партнером играть разные истории, разные взаимоотношения?

— Нет, это прекрасно, когда ты уже знаешь партнера, когда это уже твой друг, знаешь глубину, на кото-

рую ты с ним можешь рассчитывать. Потому что для установления доверия нужно время — у нас с Никитой оно уже есть, есть бэкграунд, есть темы, которые мы можем открыто обсуждать, что очень важно, особенно когда приходится играть мужа и жену.

— В обоих ваших с Никитой фильмах, и в «Сестрах», и в «Здоровом человеке», ваши персонажи — это семейная пара. При этом каждая из этих пар несчастна по-своему. В «Сестрах» присутствует настоящий абьюз. А в «Здоровом человеке» героиня, не может понять причину экзистенциального кризиса своего партнера. Со стороны кажется, что у семьи из «Здорового человека» шансы есть, а у пары в «Сестрах» — нет. Это правильно?

— Мне кажется, ни там, ни там нет шансов. Мне интересно изучать, что именно не дает нам соединяться, или вопреки чему мы соединяемся и почему так криво это делаем. Есть люди, которые живут вместе годами, но в токсичных отношениях, как в «Сестрах». Я против такого соединения, все-таки предпочитаю, чтобы плохие сценарии заканчивались. Моя личная жизненная политика — не терпеть.

Что касается «Здорового человека», то моя героиня Майя вроде как смиренная жена. На самом деле она имеет личную выгоду, самоутверждаясь в том, что она святая женщина, такая христианская му-

ченица, которая любит и ждет, пока ее муж пройдет через свой кризис. Но проблемы ведь гораздо раньше начинаются. Мне кажется, они подписали какой-то контракт метафизический: «Давай, я буду женщиной, которая будет тебя немножечко поддавливать, буду от тебя ждать, что мы идеальная семья». А он, видимо, где-то слабее, чем она, и вот пытается ей соответствовать, быть мужиком, доказывать что-то своей маме или каким-то другим женщинам. Но мы никогда не сможем убежать от своих травм, даже если пытаемся их спрятать и сделать вид, что все заново построим. Наши ге-

рои долго изображают идеальную пару, у них все есть: прекрасная семья, прекрасная квартира, прекрасные друзья. А на самом деле рана начинает так или иначе вскрываться и болеть.

— Если говорить о подготовке к роли — изучали тему волонтерства, которая становится в «Здоровом человеке» одной из основных?

— Мне как раз для моей роли это было не нужно. У меня, наоборот, история про женщину, которая не понимает, почему нельзя сначала спасти себя и свою семью, а потом





уже спасать всех остальных. Поэтому я намеренно не стала погружаться в мир волонтерства и сосредоточилась на теме семейных отношений.

— А в вашей реальной жизни есть место благотворительности? И насколько в этом вопросе вы схожи по взглядам и отношению со своей героиней?

— Есть благотворительные проекты, которые я поддерживаю, например, фонд «Подари жизнь». Еще мне нравится фонд «Антон тут рядом». Если что-то во мне откликается, та или иная идея или миссия, то я с удовольствием принимаю участие, а если нет — то я не тот че-

ловек, который будет себя заставлять делать добрые дела. Прислушиваюсь к себе, и в этом, возможно, мы как раз и совпадаем с моей героиней.

— В сериале Валерия Тодоровского «На двоих», у вас тоже одна из важных ролей. По сюжету у вас роман с героем Данилы Козловского, женатым и пытающимся завести ребенка...

— Это история про любовные треугольники. Вечно живая тема, не перестающая быть актуальной. В этом сериале она показана глазами мужчин. Это интереснее всего, ведь мы давно привыкли видеть любовные приключения глазами женщин, мужская рефлексия обычно остается за кадром. На мой взгляд, мальчикам надо работать с эмоциями и транслировать их в мир. Иначе из них могут получиться довольно жестокие мужчины, поскольку у них нет внутреннего выбора. Они либо взрываются, потому что долго копят все эти эмоции, либо замыкаются и становятся бесчувственными и хладнокровными.

Мужчина должен понимать — как в отношениях, так и в дружбе, — что он имеет право на эмоции. Позволить мужчине тоже быть слабым — это нормально и порой даже красиво, когда большой крепкий мужчина может проявить слабость. Мужчин того поколения воспитывали по принципу: ты же мужчина, тебе нельзя плакать. Это, я считаю, надо менять.

— Что для вас было самое любопытное в этом сериале?

— Меня обольстило и подало мне знаки, что персонажа зовут Ира, и она из Петербурга. Кроме того, я очень хотела поработать с Валерием Петровичем. Все актеры всегда в таком восторге от него! С ним действительно очень интересно. Я смотрела все его работы, восхищаюсь его мастерством. Это было самое главное. Я всегда иду «к человеку», а не «к сценарию».

В «Содержанках» я снялась, потому что мне было интересно поработать с Костей Богомоловым. Мы с ним тогда только познакомились. Он меня позвал: мол, приходи к нам играть, маленькая роль, но все равно. Я подумала: почему нет?

— А потом сыграли у него еще и в спектакле «Дядя Лева» в Театре на Малой Бронной. Думаете продолжать?

— Я бы много играла в театре, если бы могла. Но театр может забирать самое ценное, что у меня есть: свободу перемещения, выбора и легкость существования. Если



я начну репетировать спектакль, а мне предложат съемки, я не смогу не выбрать кино — это то, с чего я начинала, поэтому для меня это главное. Но в перспективе я себя вижу в театре и чувствую, что театр меня ждет. В моей жизни всегда все случайным образом происходит, мои мечты облекаются в ту или иную форму, и я даже с этим не спорю, просто иду.

— Италия тоже случайно возникла?

— Ну как — случайно... Я себе загадала на Новый год, что хочу хороший международный проект. И он появился: «Шошана» Майкла Уинтерботтома. Серьезная работа. Сложный сценарий. Мы снимали быстро, интенсивно, в очень плотном графике. И роль непростая, надо все сделать точно. В принципе первая главная роль в международном проекте — это такой стресс!

— Как вам работа с Майклом Уинтерботтомом?

— Что в нем интересно — он всегда ждет, что предложат артисты, которых он берет. Так что на площадке в полудокументальном режиме все происходило. Делать искусственное кино он не любит.

— В чем вам интереснее сниматься: в авторском кино или в фильмах для массового зрителя?

— Я не отношу себя ни к авторской актрисе, ни к коммерческой. Я люблю режиссеров авторского кино, и деньги для меня значения не

имеют. Для меня самое важное — режиссер, а сценарий второстепенен, ведь его всегда можно поправить, обговорить, придумать. А вот человек — либо талантлив, либо нет.

— Я знаю, что к Роману Васьянову в «Общагу» вы пошли легко, хотя изначально он оператор. Как вы поняли, что он и режиссер классный?

— Знаете, едва познакомившись с Ромой, понимаешь, что пойдешь с ним куда угодно: хоть в поход, хоть кино снимать. Он очень самодостаточный, талантливый, он работает в Голливуде с мировыми звездами — у него есть чему поучиться.

— В «Общаге» все удалось, фильм получил приз «Лучший дебют» на Кинотавре.

— Вы абсолютно правы. Рома — стопроцентный лидер, у него все работают в ощущении счастья, потому что пространство очень творческое. Я довольна результатом и, честно говоря, не ожидала, что авторский фильм вызовет такой резонанс — возможно, все потому, что Рома все делает искренне.

— Как повлияло на съемочный процесс то, что у Ромы Васьянова большой опыт в Голливуде?

— В первый день я приехала на съемку и хотела перед гримом выпить кофе. Но второй режиссер говорит: «Нет, в девять утра ты должна быть на площадке». Я отвечаю: «Так сейчас восемь, я на пять ми-



нут». Она: «Нет». И я подумала: «Господи, что за насилие! В русском кино я такого не помню». Зато ровно в девять я обнаружила, что все готово: одна репетиция — и приступаем. Оказывается, так можно! Вообще, если ты снимаешься в Голливуде или в европейском кино и тормозишь коллег, крадешь чужое время, тебя не возьмут в следующий фильм. Поэтому все делают домашнее задание, и я тоже теперь на площадку приношу подготовленные варианты. Это классный опыт.

— Ваша мама — стилист-парикмахер. В детстве вы экспериментировали с прической?

— О, да! Ну, например, когда я сделала себе какую-то новомодную

прическу, у меня челочка чуть-чуть выпала. Я долго думала, что с ней сделать, и, наконец, отрезала ее так, что она у меня торчала. Так было положено хорошее начало в карьере парикмахера. (Смеется.)

— Готовы к экспериментам с внешностью ради роли?

— Конечно. Если режиссер скажет: завтра бреешься налысо и красишься в салатный цвет — спокойно.

Во время съемок в фильме «Огниво» я носила парик, который весил несколько килограммов. Вот это было сложно! У меня были две косы, сплетенные вместе. Мне все время говорили: «Ира, держи ровно голову! Ты падаешь!» Потому что все равно

под этим давлением клинит куда-то, это было очень смешно.

— Фильм «Притяжение» Федора Сергеевича Бондарчука принес вам известность. А вас самую увлекла эта история про инопланетян?

— Я не фанат такого жанра, как фантастика. Но когда ты участвуешь в истории, ты же не можешь в нее не верить? Ты в нее погружаешься, и отношение в корне меняется. Человеческий мозг — очень интересная вещь, если дать ему возможность мечтать, думать, исследовать... Тогда получаются вот такие фильмы. Моя героиня в «Притяжении» — особенная девочка, и я стремилась это показать. Я и сама всегда «болела» космосом, звездами, и вообще это моя тихая гавань, которая меня очень вдохновляет. Признаюсь, на «Притяжении» расставаться с группой, проектом было очень тяжело. На «шапке» я ходила и плакала, как будто мне пять лет. У меня градом текли слезы, и я ничего не могла с собой поделать.

— Говорят, что Федор Бондарчук очень заботливый режиссер. На площадке к вам даже был приставлен личный врач...

— Да, у меня совпадали съемки на двух проектах. Получилось так, что я не спала по три дня несколько раз в месяц. У меня тогда внутри что-то происходило, странные ощущения: меня просто разрывало от удовольствия. Я такого чувства никогда не испытывала, даже если бы

было время на сон, я бы, наверное, не уснула. Днем приезжала на площадку к Федору Сергеевичу, а ночью ехала на другую. И вот днем я как будто в SPA попадала — такой релакс, такое внимательное отношение к себе чувствовала. Я говорила: «Со мной все в порядке, давайте еще что-нибудь снимем». А мне: «Нет-нет, иди, полежи, сейчас мы тебе сделаем горячий чай». Перед съемками «Притяжения» Федор Сергеевич говорил: «Ира, а вдруг у тебя не получится? Это же ненормально — несколько ночей не спать. Я, конечно, понимаю, что ты сумасшедшая девочка и хочешь всего на свете, но я несу ответственность за тебя». И действительно, мне все помогали, и все хорошо прошло. А то, что я работала в таком ритме, убрало волнение перед большим проектом и главной ролью. Когда ты в состоянии усталости, преодоления, все остальное уходит на задний план. Ты просто выполняешь свою работу.

— Чем вы готовы пожертвовать ради успеха в карьере?

— Актер — это такая профессия, где ты должна идти не то, что на компромиссы, ты просто идешь за ней, и все. Вообще я не отношусь к актерству как к работе.

— А что тогда — жизненное предназначение?

— Не знаю. Не мне судить. Сейчас я чувствую, что моя миссия — это работа с человеческой душой. Мне неинтересно просто органично



говорить текст, это я прошла в первые пару лет, когда училась работать на съемочной площадке. Сейчас интересно воздействовать на зрителя, и я вижу, что иногда это получается.

— Вы чувствительный человек?

— Да, безумно. Очень чувствительный и ранимый. При этом могу отчаянно защищаться. Колючее снаружи может быть очень трогательным внутри.

— А можете назвать ваши любимые фильмы?

— «Карнавальная ночь», «Ла-Ла-Ленд», «Последнее танго в Париже», «Ржавчина и кость» Жака Одиара...

— У вас есть список того, чего вы хотели бы добиться в жизни?

— Трое детей, два «Оскара». (Смеется.) Это самое главное. Подвести черту где-то лет в девяносто, смотря и на то, и на другое. Результат должен быть феноменально потрясающим. Но главное — по пути кайфануть как следует! ▢

Беседовала **Наталья Покачалова**

Фото из личного архива

Геннадий Иванов

НЕБО НОВОРОССИИ ПРЕКРАСНО!

Небо Новороссии прекрасно!
И поля прекрасны, и леса...
За свое мы бьемся, это ясно.
Долго нам туманили глаза.

Этот край — Россия, наши люди
Здесь живут, по-русски говорят...
Поднесли врагу его на блюде.
Наши люди гибнут и горят.

За свое мы бьемся в этой схватке.
Мы Европе говорим «Не лезь!»
И твои, Америка, порядки
Никогда не приживутся здесь!

Небо Новороссии прекрасно!
И леса прекрасны, и поля!
Это все Россия, это ясно.
Это наша русская земля!

НАШИМ ВОИНАМ

Вам досталась, ребята, нелегкая доля.
Вы могли бы сейчас быть не здесь на войне,
А в родимой семье, на реке или в поле,
В мирном поле отрадно скакать на коне...



Здесь разрывы снарядов, здесь мины и пули,
Здесь убитых товарищей рядом тела...
Вы же в эту войну понимая шагнули,
Понимая, какие в окопах дела.

Вы вернетесь не все в наши мирные дали.
Кто вернется, пусть знает — у них мы в долгу.
Не отменят его ордена и медали,
И в застолье слова, и слова на бегу...

И вдвойне мы в долгу перед теми, кто пали.
Перед ними пусть нам будет стыдно, что мы
Врали, крали, болтали и все хлопотали,
Чтоб ловчей избежать и тюрьмы, и сумы...

Вам досталась, ребята, нелегкая доля,
Вы шагнули за всех остающихся нас.
Ваше мужество, парни, терпенье и воля —
Это наш золотой не обманной запас.



БАТАЛЬОН

Пять дней на передке, потом на отдых.
Пять дней на отдыхе, потом на передок...
Немало здесь «двухсотых» и «трехсотых»,
Но Бог от «пятисотых» уберег.

Ни одного пока что дезертира.
Да и не будет, каждый — сибиряк.
А сибиряк, давно известно миру,
Надежен, как береговой маяк!

МОБИЛИЗОВАННЫЙ

Мы пришли сюда,
не откосили.
Жди с победой меня, семья.
Я здесь понял, что я России
очень нужен, что русский я.

Как-то там, на гражданке вольной,
было многое все равно.
Был я заработком довольный,
остальное —
пошло оно...

Что Россия, что Эмираты,
что какой-нибудь Бангладеш...
Мне хватало на все зарплаты,
и в кармане всегда был кэш.

Здесь в душе вдруг проснулось
что-то,
и наполнилась вдруг она...
Мне такой родной стала рота —
и победа нам суждена!

Много слов говорить не буду,
но хочу только я сказать:
эти месяцы не забуду,
буду их потом вспоминать!

Я здесь понял, что я России
очень нужен, что русский я.
Мы пришли сюда,
не откосили.
Жди с победой меня, семья!

Вот они, разбитые мосты,
Обгорелые многоэтажки,
И по всей дороге блокпосты...
Здесь война — и по спине мурашки.
Здесь надежды рушатся, и здесь
Подвиги великие вершатся.
Тут с фашистов мы сбиваем спесь.
И самим приходится держаться
Из последних сил порой... Война.
В бой идут надежные ребята,
И на них надеется страна.
Нам в победу надо верить свято!

Жорж Санд в живописи

В 1887 году известный американский миллионер Корнелиус Вандербильт купил на аукционе самую известную картину французской художницы Розы Бонер — «Ярмарку лошадей». Масштабное полотно (244x488 см) стоило немало — 53 тысячи долларов. Вандербильт славился своей филантропической деятельностью — он поддерживал деятельность таких организаций, как YMCA («Юношеская христианская ассоциация»), Общество Святого Николая города Нью-Йорка, Красный Крест, Армия спасения, делал щедрые пожертвования разным церквям, а также в Ассоциацию евангельских спасательных миссий. Приобретая картину, миллионер не запер ее в своем особняке, а сразу же передал в дар нью-йоркскому Метрополитен-музею, дабы американская публика смогла видеть этот шедевр, созданный кистью французской художницы. С тех пор полотно Бонер считается одним из самых ценных приобретений музея за все годы его существования. Когда школьников впервые приводят в Метрополитен, им, прежде всего, показывают египетские мумии и «Ярмарку лошадей».



Луи-Эдуард
Дюбюф.
«Портрет
Розы Бонер»

Роза Бонер — очень необычный персонаж в истории искусства. Красивая, сильная, невероятно талантливая, выбравшая свой собственный путь и в искусстве, и в жизни, многие десятилетия она была примером целеустремленности, цельности и независимости для очень многих...

Родилась Роза в пригороде Бордо. Ее отец, Раймон Бонер, был художником. Наверное, в юности он

мечтал обрести славу, однако назвать успешным его путь в искусстве было нельзя. Зато получи-



лось стать отцом большого семейства — он женился на своей ученице Софи Маркес, преподавательнице игры на пианино, и та родила ему четырех детей. Когда Розе исполнилось 6 лет, Раймон решил все-таки попробовать покорить Париж. Планировалось, что он устро-

ится там и позовет жену с детьми приехать к нему. Прошел год, но никакого приглашения Софи не получила и решила сама ехать в Париж. Оказалось, что Раймону пока не удалось убедить парижскую публику в своих художественных талантах, зато он вдруг увлекся сен-



«Ярмарка лошадей»

симонизмом — течением, рожденным во Франции в XVIII веке графом Анри де Сен-Симоном. Сен-Симон проповедовал уничтожение частной собственности, а также наследования, сословий и, конечно же, равноправие мужчин и женщин. Его жену Софи такие увлечения мужа не об-

радовали — совсем непросто быть самостоятельной, независимой и растить одной, без помощи Раймона, четверых детей. Равноправие мужчин и женщин — не совсем удачная идея, наверняка думала она. Но что было делать? И она учила детей читать, сделав сама азбуку с кар-



«Пахота в Ниверни»

Справа:
«Смена пастбища»

тинками животных. Розе эта азбука очень понравилась — вместе с мамой она рисовала самых разных зверюшек. Так Софи привила дочери любовь к братьям нашим меньшим, и та с увлечением их изображала на бумаге. Кстати, все дети Софи и Раймона оказались невероятно талантливыми. Юные Бонеры пошли по стопам отца: Роза, ее младшая сестра Жюльетт и брат Огюст стали живописцами, а второй брат Исидор — скульптором. И неудивительно, что в 1869 году Фрэнсис Гальтон (известный географ, антрополог, психолог и двоюродный брат Чарльза Дарвина) опубликовал статью «Наследственный гений», где в качестве примера привел семейство Бонер.

Когда Розе было 11 лет, она заболела скарлатиной. Болезнь протекала тяжело. Мать изо всех сил ухаживала за дочерью, и девочка выздоровела. Однако Софи заразилась от нее и вскоре умерла. Роза очень страдала и никак не могла смириться с тем, что Софи уже нет с ней рядом. Она уверила себя, что мама откуда-то с небес присматривает за ней, помогает, не оставляет одну, и эта вера помогала ей жить, чувствовать себя сильнее.

В обычных школах Розе не нравилось все: порядок, набор предметов, учителя — ей хотелось только рисовать. Ее конфликты с системой общественного образования кончились тем, что Раймон сам стал ее учить. Метода его



была проста — он отправлял дочь в Лувр копировать картины старых мастеров (особенно Розе нравились Рубенс и Пуссен, а также известные анималисты), а потом по ночам исправлял ее работы.

Уже девочкой Роза проявляла любовь к животным, и отец разрешил ей устроить в их квартире маленький зоопарк — в нем нашли себе пристанище, как рассказывала позже сама Роза, «кролики, цыплята, утки, перепела, канарейки, зяблики и коза». Со всеми обитателями зоопарка особых хлопот не было, только вот козу приходилось выносить на улицу для моцион, а жили Бонеры на шестом этаже! Как-то Роза спросила отца, можно ли стать знаменитой, если

рисовать зверей. «Конечно!», — ответил Раймон, и его слова вдохновили начинающую художницу в ее желании изобразить на своих полотнах мир животных.

Однажды Раймона попросили написать портрет тяжело больной девушки. Ее звали Натали Мика. Родители Натали уже предчувствовали близкую смерть дочери, и им хотелось запечатлеть ее образ на картине — чтобы потом, когда она уйдет навсегда, вспоминать ее облик. Раймон писал Натали, полулежащую в кресле, несколько сеансов. Но иногда в жизни случаются чудеса: Натали не умерла, выздоровела, и они с Розой подружились. Их дружба, полная любви и преданности, продолжалась более 50 лет...



Роза Бонер и Натали Мика

Уроков отца все-таки было недостаточно, и Роза поступила на курс Леона Конье в парижской Школе изящных искусств. Кроме того, она частенько бывала в музее естественной истории и — на скотобойнях: ей хотелось узнать, как устроены животные, изучать их мускулатуру, кости...

Роза делала явные успехи в живописи, у нее все получалось отлично, и уже с 19 лет она регулярно показывала свои работы на выставках Парижского салона. Жюри с восторгом принимало работы мадемуазель Бонер, а в 1849 году за монументальное полотно «Пахота в Ниверни» жюри, в которое вхо-

дили Делакруа, Коро и Энгр, присудило ей Золотую медаль! Это был первый большой успех, и вполне заслуженный. «Она работает, как мужчина!» — вот какая высокая оценка была ей дана. Ясный осенний день, дюжина запряженных волов, земля, готовящаяся к зиме, и крестьяне, хозяева этой земли. Но не они, лица которых спрятаны под полями шляп, настоящие герои картины — главные здесь волы, делающие свою трудную, но такую необходимую работу. Один вол смотрит прямо на нас, и в его глазах совершенно человеческие чувства — доброта, тепло... Сезанн говорил об этой картине Бонер: «Ужасно, как реальная жизнь». После этого Салона Роза получила государственный заказ на 3000 франков.

А в 1853 году она написала второй свой шедевр — масштабную «Ярмарку лошадей» (244x488 см!). Мощные корпуса лошадей, тяжелые, плотские, на фоне которых люди кажутся такими маленькими, слабыми; французские першероны, любимая порода лошадей французского императора, их движение и их лоснящиеся бока, а еще яркие краски и прекрасная композиция — все это производило сильнейшее впечатление на зрителей. Выставленная на Парижском салоне картина сразу же сделала Розу Бонер мировой знаменитостью. Это был тот редкий случай, когда полотно понравилось и кри-

*Портрет
Буффало Билла*



тикам, и публике. Особенное впечатление ее картина произвела на императорскую чету. Подойдя к «Купальщицам» Курбе, картине, тоже показанной на том Салоне, на которой были изображены вполне себе корпулентные обнаженные дамы, император с раздражением ударил по холсту хлыстом для верховой езды, а императрица спросила с усмешкой: «Это тоже першероны?» Лошади Бонер выглядели гораздо эротичнее, чем не отличающиеся изяществом купальщицы Курбе.

После этого Парижского салона о 31-летней художнице загово-

рила вся Европа. На родине в 1865 году ей пожаловали орден Почетного легиона. Императрица Евгения, вручая Бонер орден, сказала: «Гений не имеет пола». А когда «Ярмарку лошадей» привезли в Англию, для королевы Виктории устроили в Виндзоре по ее желанию частный просмотр, дабы она смогла вволю насладиться лицезрением картины. В США картина тоже была чрезвычайно популярна — ее репродукции украшали классы школ, дома и даже помещения почт. В 1859 году одна известная американская газета объявила, что вручит всем своим но-



«Король леса»

Справа:
«Телята»

вым подписчикам в качестве поощрения репродукцию «Ярмарки лошадей». В это время Роза уже почти не участвовала в выставках: дело в том, что ей нечего было выставлять — ее работы распродавались заранее! Ей нравилось зарабатывать деньги — в этом ей помогал ее дилер Эрнест Гамбарт — и ни от кого не зависеть. «Я намерена заработать немало презренного металла, поскольку только с его по-

мощью можно позволить себе делать то, что хочешь», — не стесняясь, говорила она, уже тогда придерживавшаяся вполне феминистских взглядов. И с успехом продавала копии своей «Ярмарки лошадей».

После смерти отца Роза продолжила его дело и стала преподавать. «Я из вас сделаю Леонардо да Винчи в юбках!» — говорила она своим ученицам.



Кстати, о юбках. И о брюках. В те времена брюки считались неприемлемыми для приличной женщины, а потому дамам, посмеявшимся их надеть и появиться в таком виде в свете, даже мог грозить арест за нарушение правил благопристойности. Еще в 1800 году начальник парижской полиции издал приказ, в соответствии с которым женщинам, пожелавшим носить мужской костюм, следовало обращаться к властям для получения официального разрешения, причем прошение необходимо было основательно аргументировать. В 1831 году такое разрешение получила молодая писа-

тельница Аврора Дюдеван (Жорж Санд), в очень скором времени автор замечательных романов, где женщина была показана как член общества, достойный тех же прав и свобод, которыми обладал мужчина. Мадам Дюдеван обосновала просьбу на позволение надеть мужской костюм тем, что он гораздо дешевле дамских туалетов, к тому же, в нем удобнее передвигаться по парижским улицам. Ее последовательницей стала и Роза Бонер. Поскольку Роза рисовала зверей — волков, коров, лошадей, — она часто приходила на бойни, в конюшни, на ярмарки, где торговали животными.



*Роза Бонер
в студии*

В длинной юбке в таких местах ходить совершенно неудобно, а потому в 1852 году Роза, спустя 21 год после Жорж Санд, тоже получила официальное разрешение от префектуры на ношение мужской одежды. Сие разрешение нужно было обновлять каждые полгода, и для его получения требовалась подпись врача. Вот такие в середине 19 века были времена и нравы... А еще Роза курила (как и Жорж Санд) и носила короткие волосы — ведь после смерти матери некому было ухаживать за ее локонами, говорила она. В общем, эта мадемуазель Бонер не только работала как мужчина, она еще и одевалась по-мужски!

В 1857 году Луи-Эдуард Дюбюф написал портрет Розы. Ему удалось ухватить ее личность, характер.

Вот она перед нами, эта талантливая, умная, сильная молодая женщина. Поначалу художник изобразил ее опирающейся на стол. Но ей этот сюжет не понравился, и она сама написала вместо стола прижимающегося к ней очаровательного быка!

Ею восхищалась вся прогрессивная молодежь Европы — дерзкая, с большими выразительными глазами, с сигаретой, в мужском костюме, лучшая в мире анималистка, любившая кого и как ей хотелось и не скрывавшая своих предпочтений, она становилась настоящим идолом для очень многих...

В 1860 году Роза уже заработала достаточный капитал, чтобы приобрести небольшой замок в деревушке Би недалеко от Фонтенбло.

Она назвала этот дом «Обиталище совершенной любви» (сегодня здесь — музей Розы Бонер). Роза поселилась там вместе с Натали и ее мамой, мадам Мика. В усадьбе они устроили большой зверинец, в котором жили обезьяны, львы, лошади, собаки, самый разный домашний скот. Натали вела хозяйство, следила за финансовыми делами, а Роза писала картины и охотилась в окружающих усадьбу лесах (на это у нее тоже имелось специальное разрешение от императора).

Весна 1889 года принесла Розе глубокую горе — ее любимая подруга Натали, никогда не отличавшаяся здоровьем, умерла. В письме одному из своих друзей Роза писала: «Вы очень хорошо понимаете, как трудно разлучаться с таким другом, как моя Натали. Чем дальше мы шли по жизни, тем больше я любила ее. Она одна знала меня по-настоящему...»

Но нужно было как-то найти в себе силы жить дальше, и, чтобы отвлечься, Роза отправилась в Париж, где открывалась Всемирная выставка. Парижане говорили об архитектурной сенсации — Эйфелевой башне, и ей захотелось увидеть это сооружение, о котором шли бурные споры.

Там ей рассказали, что в Париж приехал популярный американский артист Буффало Билл, Уильям Фредерик Коди, ковбой, следопыт, охотник на бизонов и участник войн



Анна Клюмпке

с индейцами. Конечно, Роза решила посмотреть его представление.

Стрельба, сражения ковбоев и индейцев, летающие лассо — зрелище оказалось действительно впечатляющим! Коди показывал типичные сценки из жизни фронтиров, в которых участвовали индейцы и ковбои, ну и дикие животные — бизоны, мустанги. Это представление, «Дикий Запад Буффало Билла», которое Коди показывал в разных странах, и даже Папе Римскому, в Париже посетили самые разные зрители, среди которых были писатели, поэты, критики, и художники — Гоген, Ван Гог, Мунк, Уистлер. Все хотели пообщаться с бесстрашным американским парнем, но именно Роза Бонер привлекла его внимание. Большая любитель-

ница природы, охотница, прекрасная наездница и, в конце концов, прославленная художница, как никто умевшая показать на холсте душу животного, она не могла не понравиться 43-летнему покорителю Дикого Запада. Билл разрешил Розе посещать его парижский лагерь, сколько ей вздумается. И она не упустила эту возможность — наблюдала за всем, что происходило вокруг представлений Билла Коди. И рисовала его и его животных. А потом Роза пригласила его к себе в гости. Результат их дружбы — около 17 картин. Одна из них стала настоящей иконой в США. По композиции это очень простая картина — в центре изображен сам Билл, восседающий на белом коне. Настоящий покоритель Дикого Запада, сильный, отважный, свободный, символ всего американского народа.

Коди его портрет очень понравился. Он тут же отправил его в Америку, жене. А когда спустя много лет он узнал, что его дом в Небраске загорелся, телеграфировал: «Спасайте Розу Бонер, остальное пусть горит!»

Осенью 1889 года в Би приехали гости из США — кофейный магнат Джон Арбакл с переводчицей, молодой художницей Анной Клюмпке, учившейся живописи в Париже. Арбакл, большой ценитель живописи Розы, преподнес ей трех роскошных мустангов (которых Бо-

нер позже отослала Буффало Биллу). Оказалось, что и Анна — давняя поклонница ее творчества: с детских лет миссис Клюмпке, супруга успешного сан-францисского риелтора, вешала репродукцию «Ярмарки лошадей» над кроватью Анны. И даже подарила ей куклу — маленькую «Розу». В результате Анна увлеклась живописью, уехала во Францию, поступила в знаменитую парижскую Академию Жулиана, лучшую школу живописи того времени, стала делать заметные успехи и на Парижском Салоне 1885 года получила премию за портрет своей сестры. Анна не отличалась красотой — с детства она прихрамывала, да и носик ее оставлял желать лучшего, но она была умна, талантлива, добра, благородна и, главное, преклонялась перед своим кумиром Розой Бонер. А Розе было ужасно одиноко после смерти Натали. Так случилось, что Анна осталась жить у Бонер и ни разу не пожалела об этом. Она стала первым ее биографом — в 1908 году опубликовала книгу, в которой рассказывала о Розе, ее жизни и творчестве.

Роза Бонер умерла в возрасте 77 лет, в 1899 году. Ее похоронили рядом с Натали, на кладбище Пер-Лашез. Прошло чуть больше сорока лет, и в 1942 году рядом возникла еще одна могила — могила Анны Клюмпке. Сегодня над их могилами стоит обелиск, на котором надпись: «Святая привязанность — дружба».



*Портрет
Розы Бонер,
написанный
Анной
Клюмпке*

В конце XIX века в искусстве один за другим рождались новые, авангардные течения, и реализм Розы Бонер уже не казался публике чем-то интересным. О ней понемногу забывали. Но в конце XX столетия, когда идеи феминизма все более и более овладевали женскими душами, о художнице снова вспомнили. Современные феминистки увидели в ней свой идеал — талантливую, творческую, свободную женщину.

В 1901 году в Фонтенбло на площади Денекур был установлен па-

мятник Розе Бонер. В отличие от подобного рода сооружений он не изображал художницу — скульптор, а это был брат художницы Исидор Бонер, создал фигуру быка в натуральную величину. Сильный, красивый, он уверенно шагал вперед. Но в июне 1940 года немецкие войска вошли во Францию, сдавшуюся без боя, и уничтожили быка, безжалостно расплавив его. Но уничтожить память о замечательной художнице и ее потрясающих полотнах, украшающих сегодня лучшие музеи мира, им не удалось... □

Лариса Агафонова

Такая жизнь

*Вот видишь — проходит пора звездопада,
И, кажется, время навек разлучаться...
... А я лишь теперь понимаю, как надо
Любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.*

Ольга Берггольц

— Тужься, милая, тужься. Уже головка показалась. Давай, помоги маленькому.

Молоденькая роженица ревела в три ручья, вцепившись в подлокотник жесткого родильного кресла.

— Да что ж ты рыдаешь? Не ты первая, не ты последняя. Сейчас родишь, и все пройдет.

— Ра-а-ано мне было рожать, — всхлипывала между потугами черно-волосая, большеглазая девчонка. — Семь месяцев всего.

— Рано не рано, а тебя привезли со схватками, и воды, как свекровь твоя сказала, уже отошли. Ребеночек явно на свет просился. Чего теперь вздыхать? Выходим, и не таких выхаживали.

— Ой, мамочки! Ой, как больно! — громко закричала девчонка, и через несколько минут малыш появился на свет...

— Вот и славненько. Вот и ладненько. Посмотри, мальчик у тебя, — ворковала пожилая акушерка, а сама сноровисто обмывала, очищала, вытирала крошечного недоношенного малыша. Тот едва кряхтел, обессиленный долгим трудным делом: появлением на свет. — Сейчас доктора позовем. Он все остальное сделает.

— Мальчик! — Измученная девушка откинулась на подголовник кресла и снова закричала: — Ой, как больно! Опять больно! Опять схватка!

— Да не придумывай, — отмахнулась акушерка и вдруг воскликнула: — Погоди-ка, схватки возобновились. Ты, часом, не двойню носишь? УЗИ когда в последний раз делала?

— Да не знаю я, — простонала роженица. — Я УЗИ вообще не проходила ни разу. Я только тест сделала и на учет встала, а потом с мужем к его родителям уехала в деревню. А там врача нет. Ой, мамочка! — орала она уже в полный голос.

— Вот уж дурочка малолетняя, — проворчала акушерка. — Как детей делать, она умная, а как к врачу сходить, так дура-дурой. Давай, тужься. Этот попойкой идет, не перевернулся. Давай! — прикрикнула она на притихшую девчонку. — Угровишь ведь ребенка!

Второй малыш явно не торопился на свет. Только через два часа, наложив щипцы, акушерка вытащила второго мальчишку, еще более мелкого, чем первый. Перевитый пуповиной, посиневший, малыш поначалу долго не кричал, несмотря на все усилия акушерки. И лишь услышав крик старшего брата, которого принесли и положили матери на живот, тоже закричал. Близнецы, близкие. Вроде бы все обошлось...

Обоих недоношенных малышей медики взяли под особый контроль. Районная больница — это вам не перинатальный городской центр, конечно, но врачи свое дело знают, независимо от места работы. Выхаживали мальчишек. Юная мамочка часами простаивала у дверей особой палаты. Не так, как в кино, за стеклянной перегородкой, а перед обычной палатой с ободранной краской на двери, за которой держали сложных малышей.

Папаша близнецов в больнице не появлялся. Привезли роженицу его родители, пожилые деревенские жители, испугавшись, что невестка родит дома. А сам отец был в отъезде. Да что уж там скрывать, непутевый у них был сынок. Поздний ребенок, заласканный, залюбленный — Димочка. Мамина радость, папина гордость. Высокий, широкоплечий, со светлым кудрявым чубом, мечта всех местных девчонок. Он рано уехал из дома, подался в город, после девятого класса поступил в автодорожный техникум. Свободы ему захотелось, воли. Кто ищет, тот почти всегда находит. Вот и он нашел. Прибился к одной компании, сначала травку покуривал, потом таблетки в ход пошли, следом инъекции...

Очнулся Димочка в наркологической клинике. Рядом такие же, как он, наркоманы с ломкой. Как-то приехали родители сыночка навестить, а он, оказывается, в отключке на полу в общежитии валяется. Они его в охапку — и в больницу. Денег заняли, в хорошую клинику положили. И вроде бы вылечили...

В клинике медсестричка работала. Невысокая, худенькая, черноволосая, большеглазая, как олененок. Ингой звали. Ласковая такая девчонка, рука у нее легкая. К ней пациенты бегом на уколы-капельницы бежали. Вот и Димочка бегал-бегал, да и влюбился. И она тоже. Ну и что, что наркоман, так ведь бывший же. Наивная девочка, она была абсолютно уверена, что ее любовь его спасет. И родители Димочки уж так ее привечали, пирожки домашние носили. Она и растаяла. Ее-то родственники далеко, не наездишься.

Инга — девчонка домашняя, на маминых-бабушкиных харчах выращенная. Третий ребенок в семье, последыш. Старшие дети давно разъехались, а ее уж очень опекали, шагу не давали ступать. Вот от этой душившей ее

заботы и решила она сбежать. После медучилища надумала самостоятельной стать, мир спасать. Собралась и уехала за триста километров от родного дома. Подружка-однокурсница с собой поманила, работу в клинике обещала, компанию хороших подружек. С работой не обманула, а с компанией Инга пролетела. Подружка живо замуж выскочила, и с мужем-военным укатила. А Инга осталась. Одиноко ей было, а тут Димочка. Вот и кинулась его спасать. Быстренько у них закрутилось. Только родители Димины настояли, чтобы сынок с невестой домой вернулись, от греха городского подалее. Инга уволилась и уехала за своей непутевой любовью в деревню. Так ведь любовь же!

Пожениться влюбленные не успели, а вот ребенка сделать — это дело нехитрое, быстро управились. Но как только Инга забеременела, Димочка сразу подался на заработки. На свадьбу заработать, да на малыша. Руки у него золотые, машину-мотоцикл собрать-разобрать с закрытыми глазами может. Родители переживали, что кровиночка снова из-под контроля выйдет. Ну, так он же теперь ошибки осознал, скоро отцом станет. Вроде бы беда прошла стороной...

Инга легко переносила беременность. Даже обещанный подружками токсикоз почти не мучил. Вот только поправилась она сильно. Прямо как на дрожжах росла. Свекровь откармливала тощую невестку, а Инга и рада, ела за двоих. Правда, оказалось, что за троих.

Димочка бывал дома наездами. Поначалу деньги привозил, жену будущую баловал деликатесами. Не нарадуешься на такого заботливого мужа. Ну, почти мужа.

В один из его приездов кто-то из деревенских донес родителям, что видел Димочку в компании бывших дружков. Родители по проторенной дорожке рванули в город спасать непутевого сыночка. Нашли, снова уложили в клинику. А когда вернулись, невестка несостоявшаяся рожать начала. На седьмом месяце. Срочно повезли ее в районный роддом. И получили на руки сразу двух недоношенных внуков. Надеялись, что пацаны выживут. Выжили, спасибо докторам.

Своим родственникам Инга сообщила, что стала мамой, только когда ее с мальчишками выписывать собрались. Димочка так и не появился. Сбежал из клиники, и с концами. Свекровь, правда, квохтала над ней как курица над цыплятами. И помогать обещала, и Димочку выгораживала. Но ехать в деревню Инга не захотела.

Позвонила родителям и огорошила новостью. А они что? Конечно же, сразу примчались. Мать запричитала, отец сначала громы и молнии метал, что дочь-любимица такой фортель выкинула, а потом ничего, остыл, даже прослезился, на внуков глядя. И постановил: ехать блудной дочери домой,

под крылышко к матери с бабушкой. Непутевого несостоявшегося мужа забыть, мир спасать перестать, заниматься близнецами — и точка. Ну, точка, так точка. Мальчишек, Павлушу и Петрушу, забрали. Все, как положено — с шариками и цветами. И отбыли восвояси...

Через пару месяцев стало ясно, что мальчишки развиваются по-разному. Петруша, прямо как по руководству для молодых мамочек, активничал, а плакал только, если был голоден. А вот Павлуша все больше вяло лежал в кровати, не реагируя на окружающий мир. Ножками не сучил, глазки так и продолжали косить, как у новорожденного, и все чаще маленькое тельце принимало неестественные позы. Первой забила тревогу мать Инги. Настояла на внеплановой поездке к врачу, тот послал к невропатологу. Ну и закрутилось. Обследования, анализы, консилиумы. Первый диагноз. Пере-проверка. Вроде бы могли ошибаться врачи, но... не ошиблись. Павлуше поставили окончательный диагноз: детский церебральный паралич. Почти приговор. Беда. На всю жизнь.

Инге даже предложили отказаться от сына, пока не поздно. Ну а что: это ведь не на день-два, а навсегда.

«Ты молодая, незамужняя. У тебя останется второй ребенок. Тебе его поднимать надо».

«Это ж такая ответственность!»

«У тебя личной жизни не будет. Редко какой мужик на чужого ребенка пойдет, а тут двое, и один из них больной. Подумай! Оно тебе надо?»

«Ты ж сама медик, понимаешь, что тебя ждет».

Каких только доброжелателей не было: и подруги, и медсестра в больнице, и просто знакомые. Родные поддерживали, как могли. Но ведь решение принимать Инге, ей крест нести. Мать ревела в подушку, отец пил валокордин литрами. Бабушка свечки в церкви ставила, а Инга, домашняя девчонка, не знавшая в жизни никаких проблем до встречи с Димочкой, ни минутки не сомневалась: Павлуша будет жить дома, в семье. А разве можно по-другому?

И началась совсем другая жизнь. Инга пошла на курсы массажистов, чтобы Павлуше массаж делать. Потом подружка посоветовала на маникюршу выучиться. Деньги ведь надо зарабатывать, а с больным ребенком куда устроишься? Вот и стала Инга на дому клиентов принимать. Отец половину комнаты с кладовкой объединил, кабинет оборудовал небольшой, там дочка и работала. Мальчишек мама с бабушкой по очереди нянчили, пока Инга вкалывала. Петя охотно оставался с бабушками, а вот Павлушка без мамы плакал, тосковал, а она за стенкой слушала и, сцепив зубы, пилила, обрезала, красила. А куда деваться? Павлуше лекарства требовались, процедуры всякие, а все денег стоит. Хочешь жить — умей работать.

Жизнь строилась по жесткому графику, иначе не получалось. Кормления, купания, прогулки, процедуры. Пока сыновья лежали в колясках, было проще, а вот когда Петруша пошел, а потом побежал, стало невозможно гулять без помощников. Павлик ведь лежит в коляске, а за Петькой не угонишься. Выходило так, что на двоих детей для прогулки нужны двое взрослых. Подстроились. Спасибо родителям Инги, выручали. Бабушка-то старенькая, куда ей за Петькой угнаться. Да и Павлушу не поднимет, силы уже не те. Зато дома помогает со стряпней и стиркой. Роли распределили. Наловчились.

С несостоявшейся свекровью Инга отношения поддерживала: а как же, бабушка ведь. Димочкин отец почти сразу после рождения близнецов умер. Сердце остановилось. А мать так и возилась с сыночком — из при-тонов вытаскивала, возила его по врачам, в моменты ремиссии откармливала и на работу пристраивала. А куда деваться? Материнская любовь все выдержит, выдюжит.

Конечно, Инга про Димочку думала. Когда без сил ложилась в свою девичью кровать, когда купала беспомощного Павлика, когда сидела у кровати, опутанной проводами капельниц и всяких-разных приборов. Когда не могла разорваться между прытким Петькой, гоняющим воробьев и голубей, и только-только сумевшим сесть без посторонней помощи Павликом. Когда руки опускались от бессилия помочь собственному ребенку. Когда те же самые руки отваливались, а спина не разгибалась после очередного маникюра или педикюра. Думала, вспоминала, ненавидела, проклинала и...любила.

Когда мальчишкам было два года, появился Димочка. Просочился мимо остолбеневшей Ингиной матери и напрямик к Инге. На колени бухнулся, лбом в пол и заплакал. Навзрыд, со всхлипами, куда там скупой мужской слезе. Каялся, прощения просил, в любви клялся к Инге и мальчишкам. За-муж звал. Инга и растаяла. Мать в крик: «Куда ты, дура, собралась? Он наркоман, а они бывшими не бывают!» Отец поначалу ультиматум поставил: «Или он, или мы», а потом остыл, увидел дочкины глаза и сдался — такая надежда в них светилась, такая усталость от одиночества. Девчонка ведь и не видела ничего хорошего, одна боль сплошная.

Расписались Инга с Димочкой без помпы: печати-подписи поставили и стали жить. В той же Ингиной комнате, разве что диван вместо узкой кровати поставили. С мальчишками полегче стало. Димочка хорошим отцом оказался, заботливым. Павлушу на себе таскал, на процедуры возил, развивал по-всякому. Книжки читал про паралич церебральный, новые методы лечения выискивал. С Петькой в футбол играл, на велосипеде научил ездить. С работой поначалу не ладилось, своих автомехаников хватало в городе. Но ничего, потихоньку клиентами оброс. Инга выдохнула немного. Она даже улыбаться начала, оттаяла. Вышла на работу в поликлинику,

хоть глаза от ногтей подняла, людей увидела. Одним словом, жизнь налаживалась.

Петю отдали в садик. Черноволосый, крепенький, ушастый мальчишка ни минуты не мог усидеть на месте. В четырех стенах хандрил, задирает такого же лопухого, но худенького и нескладного Павлушу, не понимая, почему брат сидит в коляске и не хочет играть в догонялки. Со временем, конечно, Пете объяснили, что Павлик немножко другой, он не будет бегать и прыгать, но все равно всегда будет самым лучшим Петиним другом, самым близким и родным. И самое главное — Павлика нужно защищать, никому не давать в обиду. Петя же старший. На целых два часа. Он и защищал. Когда стало хватать силенок, катал коляску с братом, развлекал его рассказами про садик, смешил и тормозил. Первым делом после возвращения домой бежал к Павлуше — проверить, все ли в порядке. Павлик брата обожал, без него тосковал и куksился. Это и понятно — близнецы же.

Когда мальчишкам стукнуло шесть, Димочка пропал. Ушел утром на работу и не вернулся. Инга почернела вся, извелась. Обзвонила больницы, подняла телефоны всех знакомых, связалась со свекровью. Ничего. Пропал Димочка. Отец ходил темнее тучи, молчал, ни в чем не упрекая любимицу, мать поначалу наскაკивала: «Я же говорила, да кто бы слушал», — потом притихла, видя, как поникла дочь и режут в два голоса пацаны.

Через месяц Димочка нашелся в полиции. Задержали за драку с поножовщиной. Быстрый суд и немаленький срок: пять лет в колонии общего режима.

А Инга? А что Инга — снова впряглась в работу. Плачь, не плачь, а мальчишек поднимать надо. В школу отправлять. С Петькой-то понятно, а вот как быть с Павлушей? Он мальчишка смышленный, раньше брата читать научился, да только ножки не держат и руки не всегда слушаются. Предложили домашнее обучение — пацаны в крик. Петька без Павлика в школу не хочет, а Павлуша дома ни в какую не желает учиться, к детям просится. Нашли выход: Инга в школу медсестрой устроилась. Зарплата крошечная, зато Павлик под присмотром. Утром на коляске привезла, после уроков увезла. Мальчишки довольны. Ну и мама тоже.

А что в душе? А кто ж туда заглядывает, в душу-то? Не до нее как-то. Удалось выбить путевку в санаторий для Павлушки — удача. Смогла пробиться на консультацию к светилу медицины в области ДЦП — чудо. Ухитрилась скопить денег на поездку на море — красота. Так и жила. От удачи до чуда.

Родители одновременно сдали. Отец сердцем маялся, мать — поджелудочной. Спасибо старенькой бабушке — сама себя обслуживала.

Одна подмога — Петька. После того как отец исчез с горизонта, он сразу повзрослел, взял на себя функции старшего в семье. Сумки из магазина таскал, уборку по дому сам себе в обязанности вменил, Павлушку

втайне от матери научил картошку чистить. Инга, как узнала, за голову схватилась: куда ему нож? Руки ведь не слушаются, а ну как порежется. Было дело — пару раз поранился, ну так кто по первости все без ошибок делает? Вот и Павлик, гордый до невозможности, тоже стал помогать по дому. Помощники мамыны, гордилась обоими Инга.

Со стороны казалось, что Инге легко и просто. Ну а что: родители живы, работа есть, клиентов на маникюр-педикюр море. Деньги почти лопатой гребет... ну ладно, ковшиком. Сыновья золотые. Ну и что, что один на коляске, зато умный. У других вон здоровые, да что толку, бездельники и грубияны. А Ингины — вежливые, всегда здороваются, в школе успевают и матери помогают. Чего еще-то можно желать?

Еще? Да сколько хотите! Чтобы хотя бы один день можно было поваляться в кровати. Ну ладно, полдня. Чтобы не нужно было все (абсолютно все) свободное время подрабатывать. Чтобы голова не пухла от мыслей, что еще можно попробовать применить, чтобы Павлуше стало лучше. Чтобы во время его обострений не выдавать своего отчаяния. Чтобы не рыдать в подушку от бессилия. Чтобы хоть кто-то снял этот груз с хрупких плечи и дал подышать полной грудью. А в голове, нет-нет, да и мелькала мысль: «А если Димочка вернется?» Тот категорически запретил матери сообщать Инге, где он отбывает наказание. Писем не писал, посылок не просил. Отрезал семью от своего позора, стыдно было, не все мозги растерял. Но ведь от мыслей-то не спрячешься, не уйдешь. Вот и думала-гадала Инга: появится Димочка или нет. Близнецы часто спрашивали про отца. Скучали. Хоть и непутевый, а родной. Петька про футбол вспоминал. Павлик про книжки, что отец читал. Но со временем спрашивали все реже и реже.

От свекрови Инга узнала, что Димочка вышел на свободу. На денек заскочил к матери и уехал. Сказал, что на заработки подался. А Инга так ждала и верила, что заедет, не к ней, так хоть на мальчишек посмотреть. Не заехал. Вот тогда-то Инга и сняла обручальное кольцо, тоненький ободок — нет, не семейного счастья (о чем вы?) — всего лишь надежды.

Время бежало вперед как пассажир, который боится не успеть на последний поезд до остановки под названием «Счастье». Бежит, руками машет и тащит за собой тяжеленный чемодан с приданым. Без него никуда. А вдруг пригодится!

Близнецы росли. Петька вымахал к четырнадцати годам ростом в «дядю Степу». Даже деда перерос. Отец Инги на старости лет огородником стал, дачу засадил рассадой. Помидоры-огурцы мешками таскал, клубнику ведрами собирал, супруга не успевала закатывать на зиму. Ворчала иногда, но втайне гордилась — вон какой муж, все в дом, все в семью. Сама-то она из дому почти не выходила — ноги опухали, не слушались к вечеру. Излиш-

ками торговали на базаре. Петька хоть и стеснялся, бухтел, но помогал деду. Понимал, что трудно живут. Он с седьмого класса подрабатывал, листовки раздавал, почту разносил. Все матери подмога.

А Павлуша программированием увлекся. Обещал Инге миллионером стать. Она смеялась, а он надувался, но ненадолго, быстро отходил, ластился к матери. Ласковый, не то, что Петька. Тот все больше делами любовь показывал. С братом они не разлей вода. Петька коляску в охапку — и вперед. Все мальчишеские дела вместе, даром что один неходячий. Павлик, когда на костылях передвигаться смог (это была его настоящая победа), сам стал в магазин ходить. Медленно, падал порой, зато сам. Много не купит, но хлеб-сыр принесет. И гордый такой. А как же? Сам смог.

Инге, когда пацаны подросли, полегче стало. С подружками в театр выбиралась или в кино. Один раз даже в санаторий одна съездила, когда желудок сильно прихватило. Переживала, конечно, ну так не одних же близнецов оставила, а на бабушку с дедом. Хотя кто за кем присматривал — еще вопрос. Отец со своей дачи не вылезает, а мама все забывать стала: то печку не выключит, то кран оставит включенным. Бабушка Инги к старости также все забывала, а перед самым концом память вернулась, да ненадолго...

В санатории Инга познакомилась с одним мужчиной. Лет сорока пяти, подтянутый, с лихим казачьим чубом и выправкой военного, он сразу сказал, что женат, хотя кольца не носил. Предложил курортный роман. Инга подумала и согласилась. И ни разу не пожалела, что согласилась. Отвлелась немного, развеялась, желудок опять же подлечила. Вернулась по-свежевшая и довольная. Как мало нужно для счастья!

Первого сентября на линейку в девятом классе у мальчишек появился Димочка. Н-да, Инга его сразу и не узнала. Вместо густой шевелюры стриженный ежик поседевших волос. Вместо ярко-голубого игривого — пронзительный взгляд поблекших глаз. Но бодрый, накачанный, в белой футболке. Как ни в чем не бывало, пришел и встал в ряду родственников. Как будто и не было этих долгих лет.

После линейки пошли все вместе в кафе. А куда? Домой идти — там мать раскричится, отец за сердце схватится. Пацаны обниматься с отцом не стали. Петька руку ему пожал, а Павлуша и вовсе набычился — за мать обижен. Димочка — да нет же, какой он теперь Димочка, уже давно Дмитрий, ну, на худой конец, Дима, обстоятельно рассказывал о себе, о глупости юношеской, об ошибках молодости. Скупое коснулся темы колонии. В подробностях описал последние годы жизни на севере. Работал механиком на крупном заводе, ума-разума набирался.

— Север хлюпиков не любит, можно сказать, дурь мне из башки выбил окончательно. Вот я и вернулся к вам, — завершил Дима свой рассказ.

— К нам? — взвился Петька. — А ты подумал, ты нам сейчас нужен? Нам и маме? Ты ей нужен был, когда она Пашку на руках таскала, спину надрывала да по ночам ревела. А ты сейчас явился, когда мы выросли.

— Ты маму обидел сильно, — вклинился Павлик. — Я снова ее обижать не дам. Мы не дадим, — поправился он.

— Все понимаю, пацаны, — покачал головой Дмитрий. — Маме решать. Прогонит — уеду. А не прогонит — уживемся как-нибудь.

— Решать, говоришь? — невесело усмехнулась Инга. — Вот, значит, как. Пропал на десять лет, а теперь на тебе — любите меня таким, какой я есть. Сгорела, Дима, моя любовь без остатка, и пепел развеялся на ветру. Но мальчишкам ты отец. Какой есть, другого нет и не будет. Хочешь, оставайся в городе, будешь приходить, общаться, помогать.

— Ну мам, зачем нам? Мы обойдемся, — хором забасили близнецы. — Привыкнем, а он снова исчезнет, как раньше...

— Вот мы и посмотрим. Да, Дима?

Дмитрий снял квартиру недалеко от дома Инги и стал приходить в гости. Отец сначала пытался запрещать, мол, ноги его в моем доме не будет, а потом махнул рукой. Что уж запрещать? Все давно взрослые. Мать в светлые периоды, когда память возвращалась, тихо плакала, то ли печалась, то ли радуясь — не разберешь. А когда память дремала, то потчевала зятя пирожками (сноровку готовить никакая память не отняла). Пацаны поначалу дичились, особенно Павлик, разговаривали с отцом сквозь зубы, а он ничего, внимания не обращал. Купил два ноутбука для сыновей, установил Павлику кучу полезных программ, оплатил подготовительные курсы: Петьке в строительный, Паше — по веб-программированию. Взял на себя все поездки с Павлушей на процедуры. Инга не препятствовала, старалась не встречаться с Димой. Но как не встретишься, когда все в одной квартире? Натыкалась на мужа (а как его еще называть?), здоровалась и уходила работать с клиентами. Хотя, что и говорить, легче стало с деньгами, когда Дмитрий объявился. Легче, но тревожней.

Тревожило что-то внутри, саднило, как подсохшая корка от глубокой ранки. Вроде бы и заросло, а тронешь — неприятно. И чего ей не рубцуется, ранке этой? Вот так и с Димой. Отболело уже все давно, отгорело. Казалось, что шрам уже вполне себе сформировался. Ан, нет, не шрам, корочка еще. И руки сами так и чешутся расковырять, посмотреть, что там внутри...

Дима ни на чем не настаивал, рук не распускал, намеков не делал. Не дети ведь. Просто взял и потихоньку переложил на себя семейные забо-

ты. Стал тестю на даче помогать. Тот сопротивлялся для вида, но помощь принял. Так ведь что ж на себе таскать мешки, если Дмитрий тут как тут с машиной? Или опять же дерево выкорчевать — это же старику на неделю работы, а зять взял и за пару часов управился. Тещу в клинику положил, к хорошему врачу определил. Вылечить не вылечили, но с памятью получше стало. Продукты с рынка привозил, брал с собой Петьку вроде как для помощи, а там, суть да дело, и подобрел сынок. Павлик сопротивлялся дольше, но ведь близнецы схожи — и он потянулся к отцу. С ним-то лучше, чем без него. Родной как-никак.

Инга наблюдала, все подмечала, но повода для сближения не давала. Хотя непросто было видеть немое ожидание в глазах сыновей, ох как непросто. Дима в глаза не смотрел, не умолял, ничего не просил, но иногда выводил на разговор. Усядутся пацаны за свои компьютеры, родители-старики спать улягутся, Инга, проводив последнего клиента, выйдет в кухню, а Дима ей яичницу пожарит, чай с мятой заварит и любимое пирожное «картошку» припасет. Как тут прогонишь? Вот он садится рядом и рассказывает. Как жил, о чем думал, о жизни своей северной байки травит. И не уходит. Иной раз уснет Инга в кресле, он ее в кровать отнесет, но ситуацией не пользуется — укроет пледом и уходит восвояси.

А время бежало. Казалось бы, только-только в первый класс близнецы пошли, и на тебе — школьный выпускной! Пролетело время, оглянуться не успели. Петька в свой строительный поступил, в соседнем городе. Ему-то что: утром сел на электричку, и ты на месте. А с Павлушей пришлось повоевать. Тот уперся рогом: «Не хочу дистанционно учиться, хочу очно. Я что инвалид?!» — кричал он матери. А что тут ответишь, когда она всю жизнь учила, что он все может, нужно только очень захотеть и сильно постараться. Вот он и захотел.

В спешном порядке Дмитрий купил Инге машину. Подержанную, конечно, но приличную. Сам-то он не всегда мог возить сына. По утрам еще куда ни шло, а днем с работы не будешь же каждый день отпрашиваться. Вот и стал учить Ингу машину водить.

Привезла она первый раз Павлика домой, руки-ноги трясутся, губы прыгают, вот-вот водопад случится. Открыла бардачок, салфетки поискать, а там коробочка. А в ней колечко. Повертела в руках, да и на место положила. Но плакать расхотелось. Не спалось ночью долго. Перебирала воспоминания, себя слушала. А утром, когда Павлика отвезла на учебу, взяла да и надела кольцо на палец. А что? Нельзя разве? Оберег ведь.

Вечером Дима мальчишек в кино возил и зашел домой на чай. Надо было видеть его глаза. Так все и увидели. Кому надо было. Жизнь — она такая, разная, сложная. У каждого своя... □

Алексей Лосихин — актер и певец, творческую биографию которого можно охарактеризовать как «вне привычных рамок». Его творчество оригинально и ни на что не похоже. Фирменным почерком стали его мелодии, стихи и инфернальный образ — все вместе они составляют собой что-то волшеббно-демоническое! Голос, интонация, душа, смысл и чувства — все это можно найти в его песнях. Неординарная внешность заставляет запомнить его с первого взгляда. О своем пути в искусстве артист и рассказал в интервью журналу «Смена».



Алексей Лосихин

*«Все, что я пишу
в своих песнях,
это обо мне
и о моей
жизни»*



— Алексей, расскажите, пожалуйста, каким вы были в детстве? Когда в вас проснулась тяга к музыкально-театральному искусству?

— Если говорить о детстве, то, наверное, для каждого человека все основы личности закладываются именно в этот период. Мое детство прошло в атмосфере застольных песен, ламповых магнитофонов и проигрывателей. Обожаю слушать музыку на всем, что издавало звуки.

А потом у соседа появился видеомагнитофон, и жизнь перевернулась с ног на голову. Открылся целый мир видеофильмов, и я захотел оказаться по другую сторону экрана. Тогда это была просто мечта, а потом стало целью. С видеомагнитофоном была интересная история. Мой отец и сосед дядя Саша дружили, они протянули кабель между домами, чтобы можно было смотреть видеокассеты сразу на двух телевизорах. И оставалось просто вечером сидеть дома

и ждать, когда дядя Саша крикнет в окошко: «Включаю!» Поэтому у меня был полный доступ ко всем новинкам видеосалонов. Весело жили!

— Достаточно недавно у вас вышло три новых трека. Чему они посвящены?

— Все, что я пишу в своих песнях, это обо мне и о моей жизни. Можно не читать интервью, а просто прослушать несколько песен, прочесть пару стихотворений Алексея Лосихина, и вы найдете ответы на самые интимные вопросы. Музыка, которую я начал выпускать с 2024 года, долго лежала в столе, не потому что она плохая, а потому что мне нужно было найти инструменты для правильного продвижения этих песен. Это новое звучание, которое я давно искал. Хотел «помирить» в себе современные тенденции в музыке и свое видение хорошего звука. Если говорить о темах песен, то все они посвящены отношениям мужчины и женщины. Там есть ревность, ссоры, обиды и, обязательно, любовь. Но все призывают к любви и прощению.

— Алексей, не так давно вы «переквалифицировались» из драматического актера в певца. Что вас на это сподвигло?

— Это не совсем верно, просто я перестал играть в театре на стационаре, а в качестве актера продолжаю работать в кино и в антрепризе. Дело в том, что я по-другому расставил приоритеты. Сейчас в центре внимания музыка и кино. Я всегда



этого хотел. Театр — это прекрасное место для актера, там можно расти, развиваться, играть роли мирового репертуара, но сейчас я сосредоточился на музыке и кино, потому что чувствую большой потенциал в своих песнях и в том, что сейчас происходит в русском кинематографе. Музыка, которую я пишу, находит отклик у слушателей, и мне хочется продолжать удивлять публику. Мне присылают новые сценарии для кинопроб, и я вижу,

что это увлекательные истории, которые мне хочется читать, не отрываясь, как какой-нибудь бестселлер. Словом, чувствую энергию в музыке и кино.

— Расскажите про вашу песню на стихи Эдуарда Асадова...

— Это вышло достаточно случайно. Сначала я спел эту песню под гитару и записал видео. В сети начали комментировать, пересылать друг другу и, как говорится, песня «завирусилась». Эдуард Асадов — великий поэт и человек. Это тот ав-

тор, которого нужно учить наизусть и проходить в школе. Его стихи — это не просто красивая лирика, это жизненные советы, следуя которым, человек справится с любыми трудностями. В песне «Я могу тебя очень ждать...» гений Асадова в очередной раз сотворил чудо. Люди услышали нужные слова, которые они давно хотели услышать. С этой песней меня пригласили в программу «Привет, Андрей!» к Андрею Малахову, и я понял, что пришло время серьезно за нее взяться. Мы сделали аранжировку, сняли клип и 21



апреля 2024 года, в день двадцатилетней годовщины со дня смерти Эдуарда Асадова, вышел официальный релиз. А 9 мая того же года была премьера клипа, посвященного всем женщинам, которые ждут своих мужчин с фронта. Очень хотелось быть искренним в этой работе, насколько это получилось, судить, конечно, людям.

— Как вы вживались в роль Меркуцио в мюзикле «Ромео и Джульетта»?

— Роль Меркуцио — удивительная, она сразу дала мне счастливый билет в мир мюзикла и добавила в мой репертуар великолепный хит «Короли ночной Вероны». Вспоминая репетиции, я вижу это время как период бесконечного удовольствия от команды, материала, постановщиков. Мы были молоды, талантливы, азартны, и у нас все получалось! После премьеры мы шагнули на новую ступень актерского и вокального мастерства. Каждый хороший проект должен открывать новую грань таланта артиста, мюзикл «Ромео и Джульетта» к этому добавил еще и мидийность. Эту роль я получил, окончив ГИТИС, можно ли мечтать о большем. Только завершил учебу и сразу попал в большой проект. Это же здорово!

— Какого зрителя вы ждете в зале? Какой зритель «ваш»?

— Я уважаю любого зрителя. Самое важное, это желание понять друг друга, без этого очень сложно



найти контакт. Мы выступаем в разных городах, везде разные площадки и условия, но если есть уважение к артистам, то, поверьте мне, актеры в лепешку разобьются, но отдадут себя залу без остатка. Это невозможно измерить никакими приборами, это понимаешь только по дыханию зрительного зала: вот сейчас хорошо, а сейчас сфальшивил. И очень важно, чтобы старшее поколение приводило молодежь на спектакли и концерты. Потому что нужно прививать вкус нашим детям, а это дело непростое. Я сейчас в целом о хороших спектаклях и концертах, которые нужно искать, смотреть и рекомендовать молодежи. Поделюсь своим опытом зрителя в этом году, скажу, что сейчас в МХТ идет прекрасная постановка «Месяц в деревне», «Анна Каренина» в Оперетте, «Маяковский» в Театре на Малой Ордынке, «Саломея» в Театре Виктюка. Конечно, спекта-



клей намного больше, но я стараюсь очень избирательно подходить к тому, что смотрю. Если вдруг будут рекомендации, пишите мне в группе ВК, с удовольствием прислушаюсь к вашим советам.

— Вы выпустили несколько альбомов. Что стало самым трудным в их создании?

— Самым трудным будет то, что их придется переделать. Все эти альбомы были пробой пера, как я сейчас понимаю. Музыка не терпит к себе необязательного отношения. Эти собрания песен становились альбомами, потому что накапливался материал, который я писал для разных случаев и по разным поводам. Там есть симпатичные песни, но все они в очень разных стилях: рэп, рок, блюз, неоклассика, симфонические баллады, чего там только нет. Музыкант должен определиться со своим стилем. В наше время слушатели должны привыкнуть к твоему звучанию и полюбить его, иначе ты рискуешь постоянно терять аудиторию. Сейчас во многом все зависит от алгоритмов, которые просчитывают массу разных показателей твоей аудитории, и рекомендует тебя похожим слушателям. Если ты будешь постоянно менять жанры, ты собьешь настройки. Это одинаково как для алгоритмов, так и для живых людей. Поэтому со временем я планирую переиздать свои альбомы в новом звучании, а пока рекомендую слушать все



песни, которые я выпускаю, начиная с 2024 года.

— Расскажите, пожалуйста, как проходило сочинение и продюсирование мюзикла «Ярь», в котором вы выступили в качестве автора, композитора, режиссера и продюсера. Чем вы вдохновлялись?

— Кинорежиссер Эмиль Лотяну меня вдохновил на эту постановку. Я услышал в документальном фильме, что он собирается снять фильм под названием «Ярь». Ему хотелось, чтобы в России была своя легенда, как, например, во Франции — «Муллен Руж». Но ему удалось снять только первый кадр этого фильма. С этого и началась постановка мюзикла «Ярь», мне понравилась идея, я ее подхватил. Много читал и том времени, и о легендарном ресторане,

слушал огромное количество русских романсов. В итоге получилась очень достойная постановка с прекрасными артистами, удивительной музыкой и яркими костюмами. Спектакль шел в Москве два года, и мы получили искреннее удовольствие от команды, которую собрали, и от материала, с которым работали. Конечно, это тема для отдельного интервью. По поводу мюзикла «Ярь» я много рассказывал журналистам, это все легко можно найти в Интернете, если кому-то станет интересно. Работу эту я люблю и вспоминаю с удовольствием!

— Съёмки в каком сериале стали для вас самыми волнительными?

— Больше всего я волновался в своей первой роли в сериале Леони-

да Млечина «Поздний ужин...» — серия называлась «Фотограф». Помню, что не мог без улыбки смотреть на своего партнера, который очень органично отчитывал меня — у актеров говорят «расколослся». Несколько дублей сняли, меня ругают, а я улыбаюсь. В театре со мной такого не происходило. Серию сняли, смонтировали, вроде получилось, спасибо режиссеру! Затем уже были другие проекты и, конечно, самый большой мой сериал «Обручальное кольцо», который мы сняли для Первого канала — 820 серий! Подумать только, сериал длился три года! Умудрялись снимать по серии в день, выработка была невероятной. Вот на этих съемках я и получил настоящую школу русского сериала. Отличная была команда, всегда старались что-то придумать, улучшить, доиграть. Рейтинги сериала были очень высокими, даже премию «Тэфы» получили!

— Ваши любимые композиторы? Исполнители и певцы?

— Я вообще меломан, слушаю все, что хорошо сделано. Например, у меня в плей листе может стоять Аркадий Северный, Holidayboy, Дмитрий Хворостовский и Maroon 5. И для меня в этом нет проблем, я слушаю любую музыку, в которой есть энергия. Но когда я работаю над музыкальным форматом, тогда я слушаю что-то конкретное и много раз. Могу одну песню слушать месяц, закручиваю ее до бесконечности, при этом каждый раз получаю удовольствие. Конечно, это иногда доставляет неудобство

моим близким, но проблема легко решается с помощью наушников.

— Какой жанр в музыке и песнях вы предпочитаете?

— Поп-рок, это тот жанр, в котором я сейчас работаю. Хотя это достаточно условное определение, много музыки можно отнести к этому формату. Ее слушать нужно, а над жанрами пусть думают критики.

— Ваша настольная книга?

— Сейчас читаю Алексея Толстого «Хождение по мукам». Если хотите разобраться в том, что происходило в России в начале 20-го века, то очень рекомендую.

— Самая ближайшая цель для вас сейчас — это...

— Создать условия, чтобы моя музыка была услышана широкой аудиторией.

— Что нового сейчас в творчестве?

— Музыка и кино — это два направления, которые я выбрал как приоритетные. Кино идет полным ходом, кастинги, съемки, роли. В группе ВК буду сообщать о премьерах. Что касается музыки, то каждый месяц выходит новый трек с клипом, в котором я стараюсь удивить себя и слушателей. Такой музыкальный сериал с развивающимся сюжетом о моем внутреннем мире. □

Беседовала **Дарья Парчинская**
Фото из личного архива

Ирина Давыдова

Желание любить

Василий Макарович не любил зимние вечера. Он просто физически ощущал тяжесть темноты, опускавшейся на город и заполнявшей его комнату. Тьма просто в один момент лишала его способности не только видеть, но и ощущать какие-то звуки. Хотя слушать-то было нечего: ни детских криков, ни ворчания супруги; даже старинные ходики, висевшие на кухне, неожиданно остановились. Жена умерла десять лет назад, а дочь вышла замуж и уехала в Германию.

Жил пенсионер в своем доме, но никакого хозяйства кроме маленького огородика не держал. Его одиночество скрашивал старый кот Тихон, почти ослепший и глухой, такой же «молчаливый», как и его хозяин. В последнее время он только лежал у печки и неохотно подходил к еде. Зато осмелевшие мыши свободно гуляли ночью по комнате, правда, совсем не досаждая старику.

Дом Василия Макаровича стоял на отшибе, поэтому мало кто его беспокоил, лишь изредка соседка Валентина Антоновна приносила ему литровую банку молока. Вообще продуктами старик предпочитал «затариваться» примерно один раз в месяц. Для этой цели выводил свой древний «Москвич» и ехал в центр города. Он не признавал полуфабрикатов, новомодную пиццу, а старался питаться так, как раньше, когда у него была семья. Правда, в последнее время отдавал предпочтение кашам, к которым, кстати, был неравнодушен и Тишка.

Эта зима была такой снежной, как будто природа восполняла то, что недодала в предыдущие годы. Уже неделю каждое утро, как под копирку, начиналось одинаково: небо затягивалось серыми тучами, затем маленький рой снежинок превращался в настоящий снегопад. И приходилось Василию Макаровичу после завтрака брать в руки лопату и расчищать все подходы к дому, включая тропку, ведущую к магистрали. В свои семьдесят лет пенсионер был крепким и жилистым, поэтому не считал уборку снега за труд. Так, баловство, чтобы кровь в жилах разогнать.

Вот и сегодня, после трапезы, он надел старый полушубок, взял варежки, когда-то связанные женой, достал из сарая лопату и вышел во двор. Снег к этому времени перестал, но до этого потрудился изрядно:

все убранные вчера дорожки выглядели запущенной целиной. Прежде чем приступить к работе, старик заглянул в огород, как будто надеясь увидеть что-то новое. И действительно, лес, который начинался прямо за его земельным наделом, показался ему сегодня необыкновенно величественным и красивым. Бывают в жизни человека моменты, когда виденное сто раз вдруг воспринимается как невиданное чудо, как будто зрение в этот момент становится ярче. Ведь никогда до этого Василий Макарович не обращал внимания на то, какими хрупкими, как девчонки, выглядят березки, засыпанные снегом; какими царственными особами представляются зеленые ели, кокетливо сдвинувшие белые шапки набекрень. «Ну и красота!» — удивился вслух пенсионер. Он уже хотел идти заниматься привычной работой, как вдруг услышал не то вой, не то плач. Откуда-то из глубины леса доносился пронзительно-щемящий звук, похожий на детский плач. «Что за чертовщина? Отроду здесь детей не бывало, даже летом не встретишь, потому что ни грибов, ни ягод, одни буреломы да крутые скаты», — подумал Василий Макарович, но все же решил проверить.

Идти пришлось довольно долго — ноги то и дело проваливались в сугроб, мешали идти поваленные деревья, невидимые из-за наметенного снега. Наконец звук стал слышен совсем близко, и он, к своему удивлению, увидел маленького лисенка, сидевшего под березой. А подойдя поближе, понял, что зверек каким-то образом попал одной лапкой в расщелину и теперь не может освободиться из вынужденного плена. Лисенок уже устал скулить и без страха поглядывал на человека. Василий Макарович присел перед ним на корточки, увидел, что лапка у зверька сломана, лучше ее не трогать, и решил попытаться подпилить хотя бы часть ствола дерева. Но за пилой идти далеко, зато в кармане лежал отточенный прошлым вечером в сарае огромный нож, больше похожий на миниатюрный топор. Хорошо, что он забыл его выложить!

Два часа ушло у старика на этот адский труд, но не напрасно — лисенок был освобожден. Доверчиво прижавшись к полушубку мужчины, он больше не скулил и даже не вздрагивал. Василию Макаровича умилило такое доверие к человеку. «Эх, ты, дите неразумное», — ласково произнес старик, обращаясь к найденышу. И тот, словно поняв, заглянул своему спасителю в глаза. И столько в них было надежды, что Василий Макарович чуть не прослезился.

Когда он принес лисенка домой, то первым делом «познакомил» его с котом. Тихон, вопреки неприятным ожиданиям, не только не зашипел, но и выказал свой интерес к незнакомому зверьку. Лисенок же вел себя так, как будто жил в этом доме много лет. После того как старик наложил ему самодельную шину на лапку и перебинтовал ее, он спокойно улегся на кухне,

рядом с подстилкой кота. Василий Макарович, не зная, чем потчевать спасенного, налил ему немного молока в блюдечко. Потом, вспомнив, что в русских сказках лисы всегда воруют кур, положил рядышком вареное куриное крылышко. Гость не заставил себя упрашивать и быстро расправился с едой. Тогда старик достал из холодильника кусочек вареной колбасы и половинку засохшего плавленого сыра. Лисенок не отказался и от них. Насытившись, он положил голову на здоровую лапку и уснул. А старик все смотрел на раненого зверька, и сердце его наполняло какое-то теплое чувство, как будто он приютил оставленного в опасности ребенка. Пока зверек спал, свернувшись калачиком, Василий Макарович сумел рассмотреть его: грязновато-оранжевая шубка, белые «перчаточки» на лапках, неожиданно длинный и пушистый хвост, маленькие черные коготочки. Худенькое тельце зверька вздрагивало во сне, и старик вдруг вспомнил, как однажды его маленькая дочка очень тяжело перенесла пневмонию. Тогда он так же с тревогой наблюдал за спящей девочкой. В горле вдруг встал ком, и он смахнул непрошенные слезы.

Когда лисенок проснулся, наступил уже вечер. Он сладко потянулся, задев при этом раненую лапку, и тихонько заскулил. Быстрее Василия Макаровича, который варил в это время кашу, подошел кот и впервые за последние годы замурлыкал, будто успокаивая незваного гостя...

Неделю лисенок не мог встать — шина на передней лапке мешала, поэтому старик на руках выносил его во двор. Рыженький зверек оказался не меньшим чистюлей, чем Тихон. Они на пару сидели возле печки и вылизывали себя. Через неделю шина была снята, осталась только повязка, и найденыш начал потихоньку, хромя, «осваивать территорию». Когда его лапка окончательно зажила, в доме не осталось ни одной мышки. Вернее, в течение нескольких дней хозяин находил маленькие трупки распоясавшихся и осмелевших грызунов. «Твоя работа?» — спрашивал, смеясь, Василий Макарович у лисенка. Тот довольно жмурился в ответ. Теперь пенсионеру некогда было скучать. Теперь у него была забота: сварить еду и накормить «живность», выгулять рыженького хищника, иногда помыть его. Лисенок, кстати, совсем не боялся воды и даже пытался плавать в детской ванночке, оставшейся от дочери. А кот Тихон в это время сидел рядом и не сводил с него глаз, хотя сам панически боялся купания. После этого приходилось подтирать пол и сушить в старом полотенце мокрое животное. Другому, наверное, это все показалось бы обременительным, но Василий Макарович приобрел смысл своей жизни: он хоть кому-то был нужен. Конечно, нельзя сказать, что дочь Вера совсем забыла про него, она регулярно (раз в месяц) присылала ему деньги, с такой же периодичностью звонила и даже радовала открытками к праздникам. Но вот со дня ее отъезда прошло более десяти лет, а она ни разу не приехала проведать отца, и внуков не показала,

которых старик видел только на фотографиях в телефоне. Что уж там говорить про могилу матери!

Так в мелких заботах и прошла зима, которая раньше была сущим мучением для пенсионера. К весне лисенок подрос, осмелел, иногда даже принимался «гонять» по дому Тихона. И тот, совсем как в молодости, запрыгивал с разбегу на подоконник, на шкаф, а осмелевший хищник при этом звонко тявкал. Веселая кутерьма только радовала хозяина, иногда он смеялся до слез, глядя на проделки питомцев.

Незаметно наступило лето. Теперь Василий Макарович много времени проводил со своим зверьем в огороде. Лисенка, не мудрствуя лукаво, он назвал Лисом и изредка спускал с поводка, а тот лихо носился между грядок, даже и не думая убегать со двора. Летним вечером пенсионер садился на ступеньки, ведущие в дом, и читал вслух то газету, то старые любимые книги, то энциклопедию про животных. Под размеренные звуки его голоса животные засыпали, но у Василия Макаровича все равно было ощущение, что они его внимательно слушают.

Валентина Антоновна, в очередной раз доставившая ему уже три литра молока, удивилась, как преобразился старик (лисенка ей увидеть не доводилось). Обычно неразговорчивый, хмурый, он теперь казался повеселевшим и помолодевшим, да и аппетит, по-видимому, стал лучше.

— Неужели Вера приезжает с сыновьями? — радостно спросила она.

— Да нет, не обещала, — ответил Василий Макарович.

Но ведь «накаркала» соседка: в конце июня пришла телеграмма от дочери: «Прилетаем двадцать пятого. Жди».

Старик начал готовиться к встрече: прибрал в доме, закупил продукты и даже настряпал блинов. И вот одним вечером его дом наполнился шумом и смехом — Вера привезла своих мальчишек, десятилетних близнецов. Вначале они были разочарованы: ничего интересного в доме деда не оказалось. Но потом увидели Лиса, настороженно выглядывающего из-под кровати, и громкий вопль проказников заставил того снова залезть обратно.

— Деда, это настоящий лисенок? Где ты его взял? А его можно погладить? — засыпали они вопросами Василия Макаровича.

На шум и крик прибежала Вера, вынимавшая подарки из сумки; и, увидев любопытную мордочку лисенка, недовольно сказала детям:

— Не лезьте к нему, он может быть заразным.

— Да ты что, Вера, — пытался заступиться за приемыша старик. Он почти полгода у меня — никто не заболел.

— Убери сейчас же эту дрянь! — теперь уже визжала дочь.

Василий Макарович вытащил Лиса, пристегнул ему поводок и привязал в тени, у сарая. «Потерпи, мой хороший» — прошептал он лисенку.

За хлопотами день промчался незаметно. К вечеру старик пошел кормить своего питомца. Но что это?! У столбика, к которому он привязал Лису, никого не было. Поводок лежал на земле.

— Кто это сделал? — прохрипел старик, буквально ворвавшись в дом, и замертво упал на пол...

Врачи «скорой» диагностировали инсульт. Месяц Василий Макарович пролежал в больнице, ни с кем не разговаривая даже тогда, когда восстановилась речь. Дочь его уехала в Германию, поэтому из больницы он добирался сам. Валентина Антоновна с мужем в его отсутствие приглядывали за домом и кормили кота.

Старик присел на крылечко. Был очень теплый вечер. Солнце уже не палило своими лучами, а лишь ласкало лицо пенсионера. Но ничто его не радовало. Он в душе корил себя за то, что так отнесся к дочери и внукам — даже не попрощался; но жалел он совсем о другом и машинально слушал «отчет» соседки, поглаживая мягкую шерстку Тихона, сидевшего рядом. Но вот последние слова Валентины Антоновны заставили его встрепенуться.

— Кто-то повадился ходить к тебе, Макарыч. Я кота кормила на улице, он ел плохо, а утром смотрю — миска вся вылизана. Курочку или рыбку положу — даже костей не остается.

При этих словах Василий Макарович вскочил, побежал к огороду и неожиданно звонко прокричал:

— Лис, иди сюда!

К изумлению женщины, буквально через минуту откуда-то из-за дальних грядок промелькнуло грязно-рыжее существо и бросилось к старику.

— Батюшки, прям, цирк! Это же лиса! — вскрикнула Валентина Антоновна, но старик ее уже не слушал, он никак не мог наглядеться на своего питомца...

Осенью Василию Макаровичу пришлось обратиться к помощи зоозащитников: Лис вырос и затосковал по живой природе. Со слезами на глазах прощался старик со спасенным когда-то зверьком. А через день умер от старости кот Тихон, и пенсионером снова овладело состояние равнодушия, когда уже ничего не радует. Может быть, и не пережил бы он следующую зиму, если бы однажды, заглянув по привычке в огород, не увидел уже довольно большое и сильное тело рыжего хищника.

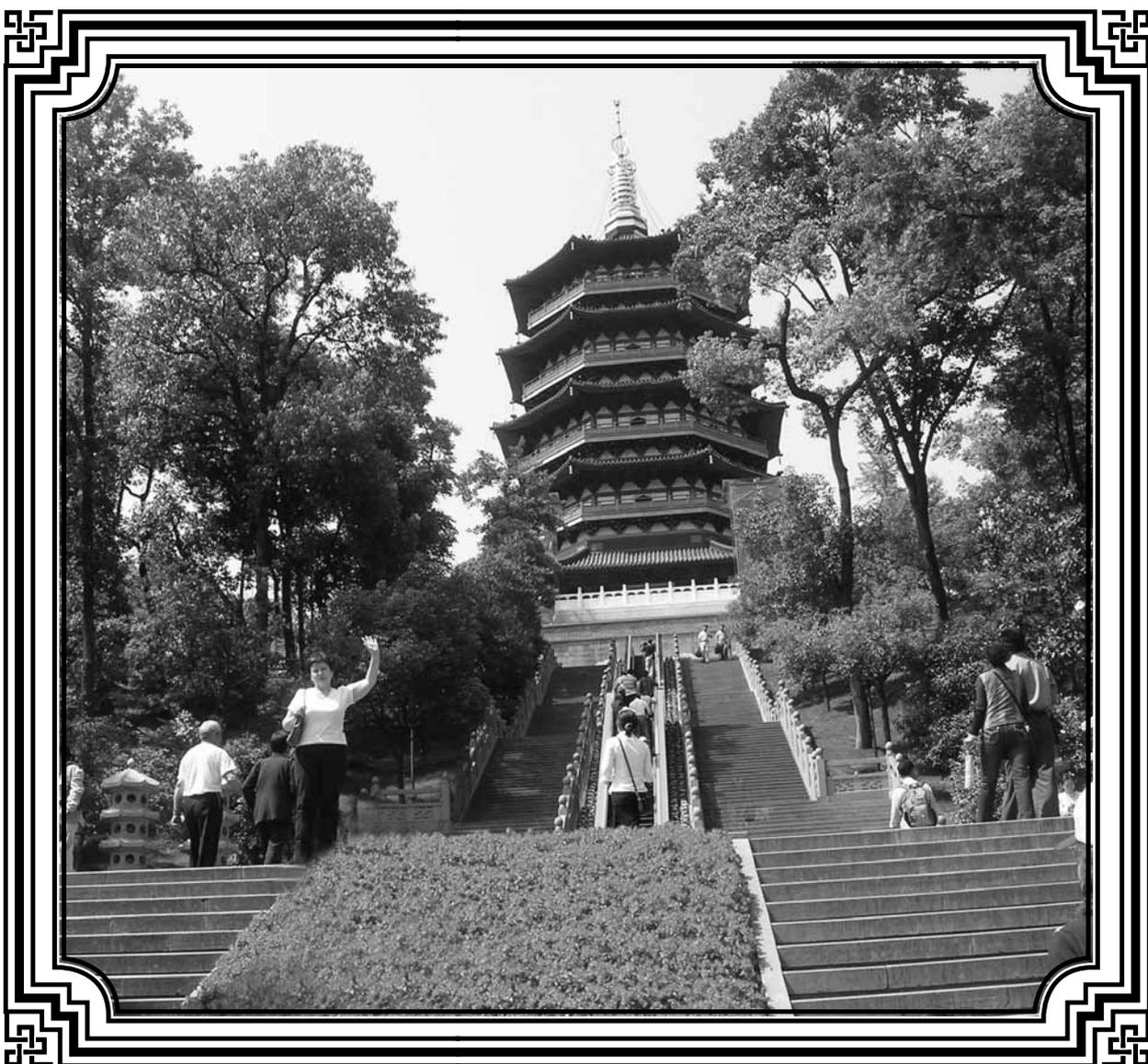
— Лис! Ты не забыл меня?!

Нельзя, чтобы в старости люди оставались одинокими, ведь желание любить исчезает лишь со смертью... □

Лариса Новосельская

Почему бы помидору не быть фруктом?

Китайские зарисовки



«Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда» — эту известную мудрость Ки-

плинга я вспоминала в своем коротком путешествии по Китаю не раз, но особенно остро ощутила

правоту классика по возвращению на родину.

Зайдя буквально в пару магазинов, где на ценниках не стояло знака юаня, а продавцы и покупатели говорили на родном языке с характерным мягким «г», я вдруг почувствовала, что на меня смотрят с подозрением.

На мне не было ни китайской «косоворотки», ни расписного веера

вые и доброжелательные китайцы. Как, впрочем, принято во многих странах мира. Любезность нынче в моде. Улыбаются друг другу все — отличается только качество улыбок. У немцев и австрийцев они выглядят чуть-чуть натянутыми. С англичанами и французами не встречалась, но догадываюсь, что Европа есть Европа...



в руках. Просто, заходя в магазин, я улыбалась и здоровалась — как приучили меня дружелюбные, учти-

Китайцы же улыбаются весело, задорно, и, кажется, от души... Хотя кто поймет душу чужого народа,



когда и со своим-то не разберешься. Во всяком случае, в родном городе незнакомым я улыбаться перестала. Мало ли... Вопрос «Че лыбишься?» запомнился как угроза еще с детства. Поэтому с улыбками давно было покончено. Вот выберусь еще как-нибудь на Восток, там и на улыбаюсь досыта!

Вряд ли выберусь, конечно: дорогое это и далекое удовольствие. Хотя новенький аэробус с удивительно расторопной и предупредительной командой превратил десять часов лета в насыщенный приятными сюрпризами день.

Самолет просторен, как океанический лайнер. Гуляй по салону, как по бульвару! Этот простор мы оцени-

ли на обратном пути, когда с гастролей возвращалась труппа русского национального балета, и во время аэробики, которую неукоснительно проводят стюардессы, балетные девочки и мальчики принялись выдавать такие «па», что все пассажиры замерли в восхищении.

Итак, простор лайнера, это раз. Обилие, извините, туалетов, это два. И первое, незабываемое знакомство с настоящей китайской кухней — особенной, ни на что не похожей, которое продолжилось уже в Шанхае.

Аня-тян — симпатичная молоденькая гид, прежде всего, накормила нас вкуснейшим обедом в морском ресторане. Когда же она сообщила, из чего состояла трапеза — а это



Улица красных фонарей

был тот самый черепаховый суп, о котором мечтала Доронина в своей песне, стало как-то не по себе — черепаха жалко!

— Почему? — искренне удивилась Аня-тян. — Черепаха такая вкусная!

В тот же день состоялась и первая экскурсия по славному городу Шанхаю, знакомому многим по риторическим вопросам пап-мам — бабушек-дедушек: «Когда же уберут из центра города этот Шанхай?»

Нынешний Шанхай — это город будущего, нависший своими супервысотными зданиями над планетой, как огромный космический корабль с посланцами внеземной цивилизации. И если бы не движение вверх, никогда бы на его дорогах не разми-

нулись ни одной машине, не говоря уже о велосипеде — любимом транспорте шанхайцев. Никогда, если бы... не магистрали-виадуки, оплетающие мегаполис на разных уровнях и в разных направлениях. Едешь в такси по городской улице на уровне шестнадцатого этажа, и, сколько не задирай голову, последний этаж все равно уходит в поднебесье!

Китайцы испокон веку считались самым трудолюбивым народом. Вот и сейчас, невзирая на чудеса техники и роботизации, трудятся, как муравьи. И не за миску риса, как часто принято у нас снисходительно повторять. Средняя зарплата невелика, да, однако, при недорогом жилье, дешевых товарах и очень бюджетных про-



дуктах, обеспечивает существование вполне комфортное. Да разве только в зарплате дело? Атмосфера кипучего энтузиазма, веры в будущее страны, подкрепленная не словами, а все новыми и новыми делами, — вот что дает китайцам и второе, и третье дыхание в любой, самой тяжелой работе. Такое ощущение, что страна живет на вдохе, она набирает в легкие как можно больше воздуха и мчится, неудержимо мчится вперед! Даже туристы, люди посторонние, попав в эту атмосферу, оживают, расцветают и включаются в ритм страны.

Небоскребы в Шанхае — это, в основном, офисы. Именно так отвечали на наши вопросы провожатые. А мы пытались сообразить: офис — это ведь просто-напросто контора с управленцами. И что с того? Какой в них смысл?

Все разъяснилось на экскурсии в небольшой (с населением 8 миллио-

нов) город Сучжоу, где базировались огромные предприятия по производству стали, медицинских инструментов, компьютеров, автомобилей, etc. Убаюканные нефтяными потоками, мы уже и забыли, что такое настоящие заводы. А здесь они выстроились вдоль трассы так плотно, будто вся мировая индустрия сосредоточилась теперь в Китае. А может, так оно и есть?

Кстати (или некстати) о социализме, который по-прежнему является в Китае официальным строем: видели мы и Доску почета на фабрике шелка, и красногалстучных пионеров на улицах, и даже конкурс «Лучший по профессии» на главной площади Шанхая. И все равно не покидало ощущение, что функциональность и скромность быта, мягкость и простота нравов идет не от общей уравниловки, а от философии даосизма, который учит, что главное для чело-

века — быть гармоничной частью жизненного процесса и жить в согласии с природой и друг с другом.

Удивительно, но факт: на Востоке придерживаются основ учения легендарного Конфуция, еще в 550-м году заложившего основы этики. Есть в его трудах такое смешное словечко «ли». Оно означает не что иное, как любезность и церемонность.

Может, оттого в перенаселенном городе автомобили разъезжаются без аварий, люди ладят и, кажется, не завидуют друг другу? Даже реклама здесь тихая и созерцательная. Никаких орущих теток и дядек, поднимающих со дна души злобу и агрессию... Когда вы в последний раз видели в своем городе такую картинку: в цирке (или в театре) си-

дят рядышком и хохочут до слез три поколения одной семьи: бабушка с бабушкой, папа с мамой и детишки? Или в городском зоопарке, где мирно дрыхнут, откинув плюшевые лапы, знаменитые панды, а дедушку



*Приз и диплом
посольства
КНР в РФ
за китайские
зарисовки*

*Стюардесса
по имени Ю*

с бабушкой и внуков угощают мороженым любящие стариков и детей папа и мама?

Нет, в нашем городе такого удивительного сплочения семьи не ищите! Ухоженные, присмотренные и уважаемые старики остались, кажется, только на другом конце света. «Запад есть Запад. Восток есть Восток, не встретиться им никогда» — фраза Киплинга актуальна до сих пор. Ведь даже черная кошка в Китае — это символ удачи. Даже помидор — это фрукт...

...Сегодня, находясь уже дома, я для релаксации закрываю глаза и представляю шанхайский ботани-

ческий сад под мягким теплым дождем, пару ярких птиц, поющих любовную песню, слышу негромкую музыку Моцарта, доносящуюся откуда-то из-за деревьев, плеск рыб в прозрачной воде озера, заросшего лотосами... Я засыпаю и вижу счастливые сны про радостное будущее объединенного человечества, взявшего на вооружение не ракеты и боеголовки, а мудрый принцип «ли» — любезность и церемонность.

И пропасть между Востоком и Западом исчезает. В конце концов, почему бы помидору и не быть фруктом?..

Фото автора

Лариса Новосельская

Другая сторона света

рассказ

Когда к перрону подкатила яркая, сияющая огнями двухэтажная электричка, Павел только выдохнул:

— У-у-ух, какая!

— Красивая? — с нескрываемой гордостью спросила Аня-тян, его персональный гид по Китаю.

— Ужасно красивая! — как мальчишка воскликнул он.

— Русские смешные! — прыснула в кулачок Аня. — Сначала говорят «ужасно», а потом «красиво».

Они вошли в новенький, еще пахнувший свежей краской вагон, сели в кресла с высокими, покрытыми белыми кружевными салфетками подголовниками, и Павел с нетерпеливым любопытством стал разглядывать пассажиров.

В чужой стране его интересовали не «олизеи», как он называл достопримечательности из туристических справочников, а люди.

Сначала в глубину вагона его взгляд так и не проник, задержавшись на соседях напротив: улыбчивом молодом человеке, который по восточной традиции «любезность и церемонность» кивал ему всякий раз, когда Павел встречался с ним глазами, и таком же доброжелательном старике с удивительно моложавым, без морщин, лицом.

«Надо же! Другой конец света! А как похож!» — ахнул про себя Павел, и сердце его тут же зашлось от привычной боли.

«Тоска из фазы ремиссии переходит в стадию обострения», — попытался он справиться с собой, понимая, насколько это бесполезно.

...В облике его отца всегда сквозило что-то восточное. Узкий разрез карих, ярких глаз, свежая кожа, натянутая на скулах, крупные и крепкие зубы.

В последние годы жизни он тихо сидел в дальней комнате на диване, положив на лоб сухой носовой платок, якобы спасающий от головной боли. Когда его просили прилечь, отдохнуть, вот с такой же китайской улыбкой отвечал:

— На кладбище отдохну.

Павел до сих пор не понимает, как он мог спокойно проходить мимо этой величественной и беспомощной фигуры, усмехаться про себя, вспоминая книжные определения типа «осень патриарха», и не подсесть к отцу, не взять его за руку. Да хотя бы смочить холодной водой этот несчастный платок, который будет теперь укором сопровождать его до конца жизни, как булгаковскую Фриду...

Аня-тян, заметив интерес туриста к соседям, добросовестно принялась рассказывать, что это сын сопровождает отца в поездке к родственникам. Что одних стариков отпускать в Китае не принято, даже бодрых и здоровых.

Ее высокий голос звучал заучено-ровно, она очень старалась правильно строить длинные фразы на чужом языке. Но Павел уже не слушал, охваченный знакомой тоской, которая накатывала, как прилив, и с которой, он знал, тягаться напрасно. Проще погрузиться в нее и ждать, когда она, как вода, омоет все расщелины памяти. Лишь тогда станет легче.

А пока он задавал себе привычный, как «что делать и кто виноват», вопрос: почему предательски бросил отца в то утро? Ведь старик надеялся на него и ждал.

— Сынок, когда же мы поедем на рыбалку? — голос прозвучал так громко, что Павел даже вздрогнул и с надеждой посмотрел на китайца. Тот, конечно, закивал головой и заулыбался.

Павел тоже растянул губы в улыбке, чувствуя, как к глазам неудержимо подступают слезы.

...В темном пыльном сарае, куда после похорон Павел старался не заходить, в самом углу, запутавшись лесками, стояли удочки, штук десять, не меньше. В былые времена отец, наводя порядок среди стамесок, отверток,

рубанков и других орудий домашнего производства, выволакивал удочки на солнышко и долго мудрил над ними, прилаживая блесну или крючок, полируя удилица и латая суровыми нитками садки.

А потом наступало особое, воскресное утро... Ровно в пять часов сильные, ласковые руки сгребали Павла вместе с одеялом и укладывали на заднее сиденье «Москвича».

Пока они ехали к речке, в село Красносельское, за окном светало, и тополя, бегущие вдоль дороги стройными рядами, из тревожно-черных превращались в нежно-зеленые, а потом, пронизанные первыми лучами солнца, светились изумрудами.

Павел и спал и не спал, бессвязно о чем-то думая, купаясь в рассеяннотуманном свете, уюте и зародышевом покое.

Через годы, когда он, растревоженный взрослыми проблемами, ворочался в кровати без сна, усилием воли заставлял память, как объектив фотоаппарата, сфокусироваться на этой дороге и широкой спине отца, заслоняющей от огромного тревожного мира. Павел тут же чудесным образом успокаивался и, защищенный прочной крепостной стеной, засыпал, видя во сне розовое утро и рыжего мальчишку, стоявшего на обочине. Отец всегда останавливался и сажал его в машину, смешно называя «хлопчиком». Потом тут же, во сне, наступала ночь, и уже сам Павел яркими фарами своего «форда» высвечивал на обочине одинокую фигурку с поднятой рукой и, не снижая скорости, пролетал мимо. Сразу накатывала тоска, и, как ни убеждал он себя, что время сейчас другое, в глубине души твердо знал, что отец бы так никогда не поступил, не оставил одинокого человека на пустынной дороге... Павел опять просыпался и долго лежал, глядя в сереющее окно и вспоминая прошлое...

...Улов, как правило, был невелик — пять-шесть солидных карасиков. Прочую мелюзгу по совету отца он возвращал речке: пусть плывут, растут, живут!

О чем кроме крючков и наживок разговаривали они в те зыбкие утра? Да и говорил и слушал ли Павел тогда отца, или думал о своем, что казалось ему важным?

К счастью, у отца, человека компанейского, даже в неурочный час на пустынном берегу находился собеседник. Из тумана, как правило, выныривал мужичок-рыбачок, приветливо здоровался и почтительно интересовался:

— Как жизнь, Иван Семенович?

— Прошла! — радостно сообщал отец и, легко входя в роль закадычного друга, начинал балагурить:

— Ну как, Петрович, машинка работает?

Мужичок притворно возмущался:

— Да ты что, парторг, какая машинка? Да и Васильевич я, а не Петрович!

- А, ну да, Васильич, — нисколько не смущался отец и гнул свою линию:
- Так как на семейном фронте, воюешь?
- Отвоевался, скоро шестьдесят стукнет!
- Так ты же хлопчик по сравнению со мной!

И начинался разговор «за жизнь», который Павлу в ту пору был непонятен и неинтересен.

Это сейчас он, балбес, расспросил бы отца, из каких они вышли казаков, за что закололи штыком деда, что случилось с сестрой отца, угнанной в Германию. Но пока отец был жив, у него как будто и прошлого не было, одни только семейные анекдоты, как, например, когда праздновали за столом День Победы:

- Воевал на Малой Земле? Так, может, и с Брежневым виделся?

Отец хитро прищурился, вяло подтверждал, что да, встречал в окопах дорогого Леонида Ильича, и затягивал любимую «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...» А гости с домочадцами не без удовольствия подхватывали: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою!»

Вот и все подвиги.

Но ведь откуда-то взялись ордена и медали, доверху заполнившие жестяную коробку от печенья? А глубокий шрам от осколка, на который Павел наткнулся, снаряжая отца в последний путь?

Он, конечно, видел орденские планки на выходном бостоновом пиджаке, встречал друзей-однополчан с иконостасами на всю грудь... Но это было все равно, как смотреть кино или читать книжку: поучительно, местами интересно, но к тебе не имеет ни малейшего отношения.

Что еще он знал о прошлом отца? Про то, как неделю в кутузке отсидел, тот не распространялся, только отшучивался. А ведь дело было в сорок шестом, мог и в лагерь загреметь. Был бы человек, а статья найдется...

Очередная семейная легенда гласит, что якобы в одной компании, изрядно подвыпив, отец подобрал к слову «конституция» саму собой напрашивающуюся рифму. Вот за эту немудреную «поэзию» его и взяли той же ночью — стукачей у нас всегда хватало. Не зря же тот давний случай научил добродушного, веселого, доверчивого человека частенько повторять уже взрослому сыну:

- Не болтай! — и прикладывать палец к губам, как на старом плакате.

В коммунизм отец верил, как в Бога. Кому сейчас расскажи, покрутят пальцем у виска и назовут блаженным. А ведь он на полном серьезе уступил свою очередь на квартиру семье многодетного слесаря.

Павел помнит, как мать долго ворчала, что так и помрет без удобств и центрального отопления. Ворчать ворчала, а сама заботилась о репутации, тревожилась, что люди скажут, и пресекала всяческие попытки мужа подвезти ее до работы на служебной машине. Топала пешком три километра, упрямая!

Но это их выбор, их история. А история предательства Павла начинается вот с чего:

Отцу было под восемьдесят, когда его настиг страшный удар — лишение водительских прав. Это его-то, который после рюмки за руль никогда не садился! А тут «Москвич» вообще стоял на дороге у дома, а какой-то ухарь въехал ему в багажник. Отец, на свою голову, вспомнил, что накануне гостил у друзей и... побежал домой прополоскать рот «Шипром»!..

Лишившись «прав», он сдулся, как проколотый воздушный шарик. Сдал до такой степени, что Павел испугался и пообещал выхлопотать в ГАИ возврат документов. Отец и верил, и не верил.

Конечно, не верил. Потому что, когда сын соорудил ему искусную подделку, он повертел ее в руках, вздохнул и положил в старую папку с пожелтевшими документами. А верного «Москвича» загнал в гараж. На вечную стоянку.

Лишившись независимости передвижения, отец как будто лишился и добродушия, и энергии, и чувства юмора. Стал «невыездным», как горько шутил Павел, не понимая всей глубины отцовского горя и грядущей тяжести своей вины.

— Сынок, ты не собираешься на рыбалку? — делал отец заход накануне выходных.

— У меня заказ горит, какая рыбалка?! — отмахивался Павел.

Проходила еще пара недель, отец терпеливо ждал, но смотрел умоляюще...

— Понимаешь, мы тут с ребятами на Домбай собрались смотаться. Так что ты подожди с рыбалкой, выберемся как-нибудь, я обещаю, — врал Павел и густо краснел.

— Хорошо, хорошо, — послушно соглашался отец. — Я подожду, куда мне спешить.

«Да мне, мне, дураку, надо было спешить! — казнил себя Павел, покачиваясь в мягкой электричке. Преданный китайский сын читал газету и время от времени что-то записывал в аккуратный блокнотик. Старик, сложив руки на толстой трости, дремал, и даже во сне уголки его сочных губ тянулись вверх, изображая улыбку.

...Став «невыездным», отец вот так же сидел на уличной лавочке под вишней и улыбался всем прохожим, — знакомым и незнакомым.

Видит бог, Павел не думал его огорчать, жена взболтнула, когда отец позвонил, что Паша с ребятами уехал на рыбалку.

И все в тот день было хорошо; клев, уха, шашлыки, местные сговорчивые барышни, разбавившие холостую компанию. Если бы не возвращение...

Он подъехал к родительскому дому в сумерках — сытый, довольный, в прекрасном настроении. И наткнулся на сидящего у калитки дремлющего отца. В соломенной шляпе, сдвинутой на лоб, в резиновых сапогах, в

старой брезентовой куртке, — в полной экипировке для рыбалки. Надеюсь, вдруг сын вспомнит о старике, вдруг заедет? Вместо трости он сжимал в руках связку удочек. Даже во сне держал их так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Павел круто развернулся и, не оглядываясь, побежал к машине, погоняя себя последними словами и утешаясь обещаниями, что в следующее же воскресенье свозит отца на речку, возьмет у соседа лодку, найдет самых толстых опарышей и купит ему новую, дорогую удочку!

Но через неделю отцу уже не нужны были ни удочка, ни лодка, ни даже разговор с сыном...

...Электричка подкатила к перрону «маленького», всего на пять миллионов жителей, как сообщила Аня-тян, городу Суджоу.

Молодой попутчик аккуратно сложил газету и спрятал ее в дипломат, старик открыл глаза и таким радостным, ясным взором оглядел мир, как будто видел его впервые.

— Подъем! — скомандовала Аня и, довольная своей лингвистической находкой, гордо посмотрела на Павла.

— Подъем, — вяло отозвался он.

Их попутчики уже раскланялись и направились к выходу, как вдруг Павел, как будто помимо своей воли, неожиданно громко крикнул:

— Отец!

Взоры всех пассажиров обратились к нему.

Аня-тян встревожилась: она никогда не видела своего подопечного таким взволнованным.

А Павел, прорываясь сквозь толпу, уже летел к старику-китайцу, уже обнимал его и, что-то горячо и бессвязно бормоча, прижимал к себе. Тот, не сопротивляясь, предоставлял свое крепко сбитое тело для объятий. Его сын, замерев, с удивлением наблюдал эту сцену, на всякий случай улыбаясь.

Наконец Павел пришел в себя и отпустил старика. Рядом уже стояла надежная Аня-тян.

— Слово «отец», — гордо продекламировала она, — символизирует человеческую мудрость и опыт. Вы поприветствовали этого немолодого человека как представителя всех старейшин на планете!

— Хорошо сформулировала, девочка, — похвалил Павел. — Именно как представителя. Лучше не скажешь.

А отец по перрону уходил от него все дальше и дальше. Вот его небольшую плотную фигурку поглотила вокзальная толпа, вот он растворился в Поднебесной, вот он уже где-то на небесах...

— Прости, отец! Если слышишь меня, прости! □



«Синий лед»



22

Жанна Колчина, любовница Панарина, оказалась просто неуловимой. Кирилл дважды вызывал ее повесткой, дважды отправлял за Колчиной наряд, однако все попытки допросить ее терпели фиаско. По телефону Колчина отговаривалась занятостью, болезнью дочери, срочной работой, клялась, что приедет через час, через два, завтра, послезавтра, но так и не явилась. Разъярившись, Кирилл отправил наряд к ней домой среди ночи, но те вернулись ни с чем. Если Жанна и была дома, то ничем себя не выдала: за дверями было тихо, свет не горел, соседи — тихие алкаши — не видели ее уже неделю.

— У родителей ее тоже нет, — рапортовал Олжас, раздосадованный, что какая-то визажистка так ловко водит их за нос. — Может, уехала?

— Вряд ли, — скривился Кирилл.

У него второй день болел зуб, а идти к стоматологу он боялся. Пощупав слегка вздувшуюся щеку языком, Кирилл понял, что дальше тянуть нельзя. Выпив обезболивающее, помогавшее, как рыбке зонтик, Миронов собрался на работу, проклиная все на свете.

— Ваську по дороге в школу закинь, — крикнула ему Ольга из ванной, — я сегодня не могу.

Сын копошился в своей комнате, складывал в портфель учебники, весь из себя серьезный и рассудительный.

— Оль, — крикнул он через дверь, — предположим, ты хотела бы скрыться от ментов, куда бы ты делась?

Ольга высунула в коридор голову и, увидев серьезное лицо мужа, поняла, что он спрашивает не просто так.

— У родителей искали? — деловито спросила она.

— У родителей, дома и у родственников — нигде нет, но ты точно в городе. К подруге бы поехала?

— К подруге? Да, пожалуй. А я что-то натворила?

— Скорее всего ты что-то знаешь о своем покойном любовнике и не хочешь это рассказывать.

— А дома у любовника я быть не могу?

— Там жена.

Ольга нырнула обратно в ванную и выкрикнула:

— А я богата?

— Нет, — с сомнением ответил Кирилл. — Ты — средне обеспечена, у тебя дочь четырех лет, которая не ходит в детский сад, и ты работаешь визажисткой по вызову.

— Ну, так и закажи меня, — предложила Ольга. — Не могли бы вы, милочка, нарисовать нам стрелочки на глазах и сделать выразительные брови.

— Да пробовали уже, — вздохнул Кирилл. — Девчонки из отдела звонили. Не ведется, зараза.

Девочки из отдела действительно звонили, но неуловимая Жанна словно чуяла подвох и быстро отказывала. Кириллу ее таинственность не нравилась. То, что Жанна скрывалась, не имея внятного алиби, наводило на нехорошие подозрения.

— Господи, всему тебя учить надо! — рассердилась Ольга. — Найдите ее клиентов, попросите их, пусть они и закажут.

— И клиентов находили, — отмахнулся Кирилл. — Та же история.

— Тогда не знаю. Но для бабы, которая что-то знает о покойном любовнике, я чего-то чересчур усердно прячусь, особенно учитывая, что навредить ненаглядному я уже не могу. Поищи среди подруг, должны же у нее быть подруги? У всех есть какие-то люди, к которым можно пойти.

— Это у тебя есть, — буркнул Кирилл, — а у нее нет. В школе она пырнула вилкой лучшую подругу за то, что та стала ходить с ее парнем. Ее никто не любит. Даже любовник ее боялся. Боялся и продолжал ездить к ней по вечерам и нагулял дочь. Такая вот странная любовь.

— Может, он мазохист? — предположила Ольга.

— Может быть, — вздохнул Кирилл и неожиданно спросил: — Вот если бы ты пряталась не от ментов, а от меня, куда бы ты пошла?

— Это ты уже не в рамках расследования спрашиваешь?

— Не в рамках.

— А почему бы я от тебя пряталась?

— Да откуда я знаю? Может, чего натворила, или я плохо с тобой общался. Если вдруг в твоей жизни возникла бы ситуация, что ты, схватив Ваську в охапку, собралась сбежать, то куда? Где бы ты пряталась?

— Дурак ты, Миронов, так я тебе и выдала бы свою нору.

То ли после этого полушутливого разговора с женой в голове прояснилось, то ли оттого, что зуб дал легкую передышку, но после нитья Олжаса Миронов несколько минут посидел, пялясь на календарь, а потом, найдя в записной книжке номер вдовы Панарина, позвонил ей.

— Слушаю вас, — прошелестел бестелесный голос.

— Ирина Витальевна? Это майор Миронов.

Панарина помолчала, а затем ответила тем же безжизненным голосом:

— Я узнала вас. Чем-то могу быть еще полезна?

Кирилл, чуя неловкость, откашлялся, а затем проблеял неуверенным голосом:

— Мне очень неловко спрашивать об этом у вас, но... Мы никак не можем найти любовницу вашего супруга, Жанну Колчину. Конечно, нелепо спрашивать об этом у вас, но, возможно вы, как супруга, знаете больше о привычках вашего мужа...

Этот вопрос, казалось, развеселил Панарину. Во всяком случае, в трубке послышалось странное квохтанье, словно вдова подавилась смешком, а затем она чуть более бодрым тоном ответила:

— Для своих рандеву муж давно приобрел квартиру в Красном переулке, и с Жанной периодически они встречались именно там. Если же ее там не окажется, ничем не могу помочь.

Теперь, наконец, стало ясно, что Колчина прячется в квартире любовника. Вычислив, какие окна выходят во двор, Кирилл и Олжас вглядывались в тьму оконных провалов, пока не уловили синие всполохи. Дома кто-то был, и этот кто-то смотрел телевизор.

Консьержка долго не хотела пускать: ну и что, что полиция? У них дом приличный, и никаких сигналов не поступало, она была бы в курсе. На лице суровой бабки лет семидесяти словно чеканными буквами было выведено «КГБ», мимо такой мышь не проскочит. Неудивительно, что Жанна окопалась именно тут как в крепости и нисколько не боялась, что ее обнаружат. После того как консьержка с неохотой впустила полицейских в дом и подтвердила, что жиличка дома, Кирилл и Олжас двинулись вверх.

— Как бы бабка ее не предупредила, — озадачился Олжас. — С этой Жалмауз Кемпир станется. Шеф, а ты в курсе, что с такой щекой похож на Траволту?

Миронову очень хотелось дать Олжасу подзатыльник, но он сдержался, лишь проворчал: — Разговорчивый какой, иди уже, посмотрим сейчас, какой ты богатырь.

Ковровая дорожка заглушала звуки шагов. Приблизившись к двери, Кирилл прислушался. Звуки были, и не сказать, что ужасающие: браваурный цирковой марш и визгливый детский хохот. А это значило, что там, за

дубовыми дверьми кто-то, скорее всего, четырехлетняя девочка, смотрит мультфильм про маленькую шkodницу в красном сарафанчике и циркового медведя. Хорошо. Значит, как минимум, дочь Жанны там. Кирилл надавил на кнопку звонка.

Звуки сразу стихли. Кирилл надавил еще раз, а потом с силой забарабанил в дверь. Несмотря на полную тишину с другой стороны, ему почудилось — нет, не шаги, а дыхание, и в темном «глазке» на мгновение что-то мелькнуло и пропало.

— Откройте, полиция! — крикнул Олжас и, помедлив, добавил: — Гражданка Колчина, мы знаем, что вы там, и что проживаете в квартире незаконно. Если не откроете, сломаем дверь.

За дверьми еще пару секунд было тихо, а затем отчаянно заревел ребенок, на которого безуспешно шикала мать. Наконец дверь неохотно открылась.

— Что вы долбитесь? — зло прошипела Колчина, и ее узкие глаза полыхнули яростью. — Не видите, ребенка напугали?

— Гражданка Колчина? — любезно поинтересовался Кирилл и вытянул вперед руку с удостоверением. — Майор Миронов, Кирилл Андреевич. Что же это вы, Жанна Амангельдыевна, обещали к нам явиться и не явились?

Колчина на удостоверение взглянула с беглой ненавистью и опустила глаза вниз, туда, где в щель стали протискиваться детские пальчики, а потом, отпихивая мать, показалась девочка, сверкая заплаканными глазенками.

— Не могла я, — отрывисто выдохнула Жанна. — У меня... того... ребенок болеет.

— Вот мы и пошли вам навстречу, — радостно ответил Кирилл. — И поговорим прямо тут.

— Исключено, — решительно ответила Жанна. — Дочь ослаблена, мало ли какую инфекцию вы принесете.

Она попыталась захлопнуть дверь, но Кирилл ловко вклинил ботинок в щель и сурово сказал:

— Слушайте, я тут не шутки с вами пришел шутить. Вы — свидетельница по делу об убийстве, а, может, и подозреваемая. Так что дайте пройти. Или мне выломать дверь, а вас в наручники заковать?

— Не посмеете, — прошипела Жанна. — Не за что меня арестовывать.

— Еще как посмею, — грубо ответил Кирилл. — Надоели мне ваши выкрутасы. Ну что, будем разговаривать или в кутузку отправимся?

Жанна выдохнула и с мольбой поглядела на Олжаса. На ее лице мелькнуло отчаяние.

— Мына адамды алып кет, мен ертен озім полицияга барамын, — быстро проговорила она. Кирилл подобрался, метнул взгляд на Олжаса, а тот невозмутимо ответил ей по-казахски:

— Кешір бара алмаймын ол менін бастыгым. Мен саган сенбеймін сен мені коп реет алдадын.

(— Прошу тебя, уведи этого мужчину, а завтра я сама приду в полицию.

— Не могу, он мой начальник. Да и не верю я тебе. Ты уже много раз обманывала).

В отчаянной попытке не пустить полицию в дом Жанна еще какое-то время придерживала дверь, а затем приоткрыла, но в этот же момент ее лицо удивленно вытянулось. Кирилл обернулся и автоматически потянулся к пистолету, проклиная застилавшие коридор ковры, заглушающие шаги.

По коридору шел мужчина с громадным букетом, и свет бил ему в спину. В тусклом освещении коридора незнакомец был как две капли воды похож на Шварценеггера в знаменитом «Терминаторе». Увидев у дверей Жанны полицейских, мужчина остановился как вкопанный, а потом попятился.

— Стоять! — рявкнул Кирилл. — Полиция!

Мужчина стоять и не собирался. Швырнув букет в сторону, он бросился вниз, перепрыгивая через ступени. Кирилл и Олжас кинулись следом за ним. Позади громко хлопнула дверь.

На первом этаже консьержка валялась на полу, перебирая ногами и изрыгая проклятия, охая и стелая, но разбираться с ней было некогда. Выбежав во двор, Кирилл и Олжас затравленно оглянулись по сторонам. Незнакомец как сквозь землю провалился.

— Давай налево, — скомандовал Кирилл, а сам побежал направо. В пустынном переулке не было ни души. Пробежав до угла, Кирилл подвернул ногу, затем провалился в сугроб и, проклиная все на свете, поковылял обратно.

Олжас показался с другого конца улицы и развел руками — не то упустил, не то не нашел. Кирилл, прихрамывая, пошел навстречу, злой и несчастный. Попадись ему сейчас этот мужик или его подружка Колчина — поволок бы в СИЗО без всяких разговоров. Он понял, что все это время сжимал в руке пистолет, только тогда, когда позади Олжаса вдруг вспыхнули фары. Понял и заорал: — «Отойди! Отойди!» Точнее, думал, что орет, а на деле лишь бестолково махал руками и выл, пока громадная машина, слепя фонарями, летела вперед, сминая, раздавливая, словно тряпичную куклу, его напарника, друга — маленького, щуплого казаха. А когда фигура Устемирова провалилась под тупое рыло «лендкрузера», Кирилл с диким криком выпустил в машину всю обойму. Машина с визгом прыгнула вперед, боднула его боком и с фырчанием исчезла за углом.

Кирилл продолжал вить, когда, машинально стискивая табельный «ПМ», тащил умирающего Олжаса подальше от дороги, а к нему боязливо подбегали сердобольные люди. Олжас несколько раз хрипло выдохнул в его руках, забился в агонии, а потом затих...

Домой Кирилл не поехал. Измученный, с отбитым боком, вымазанный в крови, своей и чужой, он отправился в отдел, уселся за свой стол и устался на пустой стол Олжаса, с забытой немой кружкой, разбро- санными ручками с изгрызенными колпачками и стопкой бумаг. На подо- коннике остался пластиковый контейнер-тормозок с остатками вареной баранины и лапши, то, что маленький умерший опер не успел доесть во время обеда.

Кирилл еще с места происшествия доложил обо всем начальству, мало- душно устранившись от поездки к жене Олжаса, маленькой, некрасивой, кроткой Гульмире, которую со спины можно было принять за четырнадца- тилетнюю девочку. Шеф, надо ему отдать должное, поехал сам, за что Ки- рилл был ему благодарен. Смотреть сейчас в глаза жене Олжаса он просто не мог. Да и вообще он ничего не мог, растекаясь по стулу безвольной ме- дузой и чувствуя неукротимую жажду. Газировки бы... стаканчик...

Дежурный заглянул в кабинет и доложил: задержанная Колчина до- ставлена, но Кирилл махнул рукой: потом, потом, и выскочил из кабинета. На улице добежал до первого магазинчика, купил бутылку лимонада, рас- платился под испуганным взглядом продавщицы, оценившей его грязную одежду в подозрительных пятнах, и выпил половину прямо на крыльце.

Колчину привели к нему поздно ночью, растрепанную, пышущую яр- остью и, одновременно, напуганную. Естественно, она знала, что Олжас погиб, а ее подозревают в причастности к убийству. Когда ее выволаки- вали из квартиры под вопли напуганной дочери, Жанна брыкалась, выры- валась и даже укусила молодого патрульного, после чего получила по зубам и затихла. Дочку забрала подруга Колчиной, вызванная среди но- чи, хотя Кириллу с несвойственной ему жестокостью хотелось отправить ни в чем не повинного ребенка в специальный приют. В эту ночь ему не хотелось жалеть никого.

С Жанны сняли наручники только в кабинете, и она, потирая запястья, метнула на Миронова убийственный взгляд. Он не обратил на это никакого внимания, достал бланк протокола и мрачно произнес:

- Фамилия, имя, отчество.
- Колчина Жанна Амангельдыевна, — прошелестела задержанная.
- Место рождения?
- Караганда...

Олжасик был из Петропавловска, и Кирилл смутно догадывался, что это несколько севернее Караганды, так что вряд ли они пересекались с Жанной раньше, но его очень интересовало, что она ему успела сказать там, в подъ- езде. Задав еще несколько стандартных вопросов, он перешел к главному:

- Там, в доме... Это был ваш любовник?
- Не понимаю, о чем вы, — холодно ответила Колчина.

— Перестаньте, — поморщился Кирилл, — тот мужчина шел к вам, а потом сбежал, убив нашего сотрудника, вашего земляка, между прочим. Это вы подрядили его убить Панарина?

— Я никого... — Жанна поперхнулась, закашлялась, а затем хрипло продолжила: — никого не подрядила. И никакого любовника у меня нет...

— Как у вас все замечательно выходит, — ядовито сказал Кирилл и отложил ручку. — И не подрядили вы никого, и любовника у вас нет. И вся вы такая насквозь не виноватая. Вот только люди вокруг вас мрут как мухи. У Панарина с вами была связь, и он — брык! И в могиле. Мы сегодня пришли с вопросами — еще труп. И все за очень и очень короткое время.

— Я к этому никакого отношения не имею! — воскликнула Жанна и добавила уже другим тоном: — и вообще, я без адвоката с вами разговаривать не буду.

— Дура, — холодно произнес Миронов. — Ты что, американского кино насмотрелась? Кто тут с тобой политесы будет разводить? Какие, на хрен, адвокаты? Ты полицейского убила, друга моего, между прочим. Богу молись... какой там у тебя Бог? Аллах? Вот, молись аллаху, чтобы выйти отсюда живой и здоровой. Тебя сейчас в камеру закроют и забудут на пару недель, что ты вообще есть. А потом строй из себя политзаключенную, если хочешь. А в камерах всякое бывает. Так что сдай своего поделщика похорошему, а я тебе чистосердечное оформлю в лучшем виде.

У Колчиной набухли губы, а глаза заволокло слезами.

— Что вы мне угрожаете?! — вскричала она. — У меня ребенок... Я никого не убивала! И коллегу вашего тоже! Я не знаю мужчину, который был на лестнице! Он не ко мне шел!

— Что ты делала в квартире Панарина? — рявкнул Кирилл. — От кого пряталась?

Жанна всхлипнула.

— Да от вас! От кого еще? — всхлипнула Жанна. — И квартира эта — моя, точнее, Элина.

— Чья? — не понял Кирилл.

— Эльмиры, дочери моей. Точнее, нашей с Олегом. Незадолго до смерти он переписал квартиру на Элечку.

— Чего вдруг? — ехидно спросил Кирилл.

— Ну... Она все-таки его дочь. Я настояла, чтобы он оставил ей наследство, — шмыгнув носом, уклончиво ответила Жанна.

— А после этого ты его заказала? А что? Квартирка чудная. Я даже затрудняюсь предположить, сколько стоит такая. Элитный район, консьерж, виды из окна замечательные, переулочек тихий... Сколько там квадратов? Четыреста? Пятьсот?

— Да нет же! — выкрикнула Жанна и даже попыталась вскочить, но под грозным взглядом Кирилла уселась на место. — Олег просто... позаботился о дочери. Не хотел, чтобы в случае чего все досталось его белесой выдре!

— В случае чего, интересно?

Покрасневшая от злости Жанна уселась на место и произнесла:

— Ничего больше не скажу. Зовите адвоката.

— Угу, — буркнул Кирилл. — Будет тебе адвокат, ванна, кофа и какава с чаем.

Дверь широко распахнулась, и в кабинет влетел Протасов. Бросив на Жанну холодный взгляд, он торопливо протянул руку Кириллу. Потом сбросил куртку и презрительно спросил:

— Ну что? Как успехи?

— Молчит, — пожал плечами Кирилл. — Невинная овечка.

— Все они невинные до поры до времени, — скривился Протасов. — А мы людей теряем из-за таких вот... Кстати, машину нашли. Лобовуха пробита, сидения в дырках, но крови нет. Даже странно, что тачку бросили, она вполне на ходу.

— А номера пробили? — встрепнулся Кирилл, краем глаза заметив, как подобралась Колчина.

— Обижает, — оскалился Протасов и протянул Кириллу бумажку. — И так все интересно получается. Машина у нас зарегистрирована на Алексея Чебыкина, 1967 года рождения, проживающего — где бы ты думал? В Михайловке! А знаешь, кто такой Алексей Николаевич Чебыкин? Это Леша Сизый, законник известный, пахан михайловских.

— О, как, — удивился Кирилл и бросил взгляд на съежившуюся Колчину.

— Что? — с вызовом спросила она. — Я впервые слышу о каком-то Сизом. И требую адвоката!

— Вызови ей адвоката, — приказал Протасов. — Я ее сам допрошу. Минимум, сопротивление припаяю, а там — как карта ляжет. Соучастие в убийстве, как пить дать. А там поглядим, будет ли Сизый свою кралю вырывать...

23

Дом в Михайловке, куда предположительно перед смертью заходил Панарин, выглядел неприступной крепостью. Двухэтажное здание, обнесенное глухим забором из желтого кирпича, утыканное по периметру елками, скрывающими окна от посторонних взглядов, казалось недружелюбной пещерой людоеда. Походив вокруг, Никита вздохнул. Мысль просто надавить кнопку звонка на воротах улетучилась сразу. Создавалось впечатление, что дом живой, ну, или, по крайней мере, из каждого окна смотрит снайпер. Да и что можно было сказать михайловской братве? Как объяснить, что тут

забыл городской журналист? О чем спросить? Может, так: «Здравствуйте, не вы ли завалили Панарина, а если вы, то за что? И, пожалуйста, не частите, я еще диктофон не достал...» Никита еще раз глянул на темные окна дома, вздохнул и поежился. Мысль явиться сюда была глупой. Никто ему просто так ничего не скажет.

Ночью подморозило, дороги превратились в каток, так что ехать в Михайловку на машине Никита не рискнул. Его верный «фольксваген», чиненный-перечиненный после пары серьезных аварий, в последнее время страдал одышкой и заимел привычку глохнуть без повода. Поэтому Никита поехал на электричке, сдуру выбрав утреннюю, и теперь маялся от безделья, так как до ближайшей электрички было четыре часа. Закинув на плечо рюкзак, он, обуреваемый недобрыми предчувствиями, поплелся к автовокзалу. Внутри вокзала было пусто. В освещенном окошке скучала кассирша, неподалеку от дверей на жестком алюминиевом стуле сидела закутанная в тулуп бабуля с большой корзиной и жевала булку. На Никиту она уставилась с неподдельным интересом.

— Сломался автобус-то, — без всяких предисловий начала старушка, едва Никита вошел внутрь. — А Карпов уже набил свою колымагу людьми и укатил. Я вот не успела. Так что будем мы с Кузенькой сидеть, ждать, пока еще кто приедет. Не автобусы, а горе горькое.

Никакого Кузеньки поблизости не было. Никита с подозрением покосился на корзинку, прикрытую полотенцем, и там, словно в ответ на его взгляд, что-то завозилось, а затем из-под выцветшего зеленого махра высунулась рыжая морда толстого кота.

— И что же, уехать вообще никак нельзя? — расстроился Никита и погладил Кузеньку по голове. Кот презрительно посмотрел на него, зевнул и спрятался в корзине.

— Ну, маршрутка через час придет, — бодро ответила старушка, потом нацепила на нос очки, посмотрела на часы и охнула: — Ой, чего это я говорю, дура старая! Через два. А потом и Карпов вернется, да и до электрички недолго... Уедем, милоч, не переживай. Хочешь булочку?

— Спасибо, не хочу, — отказался Никита и, с тоской оглядев пустой зал, поинтересовался: — Скажите, а вообще чем тут люди живут? Может, тут кинотеатр есть или кафе поблизости?

— Ларек вон за углом, — махнула булкой старушка. — Там и чипсы эти американские проклятые, и лимонад, и водочка. Все яд! Раньше столовка прямо тут была, на вокзале. Какие пироги пекли! И борщ вкусный был. А сейчас вон, поставили ящик с чаем, да что толку? Он все равно не работает. А кафе через дорогу. Только оно в двенадцать откроется.

— Чего ж так поздно то? — раздраженно спросил Никита. — А если кому поесть захочется?

— У, мила-а-ай, — рассмеялась старушка. — Это у вас в городе люди суетятся и бегают. А тут все неспешно. У нас много чего до пяти часов работает, даже паспортный стол. Чего людям зря на работе торчать, электричество жечь? А кинотеатр у нас есть, а как же! В клубе. Только фильмы к выходным подвезут. Так что в субботу приезжай, как раз к фильму успеешь.

— Господи! — закотив глаза, воскликнул Никита. — И как вы тут живете? Это же каменный век какой-то!

— Нормально мы живем, — обиделась старушка. — Как при советской власти. Пенсию хорошо платят, продуктов много, только дорого все. Так и тогда было нелегко, если вкусненького хотелось. В очередях стояли или в Москву ездили.

Никита с тоской уставился в гигантское окно-витрину. Неужели ему придется коротать тут время вместе с этой словоохотливой старухой? Можно, конечно, уйти, но куда?

— Ты, милая, коли совсем скучно, сходил бы в музей, что ли? — вдруг предложила бабка. — Он вона, через три дома. Билеты недорогие, и открывается он с десяти.

— Здесь есть музей? — обрадовался Никита.

— Есть, есть! Краеведческий. Вон, видишь, маковка торчит. Это был дом купца Елизарова, а уж при советской власти из него музей сделали. Сходи да привет девушкам передай от Марфы Сидоровны.

Никита поднял рюкзак с фотоаппаратом и бодро бросился к выходу. У дверей он обернулся. Старуха сидела на прежнем месте и кивала ему вслед, а из корзины щурился кот, разглядывая Шмелева без особого интереса.

Музей — двухэтажный теремок с зеленой луковкой крыши, резными кружевами наличников и перил, смахивающий, скорее, на церквушку, показался Никите излишне лубочным и аляповатым. Конечно, вряд ли купец Елизаров красил его в такие дикие, ядовито-зеленые цвета, но на фоне грязного снега и мрачных елок он все же смотрелся ярким пятном. Латунная табличка гласила, что гостям здесь рады с десяти утра до пяти вечера, а еще, что здание является памятником старины и охраняется государством. Никита тщательно вытер ноги о пластиковый коврик и вошел.

Внутри было тихо, пахло прелыми тряпками и немного ванилью. Охрана отсутствовала, в темном коридоре не было видно ни души. Справа, в арочном проеме, виднелся зал с развешанными по стенам картинами и стеклянными витринами. На стене рядом висела прикрепленная кнопками бумажка: «Начало экспозиции».

— Здравствуйте! — гаркнул Никита в темноту. — Есть кто живой? Але!

В коридор стремительно выскочила маленькая женщина лет пятидесяти-шестидесяти, в длинном бордовом платье, заколотом у ворота брош-

кой с разноцветными стекляшками. Поверх платья женщина куталась в серую шаль.

— Вы на экскурсию? Пятьдесят рублей билет, — торопливо сказала она высоким птичьим голосом.

— Нет, я не на экскурсию, — зачем-то соврал Никита, выудил из кармана журналистское удостоверение и показал женщине. — Я из газеты. Пишу статью про судьбу провинциальных музеев.

По сути, это не было совсем уж неправдой. Оказавшись без дела, Шмелев хотел всего лишь выжать из ситуации по максимуму, написать небольшой репортаж на сотню строк, добавить пару фото, тем самым оправдав свое шатание по районному центру, в котором ему, в общем-то, было нечего делать.

— А нас не предупреждали, — ахнула женщина. — Вы звонили?

— Звонил, — радостно подтвердил Никита. — Звонил и звонил, но...не дозвонился. А потом позвонил в управление культуры, Александре Ковалевской. Знаете Александру?

Женщина помедлила, а затем опрометью метнулась в кабинет, откуда слышался ее приглушенный взволнованный голос. Через пару минут она выглянула в коридор и сказала:

— Молодой человек, вас к телефону.

Никита вошел в комнату, служившую сотрудникам бытовкой, и взял трубку:

— Шмелев на проводе.

— Ты что там делаешь? — сердито спросила Саша. — Да еще на меня ссылаешься.

— Здравствуйте, Александра. Как вы помните, я пишу серию очерков о краеведении, — занудно произнес Никита. — Это моя любимая тема.

— С каких пор тебя интересует краеведение?

— О, краеведение — тема очень занимательная, вы не находите? Тем более, в провинции, — серьезно ответил Никита, косясь на сотрудницу, беззастенчиво подслушивающую разговор.

— Ты там совсем с ума сошел? — возмутилась Саша.

— Отнюдь. Достояние государственных фондов — тема очень широкая. Помните, в последний раз я консультировался с господином Коростылевым и госпожой Крайновой. Они дали много ценной информации.

Услышав фамилии погибшего антиквара и пропавшей подруги, Саша на пару мгновений замолчала, а затем испуганно спросила:

— То, что ты сейчас в музее, имеет какое-то отношение к убийству?

— Ни малейшего, — успокоил ее Никита. — Но в «подвале» дыра, и ее надо заткнуть. А тема хорошая.

Немного успокоившись, Саша велела передать трубку сотруднице. Та взяла ее с опаской, а после короткого разговора положила трубку и, с тоской посмотрев на Никиту, запричитала:

— Директор-то у нас на больничном, как я без его ведома вам все расскажу?

— А вас как зовут? — улыбнулся Никита.

— Агафонова я, — ответила женщина. — Елена Борисовна.

— Елена Борисовна, во-первых, ничего криминального я у вас не спрошу. Это будет небольшой материал, без каких-либо скелетов в шкафу. Расскажите немного о музее, сотрудниках, состоянии фондов, проблемах, с которыми приходится сталкиваться. Во-вторых, привет вам от Марфы Сидоровны.

Елена Борисовна нахмурилась, а затем махнула рукой:

— Ладно. Давайте поговорим. Здесь беседовать станем, или вы хотите экспонаты осмотреть?

— А можно?

— Чего ж нельзя. Правда, у нас штат сократили, так что я и заместитель директора, и экскурсовод, и хранитель фондов. Только я дверь запру. Больше-то нет никого на работе, не дай бог, кто зайдет и что-нибудь стащит, пока мы тут ходим... Пойдемте, у нас в соседнем зале замечательная экспозиция самоваров...

«Замечательная экспозиция самоваров» на деле таковой не оказалась. Никита быстро заскучал и, с трудом сдерживая зевоту, лениво фотографировал убогие экспозиции, старательно задрапированные тумбы, на которых одиноко стояли невыразительные предметы старины. Не замечая его страданий, Елена Борисовна трещала, как счетчик Гейгера рядом с атомной подстанцией. Но он ее уже не слышал, застыв перед витриной и чувствуя знакомый холодок на затылке.

В витрине стояла шкатулка. Деревянная, резная, хорошо знакомая по фотографии, показанной Мироновым. На табличке скромно значилось: «Чайная шкатулка. Мастерская Ружа. XIX-XX века». Шмелев почувствовал жгучее желание схватить экспонат, но для этого нужно было, как минимум, избавиться от экскурсовода, открыть витрину, но, увы, сделать это было не реально.

— А это наш самый ценный экспонат на сегодня, — сказала Елена Борисовна и ткнула пальцем в именную табличку. — Преподнесен на время как выставочный образец господином Чебыкиным. Это наш местный... бизнесмен. — Последнее слово она произнесла с запинкой, словно зная о бизнесмене Чебыкине больше, чем следовало. — Господин Чебыкин увлекается антикварными чайными шкатулками, коллекционирует их. Мы уже неоднократно пытались убедить его выставить всю коллекцию у нас,

но, увы, он отказался. Зато в качестве жеста доброй воли пожертвовал для экспозиции одну жемчужину из своей коллекции... Хотя она не особо ценная, да и состояние не ахти.

— Сколько она может стоить? — небрежно спросил Никита.

— Ну, от силы тысяч сто. Видите ли, эта шкатулка сломана, потому Чебыкин и смог с ней расстаться, у него есть такая же. Но и эту он нам не подарил, дал на время... Над своей коллекцией Алексей Николаевич чахнет, как царь Кощей нал златом.

— Она давно здесь?

— Шкатулка? — Елена Борисовна повела плечами и запахнула шаль. — Да месяца три. У нас экспозиция примерно по три-четыре месяца по плану. Вот скоро чайную экспозицию свернем, самовары — в запасник, а шкатулку — владельцу. Жаль, конечно... Но ничего, выставим коллекцию минералов, это гораздо интереснее. Может, школьников на экскурсию приведут, все не так тоскливо будет...

— А нельзя ли с этим Чебыкиным пообщаться? — спросил Никита. — Все-таки, какой-никакой, а коллекционер. Наверняка ему есть что рассказать.

— Сомневаюсь, что он захочет разговаривать с журналистом, — неуверенно произнесла Елена Борисовна. — Алексей Николаевич... как бы вам помягче сказать... В общем, с ним очень тяжело иметь дела.

— Почему?

— О, Господи, — выдохнула музейная смотрительница и раздраженно ответила: — Да бандит он! Я ж его сто лет знаю. Он сел еще по малолетке, а потом и пошло, и пошло... Когда Чебыкин в город уехал, мы вздохнули с облегчением. В девяностые он никому тут жить не давал. А потом тихо стало, пока лет пять назад не вернулся. Правда, сейчас он тихий стал, но тигру сколько угодно можно полосы закрашивать, он от того в мопса не превратится. Лучше уж напишите о ком-нибудь другом. Хотите, я позвоню в совет ветеранов? У нас живет Герой Советского Союза Дмитрий Исаков, ему девяносто лет, а он еще ого-го!

— Хочу, — быстро сказал Никита. — Но и с Чебыкиным я тоже хочу поговорить, если это можно устроить. Это не его дом такой, большой, кирпичный?

— Его, — выдохнула Елена Борисовна. — Ну... Хорошо, я попробую, но ничего не обещаю... Вы подумайте насчет ветерана, я Дмитрию Кузьмичу хоть сейчас позвоню, он любит молодежь...

— Давайте с Чебыкина начнем, — вежливо попросил Никита.

Снова вздохнув, Елена Борисовна повела журналиста обратно. В бытовке она долго копалась в ящике стола, пока не вынула оттуда потрепанный блокнот. Близоруко щурясь, стал водить пальцем по строчкам, исписанным убористым почерком, а затем неохотно потянулась за трубкой.

— Алексей Николаевич? — пропела Елена Борисовна в трубку медовым голосом. — Здравствуйте. Это Агафонова из музея... Ах, узнали? Не быть мне богатой. — Хихикнув, она продолжила уже деловым тоном: — Алексей Борисович, тут журналист из города приехал, про наш музей репортаж делал, увидел ваш дар и очень захотел написать про вашу коллекцию... Как вы смотрите, чтобы с ним встретиться?

Никита нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока Агафонова выслушивала ответ местного мафиози. Наконец она положила трубку и неохотно произнесла:

— Он вас ждет. Но я бы на вашем месте не ходила — дрянной он человек. Все бесы мира в одном омуте...

Если Никита поначалу и отнесся к словам Агафоновой легкомысленно, то очень скоро дурь выветрилась из его вихрастой головы, потому как слова обо всех мировых бесах едва ли были такой уж метафорой.

В воротах не пришлось даже топтаться. Калитку, едва Шмелев протянул руку к звонку, открыл некий субъект с мрачным лицом и злобными, почти бесцветными глазами хаски.

— Журналист? — хмуро спросил охранник. Никита кивнул, а тот протянул руку:

— Покажи, что в сумке.

Никита без разговоров снял рюкзак и протянул его охраннику, всерьез опасаясь, что тот долбанет новенький «никон» о землю. Покрутив в руках фотоаппарат, диктофон, оставив без внимания «сникерс» и блокнот, привратный цербер вернул Никите вещи и ткнул пальцем в крыльцо:

— Тудой топай.

— Кудой? — переспросил Никита, но охранник не был расположен шутить и подтолкнул Никиту в спину:

— Прямо. Не заблудишься. Тут, как в «Буратино», дорога одна.

Заблудиться и впрямь было мудрено. Дорожка из брусчатки вела прямо в замок людоеда, дрянного человека со всеми бесами в голове. Двери из тяжелого листового железа, с пошлыми вензелями и завитушками, выкрашенные в бронзовое, не были заперты, и Никита вошел, предварительно оглянувшись. Охранник маячил у ворот и провожал его белесыми глазами.

Хозяин, худой, лысый мужчина с тонким кривым носом и узловатыми пальцами, обнаружился в прихожей, он стоял в длинном коридоре и скалился, как гиена. Даже если Никита бы и не знал, что Алексей Чебыкин отмотал не одну ходку, то сразу бы понял это, несмотря на благопристойный вид, богемный красный халат и винтажную трубку, из которой курился ароматный табачный дымок.

— Рад, рад, — пропел Чебыкин, протягивая руку. — Знаю вас, почитываю. Занимательно пишете, юноша. И темы у вас глубокие. Как же вы на мою коллекцию вышли? Я ведь особенно не афиширую...

— Если честно, Алексей Николаевич, совершенно случайно. Писал очерк о местном музее, материал оказался тухловатым, даже зацепиться не за что. Вы же знаете, что хранится в фондах провинциальных залов. А тут ваша шкатулка. Елена Борисовна рассказала, что у вас много чайных шкатулок, да еще раритетных. Можно на них взглянуть?

— Отчего же нельзя? — рассмеялся Чебыкин, и в его рту отчетливо блеснули железные зубы. — Кофейку не желаете? Можно и покрепче чего, или вам нельзя на работе?

— Почему нельзя? — удивился Никита. — Я же не полиция, да и не за рулем. С удовольствием выпью.

— Тогда прошу, — сказал Чебыкин, и его бескровные губы сложились в тонкую улыбку.

В кабинете, заставленном громоздкой мебелью в стиле ампир, на видном месте красовался стеллаж, заставленный шкатулками всех сортов. Но они совершенно терялись на фоне всей атмосферы помещения, китчеватой даже в искусственном полумраке прикрытых бархатных штор. Не впервые бывая в богатых домах, Никита с легким презрением оценил обстановку, выполненную в худших традициях новорусского декора. Все тут было с приставкой «слишком». Слишком красные стены и обивка на мебели, слишком много позолоты, слишком много статуэток, вазочек, коробочек, павлиньих перьев, бюстиков и картин, не сочетающихся друг с другом по стилям и эпохам. Даже шкатулки, предмет гордости хозяина, не выглядели гармонично, смахивая, скорее, на хлам базарного коробейника, чем на нечто действительно ценное.

— Виски? — спросил Чебыкин. — Коньяк? Или водочки хлопнем?

Никита согласился на коньяк, вынул из сумки диктофон и фотоаппарат, вопросительно дернув бровями, мол, можно ли записывать и снимать? Хозяин барственно махнул рукой и, откинув крышку глобуса-бара, вынул бутылку и два бокала.

— Откуда пошло ваше хобби? — спросил Никита, подвинув диктофон к Чебыкину.

— С зоны, — нисколько не смущаясь, ответил тот. — По малолетке еще загремел, а потом пошло-поехало. Думаю, ты знаешь, сколько там умельцев. Из хлебного мякиша чего только не делают, по дереву режут, картины пишут. Вот и я пристрастился, стал вырезать шкатулки. Был у меня там учитель — Вася Штырь. Простой мужик, понятный. Руки у него были золотые, мог ножом из полена красоту вырезать за пару часов. Ему бы в скульпторы пойти, цены б не было. Жену он убил из ревности, а когда вышел —

мать ее, за то, что шалаву воспитала. Когда я третью ходку мотал, Вася уже совсем плох был, там, на зоне, от туберкулеза и помер. Но я от него многому научился, а, научившись, стал ценить все красивое. Когда на волю вышел, меня к такому вот потянуло. Хочется после баланды вкусно есть, сладко спать, да на красоту любоваться.

Чебыкин обвел руками кабинет, предлагая Никите насладиться великолепием обстановки. Никита сдержанно улыбнулся, но промолчал, предоставив хозяину продолжить.

— Ты что-нибудь понимаешь в антиквариате? — спросил Чебыкин.

— Я больше по хай-теку, — отшутился Никита, но Чебыкин юмора не понял.

— Все эти новомодные штучки отойдут, — назидательно сказал он, — а подлинное искусство останется. Знаю, ты думаешь, что старый зек может понимать в этом, но поверь, на старину много охотников, а кому нужны ваши хай-тековские навороты? И когда ты понимаешь ценность вещей, хочется оставить их себе. Когда меня забрало по-настоящему, я стал собирать шкатулки, читать о них и слушать любые новости. Ты вот, к примеру, знаешь, что сам Боттичелли расписывал шкатулки для Екатерины Медичи? А знаешь, сколько стоит такая вещь? Сотни тысяч евро, если не миллионы. Только у нас их не найти, а если и найдешь, не подступишься. Даже жаль порой, что я завязал — фальшиво хохотнул Чебыкин и доверительным тоном продолжил: — Зона мне как мать, но во многом очень осложняет жизнь. Сижу тут невыездным, а если бы мог, выехал бы в Японию, в Отару. Там самый большой рынок шкатулок, в том числе и антикварных. Когда могу, прошу оттуда привезти что-нибудь ценное, но тут специалист нужен, мне в основном привозят хлам или новодел, по три копейки за сотню.

— Сколько всего у вас шкатулок? — спросил Никита, повернулся к шкафу и щелкнул фотоаппаратом.

— Почти двести штук. Самая ценная вон та, на второй полке, итальянская, называется «Белая слава». Ей почти двести лет, и, что самое удивительное, она до сих пор работает. Если открыть, играет мелодия, но я редко это делаю, боюсь сломать. Отвалил за «Славу» бешеные деньги, но не жалею.

Никита сфотографировал «Белую славу», а потом ткнул пальцем в шкатулку, стоящую рядом.

— Это тоже итальянцы? — небрежно спросил он, маскируя интерес.

— Это Швейцария, — снисходительно пояснил Чебыкин. — Мастерская Ружа. В позапрошлом веке было начато производство музыкальных чайных шкатулок, потом случились сложности, цеха встали, возобновив работу только в шестидесятых годах. Между прочим, эту шкатулку в свое время подарили одному чинуше из свиты Брежнева, а уж потом она оказалась у меня. Очень уж долго я его... уговаривал.

— Наверное, тяжело расставаться с предметами своей коллекции? — как бы невзначай спросил Никита.

— Я редко продаю даже самые дешевые предметы своей коллекции, — усмехнулся Чебыкин, но в его глазах колыхнулось подозрение. — Сам себе напоминаю Мать-Кобру из мультика про Маугли или Кащея. Ты же знаешь, что Агафонова меня называет Кащеем? Да брось, наверняка она тебе уже сказала... Но я и правда не могу расстаться с ними ни на миг. Они словно лечат, шепчутся из углов, успокаивают. В музей я на время отдал самую плохонькую, потому что она не имеет особой ценности, да и так получилось, что подобных шкатулок у меня было три.

— И где же третья? — сонно спросил Никита.

В его голове замелькали разноцветные пятна. Ответы Чебыкина стали доноситься как из-под толщи воды, гулко отдаваясь в своде черепа. В ушах зазвенело, а веки отяжелели. Сквозь нахлынувшую дремоту Никита увидел усмешку Чебыкина, тонкую, как у Матери-Кобры.

— А третья, сучонок, как ты уже догадался, была продана Олеже Панарину, — прошелестел змеиный голос. — И мне очень интересно, как ты на меня вышел?..

Никита уронил бокал, и тот поразительно медленно полетел вниз, так же медленно расколовшись на сотни стеклянных брызг. Сползая с кресла на пол, он уже не слышал этого вкрадчивого тона, почти не осознал грохота в дверях и чьих-то криков и не почувствовал удара своей щеки о засыпанный стеклом пол. Все, что успел запомнить Шмелев, это грязные черные ботинки, мужской взволнованный голос да змеиные глаза, надвигающиеся на него фонарями локомотива...

24

Чебыкин выглядел совершенно спокойным. Развалившись в кресле, он спокойно наблюдал за обыском. Протасов, сидя за столом, вел протокол, то и дело давая указания операм, а Миронов без интереса поглядывал на фарисея в красном халате, понимая, что предъявить хозяину дома будет нечего.

— Журналиста чем траванул? — спокойно, даже почти дружелюбно, спросил Кирилл. На столе, упакованный в полиэтилен, лежал Никитин диктофон, и хозяин — это Кирилл заметил сразу — бросал на него беспокойные взгляды. Миронов был уверен что на записи будет много интересного.

Его душила ярость. Все мерещились мертвые глаза Олжаса, Олжика, маленького, юркого, умного парня, который мог бы еще пожить. Бессильная злоба разрывала изнутри. Очень хотелось выместить ее на ком угодно, особенно на главе михайловской братвы Леше Сизом, в миру — Алексее Чебыкине.

А тот и в ус не дул, будто не подозревая о клокочущей в душе полицейского лаве.

— Ты что-то путаешь, начальник, — оскалившись, лениво ответил Чебыкин. — Кто его травил? Зачем травил? Пришел парнишка, вопросы задавал про искусство. Я отвечал честно и благородно, как на исповеди, даже покойницу Медичи припомнил. А мальчонка оказался на выпивку слабенький, выпил рюмочку, и с копыт откинулся. Видно, организм оказался слабый. Нельзя ему так, беречься надо.

— Мы вот на экспертизу твою выпивку отдадим и узнаем, с чего бы у журналиста организмы слабые оказались, — вмешался Протасов.

— Да за ради бога, — скривился Чебыкин. — Может, мальчонка ваш коньяком таблетки запивал, я тут не ответчик. А вообще не дело это, гражданин начальник, в качестве подсадной утки свободолюбивую прессу на амбразуры кидать. Пришли бы сами, я завсегда радостный ответить родной милиции... Пардон, полиции.

— Подружка твоя, кстати, у нас уже сидит в камере. Соловьем поет, — как бы невзначай сказал Протасов.

— Какая подружка? — вяло спросил хозяин дома.

— Жанночка Колчина, с которой ты Панарина завалил.

Чебыкин в ответ громко захохотал.

Шмелев, валяющийся на полу дома Чебыкина, стал для полиции сюрпризом, и не сказать, что приятным. Протасов долго сыпал в адрес Никиты проклятиями, обещая пристроить на пятнадцать суток за препятствование следствию, но Миронов, напуганный синюшной бледностью Шмелева, велел ему заткнуться. Журналисту вызвали «скорую», и пока в местной больнице его приводили в чувство, обитель Чебыкина обыскивали в поисках орудия преступления. Протасов был уверен — Панарина убили здесь. Кирилл не спорил, но готов был поклясться, что ножа, пробившего грудь бизнесмену, здесь точно не найдут. Так и выходило. Ножей, конечно, в доме Чебыкина оказалось множество, только у охранника, прикованного наручниками к батарее (сопротивлялся, паршивец!), их изъяли три штуки, но даже невооруженным глазом было видно — не то. Кроме охранника и Чебыкина в доме никого не было, что даже удивляло: ведь эту махину надо было убирать, готовить, но, похоже, женская рука никогда не касалась варварского великолепия хором князька-затворника. По углам клубилась пыль, висела сеть паутины. Заметно было, что терем прибирал мужчина, причем небрежно, по серединке, оставив края без внимания. Видно, на прислуге хозяин экономил, боялся, что украдут его пыльные сокровища.

— А скажи мне, раз ты такой откровенный, — ослабилась Миронов, присаживаясь напротив Чебыкина, — Панарина ты за что завалил?

— Не бери на понт, мусор, — равнодушно ответил Чебыкин, потянулся за трубкой, и, игнорируя гневный возглас Протасова, закурил. — На хрена мне Олежу валить? Мы с ним общались, дружили, можно сказать, разделяли интересы.

— Машину его нашли неподалеку от твоего дома, — холодно сказал Протасов. — Всю в крови. А свидетели показали, что в тот день он был у тебя.

— Свидетели, говоришь? — криво улыбнулся Чебыкин и выпустил целое облако дыма, да такого ароматного, что Кириллу немедленно захотелось курить. — Свидетели, конечно, врать не станут, разве что чуток, особенно, если попросить. Так я и не отрицаю, что Олежа у меня был. Я ему шкатулку продал. Очень уж он хотел жене подарок сделать, она такие штуки любит.

— Дорого продал? — поинтересовался Кирилл.

— Недорого. За триста «косых». Я этих шкатулок в свое время накупил уйму, а потом распродал. Повелся на красивую легенду, только деньги зря выкинул.

— Легенду? — насторожился Кирилл.

— Ну да, — ответил Чебыкин и с интересом посмотрел на него. — Попадалась мне одна занимательная бумаженция, что при Петре в такую шкатулку один из приближенных к царю людей спрятал камень, украденный у индийского махараджи, и что камушек этот проклят. Я немного покопался в архивах. Камень такой действительно был, в Индии его называли «Синий лед» за необычайную кристальную чистоту и слегка голубоватый оттенок. Было и подробное указание — спрятан бриллиант в шкатулке мастерской Ружа. Оттого, наверное, их очень быстро разбирали в свое время. Вот и я на эту хрень повелся, скупал шкатулки как лотерейные билеты. Да только ничего так и не нашел. Ну, а потом уже услышал, что камень прибрали к рукам революционеры, продали в Германию, и на эти деньги не то «Искру» печатали, не то броневичок для Ильича арендовали. Дурное ж время было, беспокойное, золото и камни ничего не стоили. Их на хлеб меняли.

Я прямо одержим был этим барахлом. Столько денег выкинул, жалел долго — бесполезные никчемные игрушки... А потом подумал: может быть у человека хобби? Ну, купил, чего ж теперь, выбрасывать? Кореша то мои на баб деньги тратили, в казино миллионы проматывали, а я вот, все в дом, все в дом... Пожалел я коллекцию, оттого и оставил в хозяйстве одну, самую лучшую из шкатулок Ружа, а остальные продал, да вот в музей еще отдал на время.

— Вот смешно будет, если камушек и правда был, — хохотнул Протасов. Чебыкин подобрался и посмотрел на следователя колючими глазами.

— То есть? — недобро осведомился он. — Это ты к чему, гражданин начальник?

— Ну, как же, — улыбнулся Протасов. — Ты шкатулку продал Панарину. Его тут же грохнули. Шкатулку потом посторонняя баба нашла и в скупку определила. Хозяина скупки тоже грохнули. Как тут в проклятие не поверить? А, может, ты понял, что сокровище случайно сбыл, оттого Панарина и грохнул?

— До чего у вас в мусарне мыслят примитивно, — поморщился Чебыкин. — Ну, сбыл я Олеже шкатулку, потом понял, что камень в ней, и грохнул Олега? Чего ж я шкатулку-то не забрал? И скупщика тоже я вальнул? Нет, гражданин начальник, не сходится у тебя песня, нескладуха это.

— Панарин к тебе один приезжал? — спросил Кирилл.

— Он всегда один приезжал, — отрезал Чебыкин, но было видно, что мыслями он уже где-то далеко. Видимо, идея об индийском бриллианте захватила его целиком. — Я не велел сюда никого таскать.

— Машина твоя где? — задал вопрос Протасов. — Черный «лендкрузер», если быть точнее.

— Не поверишь, начальник, — лениво ответил Чебыкин, — третьего дня угнали. Сам в шоке, если честно. И если найдешь, я такой благодарный буду...

— Нашли уже, — усмехнулся Протасов. — Недолго искали. Чего ж ты на собственной машине поручил ментов давить, а, Леха?

Чебыкин залопотал что-то, возмущаясь, но его никто не слушал. У Кирилла зазвонил телефон. Он выслушал короткий доклад опера, которого отправили в больницу, и, отключившись, сказал в пространство:

— Шмелеву сделали промывание желудка, сейчас он вне опасности.

— Тоже мне, беда, — пробубнил Чебыкин. — Подумаешь, поспал немного ваш малец. Вы бы, граждане хорошие, либо в кутузку меня тащили, либо уматывали отсюда подобру-поздорову. Нечего вам шить Леше Сизому.

Кирилл с сомнением поглядел на Протасова, а тот, зло захлопнув папку, скомандовал:

— Пакуйте его. Там разберемся, что ему можно пришить. И охранника прихватите. Уж он-то у меня точно за сопротивление отсидит. А если докажем, что он к Колчиной приходил и Устемирова убил, загремит по полной.

— Воля ваша, — миролюбиво ответил Чебыкин и, сбрасывая с себя халат, добавил: — Только я на произвол жаловаться буду.

— Да жалуйся ты хоть в ООН, — отмахнулся Протасов и прикрикнул на замерших оперов: — Чего рты раззявили? Грузите клиента!

25

Взбудораженная неожиданным звонком Никиты, Саша долго не могла прийти в себя.

Никите решительно нечего было делать в Михайловке. Даже если его намеки на Лику и Коростылева она поняла правильно, ни ту, ни другого с михайловским музеем ничего не связывало. Или связывало?

Подумав, Саша решила, что связывать могло. Экспонаты, валяющиеся в запасниках, вполне могли быть украдены и проданы через антикварные салоны. Именно Шмелеву удалось нащупать ниточку, ведущую к кражам в запасниках, и распутать преступление, ставшее впоследствии камнем преткновения в их отношениях. Неужели и сейчас история повторилась?

Телефон Никиты молчал. Саша звонила весь день, но номер не отвечал, а под вечер механический голос с неукоснительной вежливостью сообщил, что абонент временно недоступен. Выхаживая по кухне туда-сюда и кутаясь в старый халат, Саша боролась с искушением позвонить еще куда-нибудь, хотя бы вечной антагонистке Быстровой: вдруг Юлия знает больше? Она ведь всегда была хорошо осведомлена. Когда Саша и Никита были вместе, Быстрова, с ее рысьими глазами, ленивой грацией и ядовитым языком, постоянно стояла между ними. К ней Никитка бегал жаловаться, советоваться, а Саше приходилось терпеть, изображая дружбу. Быстрова, кстати, ее тоже едва терпела, но либо хуже притворялась, либо не давала труда скрыть свою неприязнь. Саша подозревала второе. Юлия, как истинная хищница, не желала выпускать из когтей ни одного из своих мужчин, пусть даже бывшего, на которого более претендовать не собиралась.

Наглотавшись на ночь валерьянки, Саша легла спать, а наутро, окрыленная внезапным вдохновением, позвонила в михайловский музей Агафоновой, разузнать, не слышно ли чего.

— Ой, Сашенька, а журналиста-то вашего в больницу увезли, — запричитала Елена Борисовна. — Говорила я не соваться к этому бандюку, чтоб его разорвало, окаянного.

Саша едва не выронила трубку, поймала телефон на лету и онемевшими губами переспросила:

— К бандюку?

— Да, к Чебыкину. Есть у нас тут такой, авторитет криминальный. По моему, он с зоны не вылезает, сейчас, правда, притих, но стоило к нему вашего журналиста отправить — вот вам, пожалуйста! Говорят, отравили его!

Саша почувствовала, как екнуло сердце, в ушах зашумело, и она едва не застонала. Агафонова продолжала рассказывать, но слова не доходили до Сашиного сознания.

— ...а ведь я говорила, говорила... Но он как шкатулку увидел, так сразу вознамерился о коллекции статью написать. Хочу, говорит, это очень интересно.

— Подождите, вы откуда знаете, что Никита в больнице? — завопила Саша.

— Милая моя, у нас же деревня, здесь все про всех знают. А тут такой случай. Чебыкина полиция увезла, но сегодня уже выпустили, это я точно знаю. Ох, нет нам покоя ни днем, ни ночью! Опять начнется, как в девяностые! Чебыкин мне уже позвонил с утра, сказал, что свою шкатулку заберет. Нет, честное слово, пусть с директором говорит, я не могу его даже видеть, боюсь до ужаса. У меня, между прочим, дети, внуки... Втравил, втравил ваш журналист нас в историю...

— Елена Борисовна, постойте, — воскликнула Саша, — какая шкатулка? О чем вы?

— Шкатулка из мастерской Ружа, антикварная. У Чебыкина штук сто таких. Ваш журналист собирался об его коллекции писать! — взвизгнула в ответ Агафонова.

Саша застыла. Вот оно! Теперь она несколько не сомневалась, что убийство Коростылева, исчезновение Лики, отравление Никиты и чайная шкатулка из дома криминального авторитета — звенья одной цепи. Но все это меркло по сравнению с состоянием Шмелева, брошенного в районной больнице на произвол судьбы. И представив его там, беспомощного, отрезанного от мира, возможно, уже прооперированного, Саша чуть не взвыла от отчаяния.

Все ее попытки быть независимой, выкинуть из головы этого легкомысленного болтуна с вечно торчащими волосами, пронизывающими голубыми глазами, нервными пальцами, бархатным голосом полетели к чертям. Она его любила, несмотря на старательно выстроенную стенку из гордыни и женской глупости, и готова была лететь за ним куда угодно, по-бабы прощая ни в чем не повинному мужчине всю свою глупость и все свое предательство.

Никита валялся на больничной кровати и чувствовал себя прескверно. Чем потчевал его Чебыкин, врачи так и не сказали, оставив объяснения полиции. Подвергнув Никиту унижительной процедуре промывания желудка, доктора отправили его в палату на шесть коек, где кроме Никиты обитали только двое: бодрый дедок с язвой и маявшийся после аппендицита мужчина лет сорока. Поскольку действие подсыпанного препарата еще сказывалось, Никита рухнул на вонючие простыни и мгновенно уснул.

Вечером его разбудили, попросили пройти в процедурную, где хмурый Миронов задал ему несколько вопросов, ничуть не поверив в то, что Никита случайно увидел в музее шкатулку и нашел повод подобраться к главарю михайловской братвы.

— Олжас погиб, — безжизненным голосом сообщил Кирилл. — Так что притормозите свою розыскную деятельность, я вас прошу.

— Почему ты обо мне говоришь во множественном числе? — спросил Никита. — Если ты про Юльку, то она вообще никуда не лезет.

— Угу. Свежо предание... Никит, оставь это дело тем, кому по должности следует им заниматься. Диктофончик мы, кстати, изъяли, как только запись перекинем, вернем. Может, удастся прижать Чебыкина. Хотя ты же не будешь на Лешу Сизого заяву катать, верно?

— Не буду, — мрачно ответил Никита, думая, как бездарно провалил задание.

Оставив Никиту в отвратительном настроении, Миронов ушел. Утром, после обхода, дежурный врач сообщил, что, возможно, если полиция не будет против, Шмелева выпишут, чему тот несказанно обрадовался, выпросил у соседа зарядное устройство к сотовому и, увидев кучу пропущенных звонков, не задумываясь, набрал Быстрову.

— Господи, ты живой? — испугалась она, узнав, что произошло. — Говори, где эта больница, я сейчас приеду.

Добиралась Юля долго. Никита успел соскучиться, прочитать по диагонали оставленную кем-то книжку Майн Рида «Всадник без головы», позавтракать теплой, жидкой манной кашей и компотом из сухофруктов, еще немного поспать, и даже дожидаться выписки. Юля явилась около четырех, когда Никита, получив добро от врача, собирал вещи.

— Ты совершенно зеленый, — с порога заявила она. — Точно все в порядке? Говори, что тут с тобой делали, а то я у врача спрошу...

— Не надо ничего спрашивать, — ответил Никита. — Все, что мне сейчас нужно, это свалить отсюда. И еще пожрать.

— А тебе не вредно?

— Юль, меня снотворным напоили, а не мышьяком. Ничего со мной не будет. Поехали! — рассердился Никита, схватил рюкзак, шагнул к дверям и замер — в дверях стояла Саша. Никита глухо простонал, а она перевела радостный взор с него на Юлю, и улыбка сразу стухла. Две женщины молча сжигали друг друга взглядами, а затем Саша, не выдержав, кинулась прочь.

— Ты что, не побежишь ее догонять? — удивилась Юля.

— Не побегу, — вздохнул Никита, — уже набегался. Поедем отсюда скорее. Мне кажется, я весь провонял этим смрадом. И есть хочу. Жизнь есть жизнь, в ней нет места хеппи-эндам. Настроение такое — впору в петлю, еще Сашкиных обид мне не хватало...

В ресторан Юля повезла Никиту уже после того, как доставила его домой. Сбросив пропахшие больницей вещи, он затолкал их в стиральную машинку и долго мылся, пока она без особого интереса давила на кнопки телевизионного пульта. В новостях традиционно радовались укреплению рубля, и эта напускная радость бесила еще больше откровенного нагнетания обстановки. Юля покричала Никите через дверь, что можно пообедать и дома, она по-быстрому что-нибудь приготовит.

— Я хочу побыть на виду, — ответил Никита, выходя из ванной.

В ресторане оба торопливо сделали заказ, и, не дождавшись горячего, принялись вываливать друг другу новости. Происходящее уже мало смахивало на безобидную авантюру. Смерть Олжаса, верного Санчо Кирилла Миронова, Юлю задела мало, она не знала Устемирова, а вот Никита был потрясен.

Они еще долго переваривали все сказанное, молча разглядывая скатерть на ресторанном столе. Выдохнув, Никита позвал официанта и заказал еще одну бутылку коньяка, лимон и вишневый сок, с которым Юля мешала свое пойло, салат и порцию горячего. Пока готовился обед, Юля рассказала о визите к Панариной.

— Что тебя смутило? — спросил Никита.

— Она врет, — коротко ответила Юля.

Никита ничего не сказал, разлил коньяк, долил в Юлин бокал вишневый сок и вскинул брови, ожидая продолжения.

— Нет, внешне все было вполне благопристойно. Да, Панарина мужа не любила и не собиралась это скрывать, но такие перемены после похорон свидетельствуют, скорее, об освобождении от гнета. Модная прическа, платье красивое, не какая-то там хламида мученицы... И это женщина, которая, по ее словам, больше совершенно не интересуется мужиками? Только что она была неприступна, как танкист, и вдруг — на тебе! Новый ухажер. Или не такой уж новый?

— Меня терзают смутные сомнения, — медленно сказал Никита. — По моему, ты вдову подозреваешь в смерти мужа?

— Почему бы и нет? — усмехнулась Юля. — И за мотивом далеко ходить не надо — деньги.

— У нее алиби, — напомнил Никита.

— Я и не утверждаю, что она сама его резала. А ты проверил алиби ее хахаля?

— Миронов ничего не знает про ее хахаля, а я тем более. Кирилл ведь вдову проверял, я точно знаю. Мы с ним накинулись на прошлой неделе, и он проболтался, что Панарина никому не звонила, никуда не ходила после смерти мужа, а все ее передвижения до убийства никаких подозрений не вызвали. Ты уверена, что у нее был мужик?

— Давай, я тебе расскажу, что увидела, а ты сам решишь — был или нет? — предложила Юля. Никита согласно кивнул.

— Ответ, когда ты в последний раз пил растворимый кофе?

— Позавчера, на работе, — не задумываясь, сказал Никита. — Из пакетика три в одном. Мерзость, но я спать хотел, как суслик.

— А вне работы?

— Э-э-э... Не помню. Я не люблю растворимый. Это, кстати, ты меня на натуральный подсадила. У меня от растворимого изжога теперь. И что?

— У Панариной на плите стояла грязная турка, в ней явно варили кофе. Рядом — банка от растворимого и дешевая кружка, даже у тебя давно таких нет.

— Что значит — даже? — обиделся Никита. — Если мы не аристократы, так это по воле случая. А в душе я, как минимум, маркиз. Только не говори, что ты по одной только кружке сделала выводы.

— Что ты! Я заглянула в мусорное ведро, — фыркнула Юля.

— Что ты сделала? — выпучил глаза Никита.

— В мусорное ведро заглянула. Панарина вышла ко мне с таким светящимся лицом, что я сразу подумала: кое-кто только что вылез из-под мужика. Она просто сияла. И как только Ирина ушла за документами, я сунула нос в мусорную корзину. Знаешь, что лежало прямо сверху? Коробка из-под презервативов. Только не говори мне, что коробка старая. Что же она, после смерти муженька мусор ни разу не выкинула?

— Мать, ну, ты сильна! — восхитился Никита. — Я бы в мусор не полез... Но это ведь еще не все?

— Не все, — кивнула Юля. — Затем я отправилась в ее ванную. На полочке стояла бритва. Да, она могла принадлежать Олегу, но в раковине свежая щетина. Там кто-то брился не далее как утром, и уверяю тебя, это не Ирина.

Пока Никита переваривал услышанное, официант принес его порцию мяса с овощами, поставил перед Юлей греческий салат. Схватив вилку, она накидала себе в тарелку кусочки мяса с Никитиной порции.

— То есть, надо найти мужика, — задумчиво произнес Никита, — и дело в шляпе?

— Именно. Хотя мужика пусть Миронов ищет, ему за это деньги платят. Не думаю, что у нас есть такие возможности, — ответила Юля. — Ну, спрашиваем мы среди знакомых и выясним, что наша Рапунцель безвылазно сидела дома и в порочащих связях замечена не была.

— Почему ты ее вообще заподозрила? — поинтересовался Никита.

— Сначала из-за цветущего вида, — пожала плечами Юля. — И потом, ты забыл, кем работала Панарина в прошлой жизни? До замужества она была актрисулькой провинциального театра, вышла замуж за богатея и рассталась с карьерой, тем более, что ей там все равно ничего не светило, кроме «кушать подано». Так что меня ее лицедейство не убедило. А потом она стала наводить мои подозрения на Жанку. Мол, Панарин так любил детей, и Жанка шантажировала его дочкой. Ирина благородно решила пожертвовать внебрачной дочери Олега законную долю... Ой, не верю! Жанка грохнула тачку год назад, а ее дочери — три года. Чего вдруг Жанка сорвалась с цепи? Она и так получала от него все, что хотела.

Никита нахмурился.

— Погоди. Год назад Жанка разбила машину, кажется, в августе, так? — Юля кивнула. — А еще летом Панарин попал в больницу с переломом ребер. Это, случайно, не в одно и то же время произошло?

— Господи! — уронив вилку, выдохнула Юля. — Ты прав. Надо, конечно, проверить, но, думаю, это все одна история. И ребра... Он их об руль сломал. Именно он вел ее машину!

— И чего ж она его машиной шантажировала? — скривился Никита. — Подумаешь, разбил одну, другую купил, делов-то...

Прежде чем он воткнул вилку в мясо, они с Юлей одновременно вскинули головы и одновременно произнесли:

— Он кого-то сбил!

Юля поднесла руку к губам и уставилась на Никиту стеклянными глазами.

— Это меняет дело, — серьезно сказал Никита. — Надо трясти Колчину, хотя это проблематично, раз ее закрыли в камеру. Мы действительно имеем дело с шантажом.

— Ничего не меняет, — возразила Юля. — Жанка — не дура, чтобы убивать курицу, несущую золотые яйца. После смерти Панарина она ничего не получит кроме алиментов, да и то нужно доказать, что дочь от него. А это проблематично — Олега-то кремировали.

— Разве что она слишком круто завинтила гайки, — не согласился Никита, — и Панарин решил соскочить с крючка. И тогда Жанка его уколошила. Ты же помнишь эти истории с ножами.

— И для этого она потащилась на электричке бог знает куда?

— Юль, мы же не знаем ничего точно, но я бы пока Жанну не сбрасывал со счетов. Они могли поехать вместе за этой проклятой шкатулкой, по дороге поругались, и она пырнула его ножом. Он забежал в электричку и там умер. А она спокойно вернулась домой, выкинула нож, и концы в воду.

— Прости, но я как-то смутно представляю эту картину, — нервно рассмеялась Юля. — Просто Кармен какая-то, носится по перрону, ножом машет... По-моему, это бред.

— А по-моему, у тебя нет воображения, — обиделся Никита.

— Наливай, — скомандовала Юля, — и давай вернемся к Панариной. Может, Жанна и причастна, но это не объясняет, кто спит с Ириной. Если заключать пари, я бы поставила на вдову. И мне до смерти интересен ее невидимый поклонник. Знаешь, я сейчас подумала: а вдруг он был в доме, когда я с ней распивала чай?

— Чай? — переспросил Никита и застыл. Но его лицо появилось хорошо знакомое Юле выражение, появляющееся в момент озарения. Он просидел истуканом минуту, а потом его губы стали расплываться в улыбке.

— Что? — не выдержала Юля, раздраженная его молчанием.

— Знаешь, ты в самом начале сказала одну очень важную вещь, — протянул Никита. — А потом еще несколько. Это как пазл, только все кусочки надо сложить.

— Ну, так сложи уже и не беси меня, — рассердилась Юля.

Никита отодвинул тарелку, наклонился вперед и вкрадчиво суммировал:

— Ты спросила, где я пил растворимый кофе в последний раз. Я ответил — на работе. На работе у меня есть позорные кружки, которые жалко выкинуть. Дома тоже есть, но я ими уже не пользуюсь. В мусоре ты нашла коробку от презервативов и сбритую щетину, но при этом Миронов не нашел никаких порочащих сведений о вдове. Она ни с кем не встречалась ни до, ни после. На момент смерти мужа у нее есть алиби, подтвержденное свидетелями, но если вывернуть его наизнанку, это алиби для ее мужчины. Ты следишь за моей мыслью? Кто пьет растворимый кофе на работе? Кто остается невидимым, находясь на виду? И, наконец, зачем вдове Панарина до сих пор нужна защита?

Юля прищурилась, недобро улыбнулась и ответила:

— Да, ты прав. Это ее охранник.

26

Тело Володьки, завернутое в драную простыню, отволокли к озеру и, боязливо слушая, как трещит под ногами лед, утопили в проруби. Лика долго сопротивлялась, говорила, что это не по-людски, что надо его в город отвезти или хотя бы похоронить по-человечески, но Антон, сплюнув сквозь зубы, показал ей в угол, где стояла старая штыковая лопата, и сказал:

— Ну так в чем проблема? Иди, копай.

И Лика стухла, понимая, что они в чем-то правы — вырыть могилу в мерзлой земле без нормального инструмента будет не под силу. Она невидящим взглядом проводила спеленутую мумию, ухнувшую на дно вместе с найденным в кладовой куском гранита. Темная вода пузырилась, плескалась через край проруби, и Лике казалось, что Вовка сейчас вынырнет, разевая рот, откашливаясь, потрясет лысой башкой и будет скулить и просить, чтобы его вынули и довели до дома.

В доме они молча напились оставшейся водкой. Лике стало плохо, и она выбежала на улицу. Темный лес нашептывал страшное и тянул к ней щупальца еловых лап. Пятясь, Лика нащупала дверь и заскочила внутрь.

Антон и Сергей все сидели и ожесточенно спорили, доказывая друг другу, кто виноват. Не став их слушать, Лика ушла в спальню и, не раздеваясь, рухнула на кровать. Старый дом ухал и потрескивал. В темноте она прислушивалась к голосам с кухни и шепоткам привидений по углам. Все казалось, что сейчас из-под кровати вылезут белые Вовкины пальцы и ута-

щат ее вниз, в подледье. Ей было страшно и одиноко, но позвать Сергея она не отваживалась, прислушиваясь к злomu перезвону посуды и хриплым мужским голосам. Так и лежала, трясясь от страха, пока не пришел Сергей, качающийся, пьяный и злой. Он сразу завалился на кровать, отвернулся к стене и захрапел.

Осторожно, как лисица в курятник, Лика нырнула под одеяло и стала шарить руками в поисках его трусов. Найдя, она в бессильной злобе выпустила их из рук — бриллианта не было.

Она поднялась и обыскала карманы его джинсов. Камень отсутствовал. Зло сжав губы, Лика обернулась и застыла в ужасе.

Сергей продолжал храпеть, но его широко раскрытые глаза смотрели прямо на Лику, а рот кривился в злобной улыбке.

Она не смогла ничего сказать, точнее, просто не успела, так как в коридоре скрипнула половица. Сергей молча хлопнул себя по бедру, и Лика, как послушная собачонка, метнулась к нему и торопливо улеглась в постель, притворившись спящей.

В комнату крадучись вошел Антон. Он боязливо покосился на товарищей по несчастью, а потом опустил на четвереньки и пополз к брошенным на пол джинсам. Торопливо обшарив карманы, шепотом матюкнулся под непрекращающийся храп Сергея, и, отбросив не оправдавшую себя добычу, пополз к выходу.

Лика лежала, ни жива ни мертва. Сергей повернулся к ней, и, забросив на нее ногу, презрительно прошептал на ухо, обдав перегаром:

— Циркачи. Кого вы кинуть-то захотели?

Ночью окончательно вышел из строя генератор, и утром Лика проснулась от холода. Как ни подсовывала она озябшие руки под Сергея, как ни куталась в одеяло — ничего не помогало. Она неохотно сползла с кровати и, ежась, вышла на кухню. У печи не было не то что дров — даже жалкого прутика. На столе красовались остатки вчерашнего пиршества. Охваченная недобрим предчувствием, Лика пошарила в рюкзаках. Еды почти не осталось, вчера эти двое сожрали трехдневный запас. По кухне валялись пустые банки из-под тушенки, на столе засыхал одинокий хвостик колбасы, на газетке валялись какие-то огрызки.

Где-то она была даже рада этому — значит, не придется сидеть в тайге месяцами. Волей-неволей, они поедут в город, а уж там Лика придумает, как сорваться с крючков: и полиции, и Сереженьки. Главное — найти камень. Наскоро обыскав кухню и брошенные вещи парней, Лика в отчаянии опустила руки. Соблазнительная выпуклость в кармане пуховика оказалась «пустышкой» — там у Сергея остались какие-то большие болты с накрученными на них гайками.. Непонятно зачем, Лика сунула их себе в карман и

приуныла. Пока Сергей сам не покажет, куда спрятал бриллиант, она его не найдет. Теперь он не доверял ей, не доверял и Антону, а ночью в его глазах Лика прочитала свою смерть. Ему плевать, что «ключи от рая» у нее, и только Лика сможет свести его с нужными людьми, только она в состоянии найти на бриллиант покупателя, само обладание сокровищем уже свело его с ума. Недаром же говорят, роковые алмазы приносят владельцам одни беды. Она подумала — не склонить ли на свою сторону Антона, но потом вспомнила, как он на заправке советовал Сергею избавиться от нее. Нет, этот хлыщ не станет ей союзником!

Окинув взглядом разгромленную кухню, Лика вздохнула и, набросив на плечи пуховик, вышла из дома и стала бродить по двору, дыша влажным хвойным воздухом. За краешки сосен цеплялась низко висящая туча, подозрительно черная, тяжелая, ветер гнал ее на турбазу. В лесу тревожно трещали ветки да стайка сорок перелетала с ветки на ветку, отчаянно стрекоча друг на друга.

Когда Лика вернулась, на кухне уже сидели Сергей и Антон, помятые, с опухшими лицами, и оба встретили ее одинаковыми упыринными взглядами.

— Ты где была? — спросил Сергей.

— В туалет ходила, — ответила она и, предупреждая вопрос, добавила: — У нас почти нечего есть. Надо в город возвращаться.

— А с генератором ты что сделала? — угрюмо спросил Антон.

— Даже не прикасалась, — раздраженно сказала Лика и предположила: — Может, топливо кончилось?

— Да полно там еще. Накрылся он по ходу, — зло буркнул Антон. — Что делать будем? Без него мы здесь от холода околеем.

— Печь затопим, — с наигранной веселостью ответил Сергей и ткнул пальцем в чугунную буржуйку.

— Дров тоже нет, я смотрела, — сказала Лика. — Может, есть еще какой-то дровник, но я не нашла. Надо во дворе поискать, мало ли... Или в пристройках...

— Да не проблема, лес вокруг, — отмахнулся Сергей и рассеяно прикоснулся к карману джинсов. Лика заметила под плотной тканью выпуклость размером с камень, и перехватила взгляд Антона. Он тоже увидел. А Сергей, не заметив их жадных взоров, продолжил: — Топор вон в снях валяется.

Антон торопливо, слишком торопливо, на Ликин взгляд, направился в сени за топором. И только тогда Лика увидела, что у Сергея под рукой на табурете лежит ружье, причем заряженное. Что произошло между парнями за те десять-пятнадцать минут ее отсутствия, почему атмосфера накалилась до предела? Лике стало страшно. Вытерев рот рукавом, Сергей неторопливо оделся, взял ружье и спокойно сказал ей:

— Пошли.

— Куда? — испугалась она.

— За дровами, куда ж еще, — хохотнул Сергей. — И за Гавриком этим приглядим, как бы чего не выкинул.

В тишине стилого дома его слова прозвучали зловеще. А то, что Сергей прихватил ружье и нес его в руках, а не закинул на плечо, не понравилось Лике еще сильнее. В сенях уже не было ни валяющегося на лавке топора, ни Антона. Дверь тихо поскрипывала, а с заснеженного крыльца куда-то вбок вела цепочка следов рифленых ботинок. Лика поостереглась выскакивать первой, боязливо прячась за спину Сергея, а тот, щурясь, взвел курки.

На улице Антона нигде не было видно. Лика завертела головой, пытаясь обнаружить пропавшего товарища, но безрезультатно. Она даже пожалела, что не прихватила с собой какое-нибудь оружие, хотя бы кухонный нож, но возвращаться за ним в дом было страшно. Сергей огляделся по сторонам и громко крикнул:

— Антоха! Выходи!

Он вышел, точнее, вылетел из-за угла с топором наперевес. Рот Антона был перекошен в немом крике, с губ стекала слюна. Лика взвизгнула и шарахнулась в сторону, прикрываясь спиной Сергея, а он испуганно вскинул ружье и нажал на курок. Ружье ахнуло, переполошив сорок, шарахнувшихся подальше. Антона завертело, на сером свитере расплзлось темное пятно, а на лице появилась гримаса непонимания и боли. Всхлипнув, он выронил топор, попятился, а затем бросился наутек, уходя в лес петляющим заячьим шагом, оставляя за собой кровавые капли. Сергей поднял ружье и прицелился. После второго выстрела Антон присел, но тут же подскочил и кинулся дальше. Сергей выругался, переломил ружье, вогнал в него еще два патрона и снова навел ствол на убегающего. Испуганная Лика повисла у него на плечах и выкрикнула:

— Не надо!

Сергей злобно отшвырнул ее в сторону и, ловко перемахнув через перильца, побежал следом. Лика догнала его и сбила с ног, повалив в ковер сосновых иголок. Они барахтались так пару мгновений, пока Антон не скрылся из виду. Сергей взвыл, стряхнул с себя девушку и, пнув Лиду в живот, понесся следом за Антоном.

Она хватала ртом воздух и корчилась от боли. В голове замелькали огненные точки, а еще почему-то настойчиво заколотилась фраза из какой-то нудной классической книжки, что проходили в школе, где какой-то князь, сраженный на поле боя, глядел в небеса Аустерлица.

«Над ним не было ничего кроме неба — высокого неба, с тихо ползущими по нему серыми облаками... Но я-то жива. Я пока еще жива...» — прошептала она.

Ли́ка могла сдать́ся и уйти́ в дом, оставив мужчин выяснять отношения, но ей еще прошлой ночью стало ясно: хеппи-энда не будет, и, если она хочет элементарно выжить, за свою шкуру придется драться наравне с волками, вооруженными до зубов. Поднявшись, она охнула и побрела за Сергеем, ориентируясь на мелькающий среди стволов сосен красный пуховик и треск веток.

Сергею найти Антона оказалось не так просто, но он все же напал на его след и с азартом бросился вперед. Спотыкаясь о корни, Ли́ка побежала за ним. Сосновые лапы били по лицу, хватали за одежду. Еще не добежав до места схватки, Ли́ка поняла, что заклятые друзья бьются в рукопашной. Тяжело дыша, она выскочила на крохотную, с ладонь, полянку между соснами.

Сергей и Антон кубарем катались по снегу, с переменным успехом одолевая друг друга, мутузили кулаками. Ружье валялось на снегу, и Ли́ка быстро схватила его.

— Перестаньте, — всхлипнула она, водя стволом между ними, — пожалуйста, перестаньте!

Они не обращали на нее ни малейшего внимания, продолжая драться, а она никак не могла заставить себя надавить на курок, даже в воздух стрельнуть не пришла в голову мысль. Может, потому, что она уже видела: финал предрешен, так как Антон заметно слабел. Сергей схватил его за шею и принялся душить, одновременно молотя друга затылком о сосну. Сосна отвечала мягким «тюк-тюк-тюк!», будто кто-то вдаль рубил дрова. Скрюченными пальцами Антон все старался зацепиться за шею обидчика, но пальцы соскальзывали, и тогда он беспомощно махал ими в воздухе. А Сергей, как одержимый, продолжал свое дело, хрипя от натуги и ярости.

Глядя на это жестокое убийство, Ли́ка поняла, что пути назад не будет.

Ей не хватило сил нажать на курок и остановить своего когда-то любимого мужчину. Пальцы потянулись к карману, где брякали тяжелые болты. Неумеющей рукой она вытащила их из кармана и с трудом затолкала в стволы ружья.

Руки Антона обмякли и сползли с ворота Сергея. Он упал и затих, уставившись в небеса. Его ботинки еще пару раз дернулись, а затем он окончательно замер, однако даже после этого Сергей не спешил слезать с него, продолжая сжимать сломанное горло. В небесах, тяжелых и страшных, вопили сороки, да с сосен слетали иглы и мелкие снежинки. Сергей, не торопясь, поднялся, отряхнул руки и выдернул из рук Ли́ки ружье. Держа его наготове, он оглянулся на труп Антона, потом перевел взгляд на Ли́ку и сказал:

— Ну, можно и тут.

— Что? Что? — пролепетала Ли́ка, безумными глазами глядя на него.

— Антоха был прав, — с сожалением ответил Сергей. — Тебя менты прищучат, и ты меня сдашь. Без тебя у меня есть шанс выкрутиться. А этот камешек слишком красив, чтобы делить его даже на двоих.

Ли́ка сделала шаг вперед, но он отпихнул ее стволом, ткнув прямо в грудь, да с такой силой, что она едва не упала.

— Без меня ты его никогда не продашь, — всхлипнула она в последней, отчаянной попытке остановить Сергея. — Никто не даст тебе за него реальную цену.

— Думаю, если я его продам даже за полцены, в накладе не останусь.

Ли́ка отшатнулась, сделала назад еще пару шагов, пока не уперлась в сосну. Сергей все улыбался, подходя к ней. Он придавил ее к стволу и прижался, вдыхая запах волос, а затем лизнул в щеку.

— Сережа, пожалуйста, не надо! — взмолилась Ли́ка.

Словно не слыша, он целовал ее куда-то за ухо, в шею, а потом оттолкнул так, что она упала на колени. Ли́ка расплакалась и зажмурилась, ожидая роковой минуты своего конца. Но тут произошло неожиданное: она услышала грохот, открыла глаза и увидела жуткую картину. Заряженное ружье в руках Сергея сработало, снеся полголовы, а сам он с воем пятился назад, размахивая руками, и затем рухнул на снег. Рядом валялось ружье с разорванным стволом. Суча ногами, Сергей бился на земле, но на полноценный крик у него не хватало сил. Заснеженная трава вокруг была забрызгана черно-красным.

Плача, Ли́ка подошла к его бьющемуся телу, сунула руку в его карман и, нащупав завернутый в платок бриллиант, потянула. Камень вывалился у нее из руки, и она стала искать его в снегу. И тут окровавленные цепкие пальцы схватили ее за руку. Одиноким глазом с лопнувшими капиллярами смотрел на Ли́ку с ненавистью, из разбитого беззубого рта текла пена. Ли́ка испуганно выдернула руку, с отвращением вытерла ее о снег и пошла, а потом побежала, не разбирая дороги и отметаая хриплые стоны за спиной. «Не слышу, не слышу», — лепетала она. Но обмануть себя было сложно. Хриплые стоны преследовали ее, как древнее проклятие. Она бежала, пока в бок не закололо, и боль вынудила ее остановиться. Ли́ку вырвало прямо на ботинки. Оттерев жирную слизь с подбородка и оглядевшись по сторонам, она поняла, что не знает, где находится.

Тяжелая черная туча стремительно заволакивала небеса, но Ли́ке, панически озирающейся по сторонам, было не до наблюдений за природой. Выбрав наиболее перспективное направление, она пошла, как ей казалось, в сторону турбазы — не могли же они в своей заполюшной погоне убежать очень далеко.

Они, может, и не могли, но, удирая от стонов умирающего Сергея, Ли́ка явно выбрала не то направление и сейчас совершенно не представляла,

куда идти. Отчаявшись, она нагибалась вниз, стараясь разглядеть собственные следы в сгущающейся тьме, слезы застилали ей глаза. Где-то после трех часов блужданий ей показалось, что она увидела знакомые сосны и крышу турбазы. Туча нагнала ее, ударила в спину беспощадным снегопадом, и она в голос зарыдала от отчаяния...

Когда Лика, промокшая и окоченевшая, наконец, вышла к турбазе с какой-то незнакомой стороны, у нее не осталось сил даже порадоваться. Войдя в распахнутые двери, она упала на кровать и с полчаса лежала, не шевелясь, трясясь от холода. И только потом, слегка согревшись и успокоившись, она вынула из кармана бриллиант. Камень сверкал и переливался в пальцах как льдинка, завораживая каждой вспышкой на бесчисленных гранях. И все же холод выстуженной турбазы впивался в каждую кость. За окном бушевала стихия. Лежа на боку, Лика корчилась под двумя одеялами от холода и слушала, как в окна бьется страдающая от непогоды тайга. Незаметно для себя она заснула, совершенно измученная...

Разбудило ее чувство голода. Охая, вытаскивая себя из кровати, Лика чувствовала боль в каждой клеточке своего организма. Она торопливо кинулась искать съестное, но, увы, так ничего и не обнаружила. Выскребая из рюкзаков остатки печенья, дожевала эти жалкие крошки, запила водой и, немного полюбовавшись на бриллиант, решила, что пора уезжать.

Но ключей от машины нигде не было. Подумав, Лика вспомнила, что они остались у Антона. Ей ничего другого не оставалось, как пойти на их поиски. Но едва она ступила на крыльцо, как мгновенно похолодела. Когда они приехали на турбазу, ей не пришлось в голов оглядеть окрестности, а они после прошедшей бури изменились коренным образом. В панике оглядываясь по сторонам, Лика поняла, что совершенно не представляет, куда идти, и выбрав приблизительно верное направление, пошла наугад, надеясь, что трупы подельников — не грибы, и обнаружить их будет просто. Как же она ошибалась! Исходив по лесу несколько часов, Лика так и не увидела приметного красного пуховика Сергея. Немного отдохнув, она побрела в другую сторону, взяв немного левее, но там лес выглядел совершенно незнакомым.

Голодная и несчастная, боясь окончательно заблудиться, Лика вернулась на базу, рыдая от отчаяния. Если еще несколько дней назад она бы удивленно подумала: как это можно вообще заблудиться в лесу, да еще рядом с турбазой и дорогой, то теперь подобные мысли вовсе не казались ей забавными. От голода желудок совсем ссохся. Холодный дом впивался в кожу, приликая намертво, как лягушачья кожа к царевне, без всяких шансов на прекрасного царевича и его стрелу.

«Ты останешься здесь, — шептал дом голосом покойного Коростылева и глумливо похохатывал. — Ты убила, и теперь умрешь, сольешься с домом и будешь вечно страдать в каждом бревнышке, каждой дощечке, каждой комнате этого дома, пугая гостей шорохами. Ты — моя, и навсегда останешься моей...»

Завалившись в холодную постель, Лика вытащила телефон и попробовала сделать экстренный вызов. Но едва она нажала на экран, набирая номер, телефон окончательно разрядился.

Замерев под одеялами, Лика вертела в руках бриллиант и думала, что завтра снова пойдет на поиски, потому что, если не найдет ключей от машины, придется идти до города пешком, иначе она умрет от голода и холода в пустом доме. Но даже умирая от страха, у нее не хватало сил выпустить проклятый камень из рук, словно это было единственное, что еще поддерживало желание жить. А алмаз все нашептывал ей сказки, переплетающиеся с гнетом темных стен турбазы, отправляя Лику в сладкий дурман безумия, и у нее не было ни сил, ни желания сопротивляться...

27

Грозу, прокатившуюся по дому, Танька, слава богу, не застала, но что-то недоброе почуяла, и, глядя на холодные лица Юлии и Валерия, дергала плечами в недоумении, а потом лезла с вопросами к обоим. Надо сказать, что супруги «Б в квадрате», как за глаза называли злопыхатели чету Беликова-Быстровой, особо не давали себе труда скрывать семейный разлад. А Таньку, любительницу всяческих драм, о которых можно посплетничать с матушкой и подругами, донельзя раздражало, что с ней проблемами никто не делится. Юля знала о сестринской невоздержанности на язык, а Валерий вообще Таньку не выносил и с трудом терпел в доме. Хотя, пожалуй, только из-за нее, оккупировавшей гостевую спальню, и приходилось спать в одной постели, для «сохранения приличий». Правда, неизвестно, кому эти приличия были нужны. В спальне Юля так старательно возводила баррикаду из одеяла, что она напоминала пресловутый рыцарский меч, который клали в постели между девицей и очередным сэром Ланселотом, дабы тот не покусился на невинность юной дамы. Больше всего Валерия удручало, что, даже заснув, жена инстинктивно прекратила обниматься с ним, а раньше то и дело прижималась к его спине. Сейчас такого не происходило, а стоило ему во сне закинуть на нее руку или ногу, как ее безжалостно сбрасывали. Неприязнь, источаемая Юлией, пропитала всю квартиру, сделав почти невозможным нахождение дома.

Сказать, что Юля не страдала, было нельзя. От нее требовалось немало нервов, чтобы ежедневно находиться с мужем не только дома, но и на ра-

боте. В последние дни она стала уезжать позже, чтобы не тащиться с ним в час пик в одной машине. Факт измены Валерия сжигал изнутри, и, будучи натурой деятельной, Юля тут же принялась выяснять, кто же была его новая «обоже». Выяснилось это, кстати, довольно быстро, но, к ее вящему сожалению, Танька подслушала разговор и немедля настучала своей матери, а тетка, распираемая радостью от чужого несчастья, тут же перезвонила с фальшивым сочувствием:

— Юленька, ты должна сознавать: семья семьей, но Танечка нуждается в покое и поддержке, — лицемерно всплакнула она напоследок и добавила: — Ты же знаешь, ей надо беречься, у нее — голос...

Не будь Юля так расстроена, она бы расхохоталась. Уж больно этот разговор напоминал диалог Лены и Анюты из «Веселых ребят», не хватало только тарелочки сырых яиц и бюстика греческого мыслителя, о нос которого эти самые яйца кокали. Но тетка, сама не зная, подписала дочери приговор. Юля решила, что с нее довольно, Танька загостилась, и пора бы отправить ее на «историческую родину». Чтобы подсластить сестре пилюлю, она не пошла на работу и потащила Таньку в салон красоты, решив напоследок сделать из простушки красотку. Однако действия Юлии довольно часто имели двойное дно, и салон был выбран не абы какой, и даже не свой собственный, приобретенный в прошлом году, а «Черная орхидея» — претенциозный, бессмысленно дорогой, но далеко не с самыми лучшими мастерами. Главным интересом в салоне было то, что владела им Галина Золотухина, ближайшая подруга Ирины Панариной. Имя главной свидетельницы Никитка выудил из потерявшего бдительность Мирнова, а Юля, всерьез подозревая Панарину к причастности к смерти мужа, решила «вбить в этот гроб последний гвоздь».

Танька по дороге дулась. Неудивительно: карьера певицы почему-то не сложилась, и, хотя нутром она понимала, что за славой следовало ехать в Москву, к тому же лет на десять раньше, осознать это окончательно не могла, сердясь на богатейку-сестру, не желавшую давать денег на раскрутку. С ее дружкой, лохматым журналистом Никитой, тоже не сложилось. В койку он ее, ясное дело затащил, но после пары раз охладел окончательно, а однажды ласково назвал дурехой. И почему-то Таня понимала, что это был далеко не комплимент. Да и не перспективный он какой-то был. Ну журналист, ну и что? Всего богатства — квартира в хрущевке, битый «фольксваген» да дорогой фотоаппарат. Не наш размерчик! Так что Таня была где-то рада, что у сестрицы дома не ладится. Так ей и надо! Но прощальный подарок приняла, легкомысленно отбросив обиды.

В салоне Золотухина к дорогой гостье и, между прочим, одной из основных конкуренток, выплыла не спеша, жеманно расцеловалась и, отправив

Таню на процедуры, предложила Юле сделать маникюр за счет заведения. Та отказалась.

— Ну, тогда жасминового чаю, дорогуша? — отвратительно присюсюкивая, предложила Галина. — Жасминовый чай — лучшее средство от печалей.

— С чего ты взяла, что я в печали? — удивилась Юля.

— Слухами земля полнится, знаешь ли, — противно улыбнулась Галина и добавила: — Пойдем в мой кабинет.

В кабинете, дождавшись чая, Юля бесцеремонно принесла мужа в жертву, признавшись в его изменах. Новости доставили Золотухиной истинное наслаждение, а вот то, что Быстрова не кусает локти и не пытается приструнить изменщика, ее насторожило.

— Зря ты так, — изображая сердечность, пропела она. — Это сейчас ты думаешь: я молода, красива, никуда он не денется, но, Юленька, тебе уже не семнадцать. А мужики, поверь, одним местом думают куда чаще, чем нам бы хотелось. Попадется какая-нибудь дрянь и оставит тебя у разбитого корыта, да еще детей с ним заведет... Нет, нет, милая, пассивность в таких делах — вещь опасная. Ты сейчас как моя подруга себя ведешь, а ведь я Ирке говорила, говорила — оставит тебя твой Олежа с голлой задницей. И ведь почти оставил! Слава богу, прирезали его, а то бы выставил жену на улицу.

— Ничего себе, везение, — рассмеялась Юля.

— Знаешь, лучше так, чем никак, — серьезно возразила Галина. — Ты вот девица не с самым лучшим характером, если муж уйдет, вряд ли отпустишь без боя. А оставшись одна, точно не будешь ему здоровья желать, верно?

— Не буду, — согласилась Юля и отпила из чашки. Изображать спокойствие было почти невыносимо, но она держалась, только ногами нервно качала под столом. А Галина вдохновенно продолжала:

— А Ирочка — святая женщина. Сколько она терпела, терпела, пока этот скот на стороне трахал Жанку Колчину. Я ведь когда узнала об их шашнях, сразу выгнала эту проститутку вон. Ты знала, что она у меня работала?

— Нет.

— Ну вот, работала визажисткой, но, скажу я тебе, звезд с неба не хватало. Они у меня и познакомились, Олег с Жанной, в смысле. Я уж перед Ирой каялась, каялась, ведь кто ж знал? Ирочка Олега простила, но того, что она терпела, никому не желаю. А потом зарезали его... А ведь мы в тот день с ней полгорода обегали, я чудную шубку купила...

— Говорят, многие чувствуют, когда с их близкими беда случается, — заметила Юля.

— Может быть, но Ирочка этого точно не чувствовала, поэтому после его смерти долго мучилась. И я ведь ни сном ни духом не подозревала.

Только радовалась, что в кои-то веки вытащила ее прогуляться, точнее, она меня вытащила.

На этих словах Юля сделала стойку:

— Она вытащила?

— Ну да, — закивала глупая Галина. — Позвонила за день до того и предложила: поехали, в «Королеве» такие шубки выбросили, закачаешься. Ну, мне собраться долго ли?

— И чего ж она поехала, если в последнее время Панарины на осадном положении жили? — удивилась Юля.

— Так мы охранника взяли, — отмахнулась Галина. — И очень кстати, он хоть сумки нам таскал. Она его все просила: «Женя возьмите, Женя принесите»...

Юля разочарованно опустила чашку. Охранника, амбала с лицом порочного херувима, встречавшего ее у ворот, точно звали Евгением, это она запомнила хорошо. Неужели ошиблась? А ведь такая хорошая версия была...

— Да видела я его, — вздохнула Юля. — Молодой такой, мордастый.

Галина фыркнула:

— Это ты второго видела. У Ирки двое посменно дежурили: молодой и постарше, так их обоих Евгениями зовут. С нами тот, что постарше ездил, вечно недовольные рожи корчил: с бабами таскаться по магазинам — то еще развлечение, это не в теплом домике сидеть да телик смотреть.

Юля откинулась на спинку стула. Вот теперь все сошлось.

Охранников было двое. Говоря об алиби, Панарина выставила в качестве свидетелей сразу двоих: охранника и подругу. Миронов, приехав к хозяйке на допрос, опросил охранника, молодого, мордатого Евгения, и тот соврал, что ходил с Ириной по магазинам, а глупая подруга, служившая еще ширмой, подтвердила: да, с нами был охранник Женя. Никому не пришло в голову проверить, что дом постоянно охраняли два человека с одинаковым именем. Одновременно Ирина составляла алиби своему любовнику. Убить хозяина он якобы не мог, так как вместе с его супругой бегал по гипермаркету. Юля задумалась, что было бы, если бы Миронов нарвался не на того охранника и допросил истинного свидетеля. Этот вопрос следовало выяснить, но, по большому счету, факт никакого значения уже не имел.

Юля с трудом высидела до конца процедур, сгорая от желания сообщить о своих открытиях Никите и Миронову. Вырвав сестру из лап массажиста, она помчалась домой, выпихнула Таньку на тротуаре, велев сидеть дома, а сама, словно ведьма на помеле, понеслась в сторону РОВД, попутно вызванивая Шмелева.

Как ни странно, но у дверей они все оказались одновременно. Юля и Никита подъехали с разных сторон, и, выскочив из машин, столкнулись

лбами с Мироновым, выбегающим из здания.. От Шмелева и Быстровой он попросту отмахнулся и побежал к патрульной машине.

— Кирилл, подожди! — крикнула Юля. — Мне надо кое-что тебе сообщить!

Он притормозил и недовольно посмотрел на нее. Юля торопливо пересказала ему новости.

— Не горит, — ответил он. — Никуда они теперь не денутся.

— Ты-то куда мчишься? — удивился Никита. — Пожар, что ли?

— Вроде того, — кивнул Кирилл. — Только что, в двухстах километрах от города, на турбазе засекли телефон Лики Крайновой. И не вздумай даже со мной проситься! — сердито добавил он, вытянув палец в сторону открывшего рот Никиты.

— Ладно, — неохотно сказал Шмелев. — Но потом ты все расскажешь?

— Расскажу по возможности, — пообещал Кирилл.

28

Дальнейшие события завернулись молниеносно и совершенно неинтересно.

Лику, полуживую от холода и голода, обнаружили на турбазе и спешно отправили в больницу. В бреду она что-то бормотала про бриллиант. Услышав ее, Кирилл насторожился, внимательно оглядел ее вещи, а потом тщательно обыскал комнату, где Лика ночевала. Бриллианта не обнаружили, но теперь Кирилл был уверен: легенда, рассказанная Чебыкиным, оказалась правдивой. Шкатулку мастерской Ружа нашли в куче барахла, вместе с добычей из антикварного салона. Протасов, проклиная все на свете, потом переписывал драгоценности в протокол, дую на застывшие пальцы. Тайком от него Кирилл внимательно оглядел шкатулку и чудом нашел тайник, крохотное углубление в крышке, куда вполне мог поместиться мифический бриллиант индийского махараджи. А днем позже, после того как Лика оклемалась и дала показания, поисковая бригада обнаружила в лесу два окоченевших трупа.

В больнице похудевшая и подурневшая Лика упорно мотала головой, отрицая свое участие в деле, изображая, по мнению Миронова, «умирающего лебедя». Итолько когда Протасов прижал ее к стене следами, оставленными ее обувью, а также отключенной сигнализацией, Лика расплакалась, странно заламывая руки. Присутствующий при допросе Кирилл не почувствовал ни малейшей жалости к этой крохотной, как пичужка, девушке.

— Они меня заставили, — всхлипывала Лика. — Сергей и Антон. Я их боялась, понимаете? Сереже хотелось денег, больших денег, а зарабатывать их не получалось. Я ждала, что он, наконец-то, сделает мне предложение, а он тянул, тянул, говорил, что у Коростылева набита кубышка, грех не

поделиться. Я только потом поняла: он и познакомился со мной специально, чтобы подобраться к деньгам Якова Семеновича. А когда я отказалась им помогать, они пригрозили, что меня убьют. А у меня ребенок будет, я не только о себе должна думать.

— Что ж вы в полицию не пошли? — холодно спросил Протасов.

Ему, как и Миронову, было противно наблюдать за попытками Крайновой изобразить из себя сироту, хотя делала она это крайне умело и убедительно, МХАТ по ней плакал. Врала Лика вдохновенно, и, похоже, сама себе верила. Но самым паршивым было то, что ее версия очень хорошо ложилась на улики. Правда, тело третьего фигуранта, Владимира Поседейко, пока так и не нашли, но водолазы не теряли надежды, матерясь каждый раз, когда приходилось опускаться в ледяную озерную воду. И все же, судя по оставленным следам, Лика говорила правду: Антона Волкова задушил Сергей Лазовский, а сам он погиб от того, что в его руках разорвалось начиненное металлическими предметами ружье.

— Боялась, — потупилась Лика и зашмыгала красным носом. — Они с меня глаз не спускали. Да и кто бы мне поверил? Думала, что это все не серьезно. Они говорили, что ничего Якову Семеновичу не сделают, только ограбят, а я должна была их впустить. Никто не ожидал, что он проснется. А когда он спустился, его Антон оглушил, а Сережа потом... того... Я не хотела...

Напустив в голос грусти, Лика рассказала, как по дороге Антон подстрекал Сергея убить ее, описала ссору в бане, когда по случайности был застрелен Володя. Кирилл внимательно слушал, отметив про себя, как внезапно провалился целый фрагмент ее рассказа, и как неуверенно и неубедительно Лика описала причину конфликта. Протасов, записывающий ее показания, тоже пару раз вскинул глаза и многозначительно посмотрел на Кирилла — чувствовал, что девица брешет, как сивый мерин. Но пока ее было рано ловить на противоречиях. Потом, все потом, когда врачи поставят ее переохлажденный организм на ноги. Особых тревог по этому поводу не было: всего лишь истощение, переохлаждение и — что удивило даже Лику — пятая неделя беременности.

Завершила свой рассказ Лика трагичным финалом: как Сергей убил бросившегося на него Антона, как стал стрелять в нее, но она, предвидев это, натолкала гаек в оба ствола ружья, и как сама потом хотела уехать, да не смогла, оставшись без ключей от машины. Тут ее немного «тряхнуло», глаза заволокло слезами, а худенькие плечи затряслись от рыданий.

Протасов дал ей воды. А Кирилл, бесстрастно наблюдая за истерикой, выждал несколько минут, и, когда она немного успокоилась и поставила стакан на тумбочку, наклонился к ней и вкрадчиво спросил:

— А камень, Анжелика? Где камень?

Протасов подобрался, уставившись на подозреваемую. Про бриллиант он забыл, не приняв всерьез мечтания Чебыкина, а вот Кирилл отнесся к легенде со всей серьезностью. На лице Лики не дрогнул ни один мускул, только глаза моментально провалились, а кожа стала белее простыни.

— Вы о чем? — слабым голосом спросила она.

— О драгоценности, что был в шкатулке, которую вам принесла посетительница. Вы ведь Коростылева из-за этого камня убили, верно?

И вот тут ее проняло. Лика завизжала и бросилась на Кирилла, метя ногтями ему в лицо. Бросив папку, Протасов кинулся на подмогу, выкручивая Краиновой руки. В палату прибежали медсестры и охранник, следом влетел врач и моментально вкатил Лике убойную дозу успокоительного. Но она, заряженная адреналином до предела, еще пару минут трепыхалась в их руках, вертела обезумевшими глазами и орала, проклиная всех и вся.

— В дурку ее надо, — уже позже меланхолично сказал Протасов, пока медсестра смазывала ему царапины на щеке — достала-таки Лика его пару раз ноготками. — Или в тюремную больничку. Еще сбежит отсюда, а нам отвечай. Ай, зараза, больно... Жена увидит, не поверит, что подследственная исцарапала, скажет, у шлюшек был. Хоть справку бери... Как думаешь, камень действительно у нее?

— Скорее всего, — пожал плечами Кирилл. — Вон как ее вывернуло сразу. Где-то она его заныкала, скорее всего, на турбазе. Надо там все еще раз обыскать, да потщательнее.

Они дали инструкции персоналу, вызвали охранника, велел ему сидеть у дверей палаты Лики, и, если только трепыхнется, заковать в наручники.

— Самое паршивое, что она может вывернуться, — со вздохом сказал Протасов, глядя в протокол. — Что ей можно предъявить, кроме соучастия? Коростылева убивала не она, сама едва не погибла, сыграет на жалости, прикинется несчастенькой, и отделается «условкой», ну, или отсидит пару лет, выйдет по амнистии, тем более, врач сказал, что она беременна. А потом поедет на турбазу, достанет «цацку» из «нычки», продаст и покажет нам фигу.

Оба замолчали и до выхода из больницы больше не разговаривали. У машины, не сговариваясь, вытащили сигареты и закурили, глядя под ноги и думая о таинственном сокровище.

— Хоть бы поглядеть, из-за чего сыр-бор, — вздохнул Протасов, а потом, встрепенувшись, спросил: — Слушай, ты чего-то говорил про своих журналистов. Чего они там нарыли?

Кирилл, у которого перед глазами тоже витал «алмазный дым», думал, что Протасов, вопреки всеобщему мнению, все-таки не такой уж скверный следователь, да и мужик, хоть и склочный, но неплохой. И это неплохо бы использовать.

— Садись в машину, по дороге расскажу, — сказал он. — Санкция нужна, поедem убийц Панарина брать.

Их взяли без шума и пыли, предварительно проверив свидетельские показания, за что потом Кирилл истязал себя несколько дней. Копни глубже, глядишь, Олжас остался бы жив. Допросив второго охранника, он убедился, что Быстрова оказалась права в своих догадках. Именно второй, тоже Евгений, но Борисов, сопровождал Панарину в супермаркет, а после смерти хозяина Ирина сообщила в агентство, что двух охранников ей не нужно, достаточно одного, настояв на кандидатуре молодого, смазливого Евгения Карасева. Подруга — Галина Золотухина — тоже подтвердила, что за шубкой с ними ходил Борисов, в то время как Карасев оставался дома. Словом, когда опергруппа приехала к дому Панариной, они без особого удивления застали парочку «тепленькими», прямо в хозяйской спальне, где Карасев чувствовал себя как дома.

Карасев, напуганный, с перекошенным лицом херувимчика, одевался, путаясь в белье и штанах, стыдливо отворачиваясь от полицейских, а вот Панарина, нисколько не смутившись, поднялась с постели и прошла к шкафу, выдергивая из него наряды, словно собираясь на вечеринку.

— Потеплее что-нибудь выбирайте, — холодно посоветовал Мионов. — В камерах сквозит.

— Благодарю за совет, — таким же ледяным тоном ответила Ирина и стала одеваться, с ядовитой усмешкой наблюдая, как красные, как раки, полицейские, отводят взгляд от ее белой кожи и обвислой груди. Кирилл отворачиваться не стал, чувствуя невероятное желание броситься на Панарину, стиснуть руками ее тонкое горло и задушить — в память об Олжасе.

Везли их в одной машине, но потом парочку развели по разным камерам, и пока Карасев скучал в одиночке, Панарину, как наиболее легкий вариант, повели к следователю. Допрос вел Протасов, а Кирилл молча сидел в уголке, с трудом гася в себе желание дать по физиономии этой холерной бабе, так запросто решившей судьбу своего мужа, Олжаса и даже Жанны Колчиной. Но Панарина оказалась куда более крепким орешком, чем ее ухажер, и на допросе не проронила ни слова, игнорируя все вопросы следователя. Протасов скрипел зубами, а потом, не выдержав, отправил ее в камеру, велел доставить Карасева. Тот молчал и только адвоката потребовал. Злой Протасов решил дожидаться результатов экспертизы.

Милованов не оплошал, предоставив результаты. Микроследы в автомобиле, одежде Панарина, даже отпечаток ботинка в электричке полностью совпал с отпечатком обуви Карасева. Прибывшего адвоката с фактами ознакомили, настойчиво предлагая передать клиенту, чтобы тот не слишком упирался, и тот пошел на переговоры. Плотный привязанный

к убийству, Карасев, в котором поубавилось лоска, долго совещался с адвокатом и все же дал показания, сдав любовницу. Получив его росчерк на протоколе, Протасов вновь вызвал к себе Панарину, сунул протокол ей под нос и вежливо предложил не выпендриваться.

— Господи, какой слабак, — презрительно произнесла Ирина и, наклонившись над столом, жеманно попросила: — Дайте сигаретку, гражданин следователь.

Протасов протянул ей пачку, подвинул зажигалку, не став изображать из себя джентльмена. Панарина закурила и выдохнула сизый дым вверх.

— Я все надеялась, что выкручусь, — мечтательно произнесла она. — Но когда ко мне в дом заявила эта сучка Быстрова, с ее страстью совать везде свой нос, сразу поняла — дело дрянь. Но думала, что она ничего не поняла, ведь вы же не поняли, верно?

Протасов и Кирилл промолчали. Панарина рассмеялась, и ее смех прозвучал, словно серебристый колокольчик.

— Ловко вы придумали. А кем у вас Юленька проходит? Внештатным осведомителем? Я сразу ее раскусила, благотворительницу... Раньше-то она со мной даже не здоровалась, а тут, глядите-ка, явилась с сочувствием. И ведь предлог какой придумала — не подкопаешься. Как же она нас спалила?

— Давайте по существу, — сказал Протасов скучным голосом. — Когда вы спланировали убить своего мужа?

— Давно, — небрежно отмахнулась Панарина. — Когда началась его эпопея с Колчиной. Я всегда сквозь пальцы смотрела на его интрижки, но к этой шлюшке он просто сердцем прикипел. Я начала беспокоиться, но убедила себя, что особого урона семье это не принесет, тем более что и семья-то у нас была — одно название. Но потом Жанна крепко взяла его за жабры. Однажды он ехал за рулем ее машины, пьяный, конечно, и сбил женщину, насмерть. Прибежал домой, трясется весь, никогда бы не подумала, что у него такая трепетная натура, со мной он вообще не церемонился... Я все из него вытянула и испугалась, что мужа арестуют, у нас как раз все было плохо, прокуратура расследование затеяла, по судам таскали регулярно. Но все обошлось. Колчина его вытащила из передряги, сама избавилась от машины, долбанула ее обо что-то. А после этого принялась тянуть денежки для себя и своей убудочной доченьки. — Последнюю фразу Ирина произнесла с нескрываемой ненавистью, словно выплюнула.

— Квартиру она тогда на себя перевела? — спросил Протасов.

— А, вы уже знаете? — не удивилась Ирина. — Нет, это случилось позже, несколько месяцев назад. Олег думал, что я ничего не знаю про квартиру, но разве крупные покупки скроешь? Я все знала, уж поверьте, и про квартиру, и про машину. Иногда он был чрезвычайно наивен... Словом,

Колчина заставила его переписать квартиру на дочь. А недавно потребовала, чтобы он развелся со мной. Вот тогда я и решила: хватит. Каждый месяц Олег отвозил деньги в Михайловку. Он всегда ездил с охраной, хотя Чебыкин запрещал ему привозить лишний «хвост». Перед домом Олег оставлял охрану в кафе, а сам ехал к этому бандиту. И в последнее время его сопровождал только Женя. Вот тогда я придумала этот план. Позвонила Галке, потащила с собой охранника. Я почти отменила все, когда Олег прислал фото шкатулки, растрогалась даже, а потом поняла — он так решил пилюлю подсластить. Ну и... дала отмашку. Женя отвез Олега к Чебыкину, дождался, когда он вышел, ударил ножом, а потом отвез на соседнюю станцию, где почти никого не было, затолкал в вагон и уже хотел уйти, как вдруг его увидела женщина, сидевшая в том же вагоне. Он ее даже сразу не заметил, она где-то в конце вагона сидела, возможно, спала. Но, видимо, проснулась и, увидев его, принялась кричать. Женя ударил ее ножом, усадил на место и вышел на следующей станции, домой добрался на такси. Вот и все. На этом история должна была закончиться. У нас было алиби, ведь убили Олега вне дома. Я понимала, что являюсь главной подозреваемой, но рассчитывала, что убийство спишут на грабителей. Не могла же я, слабая женщина, в самом деле, зарезать мужа, будучи в двухстах километрах от него? — кротко улыбнулась Панарина.

— А потом вы отправили Карасева убить Колчину? — спросил Протасов.

— Знаете, я как-то сразу не сообразила, что есть дочь, значит, наследница. До сих пор девчонка представлялась мне чем-то эфемерным. Мужа я кремировала, даже генетическую экспертизу провести никто не смог бы. А вот Жанна поняла это быстро, стала звонить и требовать свою долю. Не знаю, возможно, она подозревала меня. К тому же она сказала, что Олег официально признал дочь своей. Я не поверила: Олег был слишком осторожен, если не сказать — трусоват. Но рисковать не хотелось. А тут вы все не унимались, ходили вокруг. И я решила, что надо убить одним махом двух зайцев. Велела Жене угнать у Чебыкина машину, разобраться с Колчиной и ее выродком, оставить ее тело в машине, привязав Чебыкина и Жанну к смерти Олега. И тут, как назло, позвонили вы. Я подумала — так даже лучше. Главное, чтобы вы не пришли раньше Жени, ведь он отправился туда загодя, но, к сожалению, немного опоздал. Он всегда был... туповат. Каждый шаг надо было по сто раз объяснять. Но мне умный помощник был ни к чему.

— Потом вы и от него избавились бы? — спросил Протасов.

— Надеюсь, это риторический вопрос? — усмехнулась Ирина. — А, впрочем, какая разница? Конечно, избавилась бы тем или иным образом. Может, просто уехала, бросив его на произвол судьбы. Нянчиться в дальнейшем с этим узколобым питекантропом я точно не собиралась. А, может... —

Помолчав, она добавила с грустной улыбкой: — Вашего сотрудника мы убивать не планировали. Случайная жертва. На войне так бывает.

— Но это не война! — вспыхнул Кирилл.

Панарина, продолжая улыбаться, смотрела на него с печалью, и он, вскочив, отошел в сторону, чтобы не видеть этой улыбки Медузы Горгоны.

— Колчина в квартире от вас пряталась? — спросил Протасов.

— Наверное. Мы ее несколько дней искали, я только потом сообразила, что, если она в городе, больше ей деваться некуда. По-моему, она сообразила, что ее не просто так разыскивают, и испугалась. Я бы на ее месте сбежала, а она так хотела захватить все... И ведь могло получиться... Даже не знаю, где и когда все пошло не так...

Протасов окинул протокол взглядом и протянул ей:

— Подпишите.

— Да вы с ума сошли, — рассмеялась она, — ничего я подписывать не буду. Это все бабский треп, минутное помешательство, расстройство психики. Доказывайте, господа, если, конечно, сможете.

— Как угодно, — пожал плечами Протасов. — Только это никакой роли не играет, уж поверьте.

Минутная слабость Ирины улетучилась. Панарина снова улыбалась, и Миронову до смерти захотелось сбить с нее спесь.

— Думаю, вам интересно будет узнать, что в шкатулке, которую ваш супруг приобрел специально для вас, была спрятана драгоценность, и довольно дорогая. Так что ваш сожитель напрасно оставил ее в электричке.

Цену сокровища Кирилл, естественно, не знал, как и то, существовал ли камень на самом деле. Но желание уесть зарвавшуюся дамочку было сильнее его. Однако Панарина лишь удивленно дернула бровями.

— Драгоценность? Надо же... Нет, я не знала. Но, кажется, я теперь ее владелица? Хотя... Наверное, с моей стороны будет глупо требовать вернуть ее мне на законных основаниях?

Кирилл не ответил, а Панарина рассмеялась.

— Ну, я, собственно, так и думала, — заключила она.

29

Весна нагрянула стихийно, неожиданно, за пару дней растопив остатки снега. Дороги превратились в реки, прохожие скакали по тротуарам, осторожно балансируя на поребриках, но, случалось, кто-то одной или двумя ногами соскальзывал в лужи, а бывало, что и падали, особенно утром, когда подмораживало, и растянутые тротуарные океаны покрывались тонкой коркой льда.

Юлька, пропавшая на два дня, нашлась вечером в баре, неподалеку от своего автосалона. Кирилл и Никита, проболтавшиеся полдня в ее поисках, наконец обнаружили пропажу, восседающую у барной стойки. Быстрова, в роскошном черном платье с открытой спиной, тщательно накрашенная для вечернего выхода, была изрядно навеселе. Рядом сидел лысый мужичок лет пятидесяти и потихоньку наглаживал ее коленку. Юля то ли не замечала, то ли терпела.

— У, мать, — укоризненно произнес Никита, отодвигая мужичка и чмокнув ее в макушку, — тебе не говорили, что женский алкоголизм неизлечим? Ты откуда такая нарядная?

Юля подняла пустую рюмку и поглядела сквозь нее на Никиту, как в лорнет.

— Ты из дикого леса, дикая тварь? — спросила она. — Чего тебе надобно?

— Вторая стадия, — беззастенчиво констатировал Шмелев и огляделся по сторонам. — Пойдемте, сядем, что ли, а заодно пожрем.

Юлия покорно поднялась. Лысый толстяк попытался возразить, но Кирилл сунул ему в нос удостоверение, и тот сразу скис. Отойдя к свободному столику, Никита усадил Юлю, уселся сам и помахал официанту.

— А Танька уехала, — радостно сообщила Юля. — Утром я утрамбовала ее в поезд со всеми пожитками, попутно объяснив, что слава великой певицы ей не светит. Она, конечно, обиделась, но я переживу. Я вообще много чего могу пережить, как оказалось.

— Ты на радостях от долгожданного отъезда сестры так накидалась? — рассмеялся Никита.

Юля отмахнулась, прильнула к плечу Миронова и, слегка растягивая гласные, попросила:

— Кирюш, ты один моя защита и опора теперь. Расскажи, как там Панарина? Я была права?

— Юлия Владимировна, тебе, с твоим чутьем овчарки, надо к нам в следственный отдел. Права полностью, как мне ни прискорбно это сознать. Панарина действительно решила избавиться от мужа, соблазнила молодого охранника, посулила ему кругленькую сумму и ловко обстряпала всю эту ситуацию. Как ты догадалась?

— А что? — фальшиво оживилась Юля. — Я и на следствие согласная. Мне теперь, как Марье-искуснице, что воля, что неволя — все равно... Как догадалась, как догадалась... Да так! Я всегда считала: все убийства происходят из-за денег. Месть по законам гор — это не про нас. Да и убийство из ревности — тоже. Сатана там правит бал, люди гибнут за металл...

— У-у, как все запущено, — пробурчал Никита. — Сейчас она нас задолбит цитатами. Видать, дело совсем плохо.

Кирилл движением бровей согласился с ним, но из вредности спросил: — Знаешь, сколько убийств у нас регистрируется из-за ревности?

— И сколько из них вы не смогли раскрыть? — отмахнулась Юля. — Брось! Убийство из ревности — это застать в постели любовника жены и долбануть по башке канделябром. Такой изощренный план мог родиться только из-за денег. А кто больше всего выигрывал в этой истории? Естественно, вдовица.

— Не вязался ее образ с убийцей, — вздохнул Кирилл. — Бесцветная, вялая, зашуганая, дунь — и рассыплется. И алиби было. Слабо мы ее проверили, потому Олжас и погиб. Да и богатства, как такового, у Панарина не было. Ну, дом, ну, квартира, немного денег на счетах, но это все. Колчина нам сильно карты спутала, особенно после того покушения. Теперь-то соловьем заливается, мол, она действительно именно Панарину и боялась, подозревала, что это она мужа заказала. Машина принадлежала Чебыкину, и мы всерьез стали подозревать, что Колчина работала с ним в одной связке, а он убил Панарина. Ирине только это и было нужно. Тебя она, кстати, сразу вычислила. Умная баба.

— Теряю былую форму, — пожала плечами Юля. — Но меня ее прозорливость не огорчает. Во всяком случае, я оказалась умнее всех полицейских. Интересно только, на какие шиши она собиралась жить после смерти Олега? Она ведь и со своим «прихехетником» должна была рассчитаться.

— Скорее всего, есть счета, о которых мы ничего не узнаем, — вмешался Никита. — Вспомни его махинации со строительством. Где-то бабло должно было оседать, так почему бы не на счетах его законной супруги? Вряд ли с разводом он ее мирно отпустил бы, как пить дать, заставил бы вернуть деньги. К тому же существуют общие счета с совместным доступом, в том числе и заграничные банки, ячейки... Мало ли где он прятал деньги? Может, даже дома, в чемоданах.

Юля недовольно покосилась на друга, и Никита замолчал.

За разговором они даже не заметили, что в баре уже никого не осталось, и официанты многозначительно поглядывали на часы, не решаясь приблизиться: Миронов пару раз, как бы невзначай, демонстрировал свое служебное удостоверение. Лысый пузан, найдя себе очаровательную фею в спутницы, ушел еще час назад, а Кирилл не стал предупреждать его, что с биографией этой мадам он знаком очень хорошо, и пузатому еще повезет, если дело кончится только клофелином.

— Да, — протянула Юля. — Захватывающая история. Все как в кино: злодейка, ревность, таинственное сокровище. Хоть бы глянуть, как оно выглядит...

— Хочешь посмотреть? — прищурился Кирилл. — Ну, гляди.

Он выудил из кармана телефон и, пролистав пальцами несколько страниц, открыл папку с фотографиями и видео, а потом нажал воспроизведение. Видео, коротенькое, в полминуты, он записал накануне, сам замирая от восторга. Юля с жадностью схватила телефон и уставилась на экран.

Камень, размером с перепелиное яйцо, засверкал между чьими-то пальцами. Холодные голубоватые блики слепили глаза, яркие зайчики прыгали по стенам. Это было сокровище, настоящее, подлинное, безжалостное в своем великолепии.

— Красота! — выдохнула Юля. — Эта штука стоила того, чтобы ее украсть.

— А убить? — хмуро спросил Никита.

Юля отмахнулась и снова стала нажимать на повтор, заставляя картинку двигаться.

— Думаю, он стоит больше пяти миллионов долларов, — сказал Кирилл. — Это, конечно, надо уточнить. Учитывается ведь еще и его историческая ценность. Правда, никаких свидетельств его существования мы так и не нашли. Не брать же в расчет легенду, рассказанную Чебыкиным? Когда он узнает, что в шкатулке и правда был спрятан камень, наверняка с ума сойдет. А я позабочусь, чтобы узнал.

— Так ему и надо, — мстительно фыркнул Никита. — Пусть ночами не спит. А если бессонница совсем доканает, нехай пьет ту хрень, которой меня угостил.

— Где же вы его нашли? — спросила Юля..

— У Лики. После истерики ее накачали лекарствами, ну и... произошел небольшой конфуз. В общем, когда ее нашли на турбазе, камень она проглотила, в больнице ее пронесло, а нянечка нашла камень. Хорошо, хоть сообразила врачу сказать, а тот нас вызвал.

— Фу, — скривилась Юля и с отвращением отодвинула телефон от себя.

Но он вдруг ожил, запрыгал по столу, и на экране высветилось лицо Ольги. Кирилл озабоченно схватил сотовый и прижал к уху:

— Алло?... Да, уже еду...

Торопливо попрощавшись, он подхватил жиденькую кожаную куртку и помчался к выходу. Оставшись вдвоем, Никита и Юля поглядели друг на друга, а затем отвернулись и одновременно уставились в пустую витрину темного окна.

Поняв, что главная опасность миновала, официантка притащила счет. Никита бросил в кожаную папочку пару бумажек и, не глядя, отдал официантке. Взяв Юлю за холодную руку, он тихо спросил:

— Что случилось?

— Валеркина клуша беременна, — с ненавистью произнесла Юля. — Или считает, что это так. Мы сегодня пошли в театр. Попробовали, так сказать,

помириться, ну, она тоже явилась и все ему выдала. Надо было видеть Валеркино лицо. А она упивалась своим триумфом. На меня смотрела победительницей. И, что удивительно, я впервые в жизни не смогла биться с кем-то за свое. Просто развернулась и ушла, оставив его разбираться. Теперь вот на звонки не отвечаю.

— Не мое дело советовать тебе, как жить, но неужели ты это так просто оставишь? — спросил Никита.

— Ты знаешь, — мертвым голосом ответила Юля, — да. Именно так и оставлю. Мне надоело быть мудрой, надоело тащить на себе этот груз ответственности за семью. В кои-то веки пора о себе подумать. Я решила дать и мужу шанс побороться за нас, и если этого не случится, значит, нам не по пути дальше. Хватит с меня его походов.

Никита подумал, что никогда не видел Юлю такой несчастной. Он поднялся, забрал свою куртку и ее пальто и подхватил Быстрову под локоть.

— Вставай, я тебя домой отвезу.

— Хорошо, — вздохнула Юля. — Вези куда хочешь. Вот только домой не надо.

Он помог ей одеться, и когда она благополучно попала в рукава, внимательно посмотрел ей в лицо и, то ли в шутку, то ли всерьез, сказал:

— Юль, ты смотри, я же тебя могу и к себе отвезти, воспользоваться, так сказать, твоей невменяемостью.

— Да пользуйся, — вяло разрешила она и добавила с тоскливой обреченностью: — Кому я еще нужна, кроме тебя?

Днем Сашу вызвали в следственный комитет дать показания.

На этот раз противный следователь был куда как корректнее, вопросов задал немного, и Саша, не зная, что происходит, поняла, что Лику арестовали. Она попыталась расспросить Протасова о шкатулке, но тот ничего сообщить не пожелал, разве что аннулировал ее подписку о невыезде и пожелал всего хорошего.

— Настоятельно советую вам лучше выбирать себе друзей, — сказал он, когда Саша уже стояла в дверях.

Ей захотелось ответить ему поехиднее, но она решила не связываться. Прикрыв за собой дверь, набрала телефон Шмелева. Никита не ответил, но спустя минуту от него пришло сообщение, что он занят и говорить не может. Рассеяно прочитав сообщение, Саша потопталась на месте, думая, куда может пойти. На работу не хотелось. В управлении культуры на нее и так косились, шушукались, что, мол, Ковалевская — личность темная, и не факт, что не является тайной бандершей. Вот и сегодня, не успела секретарша передать Саше, что ее ждет следователь, как все четыре

бабки, сидящие с ней в кабинете, переглянулись с победоносным видом. Саша вздохнула и решила пойти домой.

От тоски она перемыла всю квартиру, включая окна, выбросила три пакета с мусором и старыми вещами и спустя два часа с усмешкой наблюдала, как по двору ходит бомжиха в Сашином выпускном платье.

После уборки, измотанная и несчастная, она сидела на диване, тупо уставившись в одну точку. Уже давно Саша не испытывала такой смертельной тоски. Новое приключение, коснувшееся ее по касательной, всколыхнуло забытые чувства к Шмелеву. Больше всего ей хотелось, чтобы сейчас он просто позвонил в дверь. Однако она понимала — этому не бывать.

«За счастье бороться надо!» — голосом мультяшной вороны прокаркала в голове спасительная мысль.

Саша вскочила, выдернула из шкафа джинсы и кофту, кое-как причесалась, схватила курточку и выбежала на улицу, хотя было уже довольно поздно. Остановив такси, она назвала водителю адрес Шмелева. За окном мелькали фонари, в динамиках водителя грустно пела французская певица Каас, у которой, кажется, ни в одной песне не было повода для оптимизма. Слушая ее гортанные мурлыканья, Саша представляла, что сейчас скажет Шмелеву, и что он ей ответит. Разумеется, воображение рисовало ей самые радужные варианты.

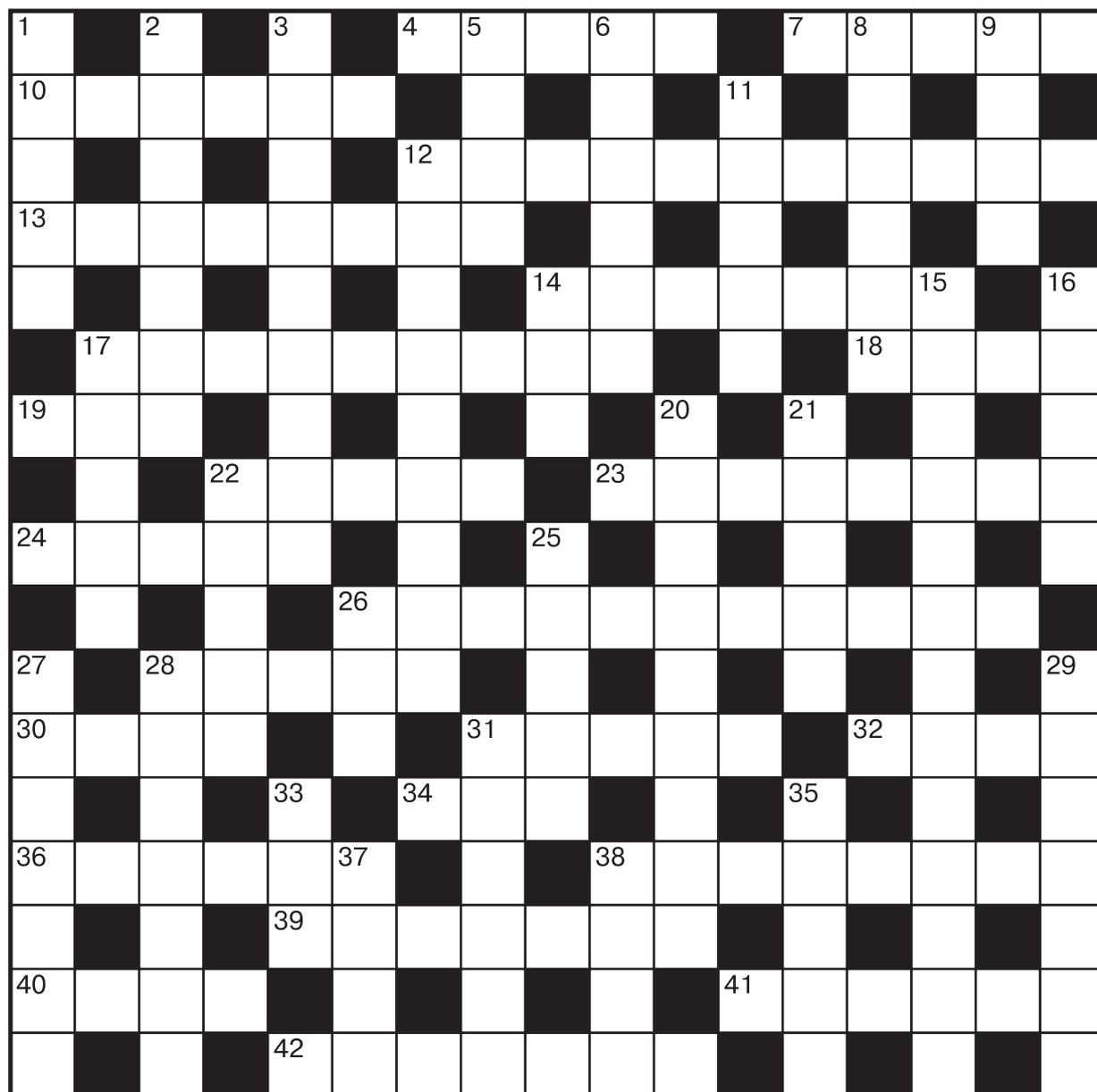
Первым ударом было то, что Никиты не оказалось дома.

Она просидела на скамейке перед подъездом несколько минут, пока кто-то из соседей не впустил ее внутрь. Дойдя до Никиткиной двери, Саша позвонила, послушала тишину и вроде бы недовольное чириканье мальчика Гриши, а потом обреченно поднялась на пролет выше и уселась на подоконник. А когда стало уже слишком поздно для визитов, неохотно поднялась и бросила взгляд в окно.

У подъезда стояла машина, битый Шмелевский «фольксваген» оттенка «вырви глаз», и из него выходили двое. Пару Саша узнала сразу: Никита и Юля, ненавистная Быстрова, гадюка, извечная соперница. Но теперь что-то изменилось, это она засекала женским радаром. Замерев на лестнице, Саша вжалась в стену, наблюдая в щель между пролетами, как пара поднимается по ступеням. В их негромком смехе, голосах и до боли интимных объятиях сквозило истинное намерение грядущих занятий, намерение, не оставляющее места для сомнений.

Зажмурившись, Саша услышала, как хлопнула дверь. Только тогда она стала спускаться вниз, называя себя идиоткой, осознав, что Никита окончательно расставил все точки над «и». Выйдя на улицу, Саша вызвала такси и уехала домой, стараясь думать о чем угодно, только не об этих двоих, расстающихся и снова сближающихся, слишком одинаковых, чтобы быть порознь, но слишком одинаковых, чтобы остаться вместе... □

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой сыщик расстроил отношения Бернарда Шоу с Артуром Конан Дойлем? **7.** Инвентарная единица в библиотеке. **10.** Самый ядерный из американских штатов. **12.** Секьюрити государственных рубежей. **13.** Самолет «у истоков авиации». **14.** Какое произведение звучит для того, кто его

слышать не может? **17.** «Энциклопедия быта», чьими предшественниками стали славянские сборники «Златоуст», «Измарагд» и «Златая цепь». **18.** Движитель документа. **19.** Состояние с оторопью. **22.** Газ, чье содержание на Солнце все время возрастает. **23.** «Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научи-

тесь сначала прощать» (русский писатель). **24.** У какой из книг на арабском языке абсолютный рекорд по тиражу? **26.** Какой символ Пифагор называл в честь богини здоровья? **28.** Какую сталь «разобрал на атомы» русский металлург Павел Аносов? **30.** Колокольный ... **31.** Буй на мели. **32.** Недуг, попавший в ухо. **34.** Кто из ученых раскусил сибирскую язву? **36.** Что культурист качает? **38.** За что Солнце опускается? **39.** «Дракодел». **40.** День в начале. **41.** Какая столица получила свое название от палки для перемешивания кумыса? **42.** Оптическое, но не стекло.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Быстроногий Олень, ставший последним из могокан. **2.** Машина, чтобы кромки подрубать. **3.** Лекарство против повышенной утомляемости. **5.** Полицейский спецназ. **6.** Самый сонный среди древнегреческих богов. **8.** Первый российский хоккеист, выступавший

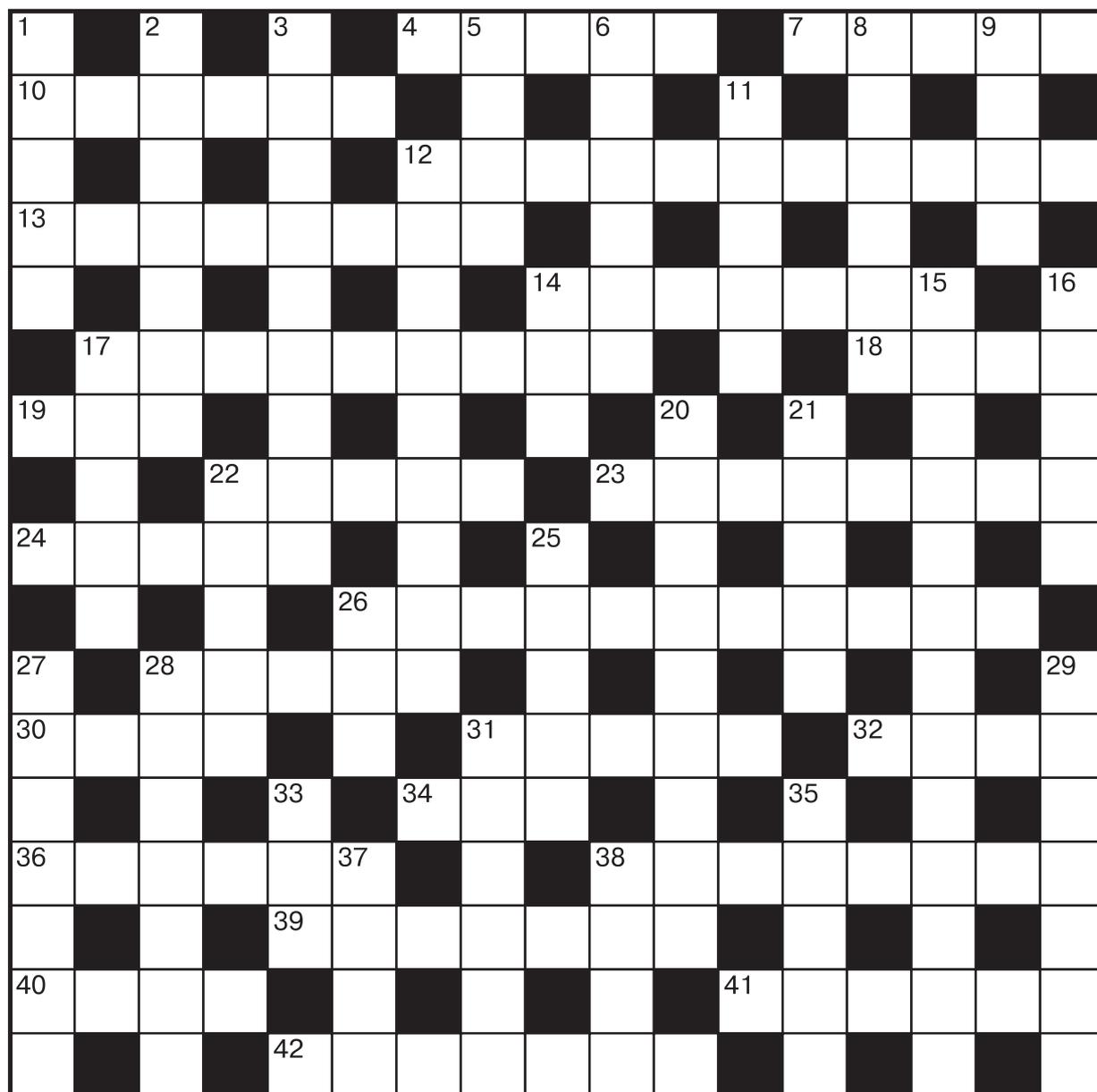
за НХЛ. **9.** Что свидетельствует об особой важности документа? **11.** Какому заливу принадлежит сахалинский город Корсаков? **12.** Доказательство членства. **14.** Пчелиная семья. **15.** Бумага в очень мелкую клеточку. **16.** На какой десерт похоже турецкое пишмание? **17.** Аргумент рассудка. **20.** Какую кинозвезду считают вторым после Шона Коннери самым знаменитым шотландцем? **21.** Мельхиоровый статус. **22.** «... бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла; бежал он в страхе с поля брани, где кровь черкесская текла». **25.** Что рождает в зрителях триллер? **26.** Костей не ломит. **27.** Самоцвет «имени Гудвина». **28.** Мужские трусы. **29.** Механика «вечного покоя». **31.** «Лягушачий рай». **33.** Фабрика приговоров. **35.** Кто из культовых актеров нашего кино родился в Финляндии, хотя финном не был? **37.** Пляжный сезон. **38.** Пафосная песня.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Бубка. **7.** Спич. **10.** Дактиль. **12.** Нагнетание. **13.** Гидроплан. **15.** Пуанты. **16.** Видов. **18.** Бриолин. **19.** Муж. **24.** Автомеханик. **25.** Отелло. **26.** Велес. **27.** Песок. **30.** Крок. **34.** Саке. **35.** Кипятильник. **37.** Рожь. **39.** Вифлеем. **41.** Меломания. **42.** Лыков. **43.** Ножны. **44.** Лепнина. **45.** Долги.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Базилик. **2.** Старпом. **3.** Шляпа. **5.** Уран. **6.** Кинг. **8.** Пенсне. **9.** Чаевые. **11.** Стоун. **12.** Направление. **14.** Новосельцев. **15.** Пикет. **17.** Вуаль. **20.** Навес. **21.** Биток. **22.** «Тоска». **23.** Венок. **28.** Салон. **29.** Келья. **31.** Киплинг. **32.** Дятел. **33.** Пиночет. **36.** Лимон. **37.** Раунд. **38.** Жизнь. **40.** Мыло. **41.** Мозг.

Э Р У Д И Т



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самая вкусная перловка. **7.** Боевая щетка монахов Шаолиня. **10.** Туфли-лентяи. **12.** Немецкий хлеб. **13.** Золотое кольцо Одина. **14.** Зонтичная птица. **17.** Французский самокат в прототипах современного велосипеда. **18.** «Мафиозные братья» у Жоржа

Сименона. **19.** Период времени из геологии. **22.** Кто разработал квантовую статистику? **23.** Свеча перед иконой. **24.** Натуралист, чье имя выгравировано на первом этаже Эйфелевой башни. **26.** Насаждатель прогресса. **28.** В каком японском городе можно посетить автомобильный музей Toyota?

30. Кого из великанов убил Один вместе с Вили и Ве? **31.** Польская солянка. **32.** Какое растение растет медленнее всего? **34.** Керамический треножник из Древнего Китая. **36.** «Будущая вечная жизнь» у мусульман. **38.** Народная песня о героях у исландцев. **39.** Новогоднее блюдо английской кухни. **40.** Какого античного классика, согласно легенде, заставили прыгнуть со скалы из-за ложного обвинения в краже церковной чаши? **41.** Парчовый карп. **42.** «Развесистая клюква» в оперном исполнении.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Минеральный «желатин». **2.** Ткань на дамские пальто. **3.** Способ охоты на зайца. **5.** Вариант алмазной огранки. **6.** «Человек свиты» у древних римлян. **8.** Остров динозавров из приключенческого фильма «Мир юрского периода». **9.** Памирский кишлак, на который в 1911 году обрушилось более двух миллионов кубометров горных пород. **11.** Вероятный компонент квар-

ка. **12.** Проверка поднадзорных учреждений. **14.** Какая богиня помогла Зевсу победить отца? **15.** Религия бюрократов. **16.** Гибрид черной смородины и крыжовника. **17.** Откуда родом Габриэль Шанель? **20.** Пристройка к столовой в доме у древних римлян. **21.** «Танец радости» у древних греков. **22.** Английский физик, впервые получивший жидкий водород и вынужденный изобрести термос, чтобы было, куда его налить. **25.** Без чего членистоногим не жить? **26.** Кто из звезд русского рока вышел из группы «Гарин и Гиперболоиды»? **27.** Самый активный вулкан на Гавайях. **28.** Сплав, обладающий «эффектом памяти». **29.** Немецкое клеймо на стали. **31.** Африканский прохладительный напиток. **33.** Кавказская приправа. **35.** Мудрый кентавр, советовавший заживлять рану соком василька. **37.** Индийское украшение на голову. **38.** Постоялый двор у армян.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Локар. **7.** Штыб. **10.** Волопас. **12.** Дипсомания. **13.** Травничек. **15.** Борзов. **16.** Индзя. **18.** Антишок. **19.** Дро. **24.** Новодевичий. **25.** Асыяго. **26.** Совик. **27.** Вомер. **30.** Тмол. **34.** Паре. **35.** Василистник. **37.** Сонм. **39.** Аракчин. **41.** Чипанегас. **42.** Метек. **43.** Ябиру. **44.** Паломар. **45.** Бонго.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лоуренс. **2.** Позвизд. **3.** Тажин. **5.** Орик. **6.** Аиси. **8.** Тондза. **9.** Боялва. **11.** Умбок. **12.** Деонтология. **14.** Пилолистник. **15.** Болек. **17.** Ярыга. **20.** Бибоп. **21.** Бипер. **22.** Аарти. **23.** Львов. **28.** Магог. **29.** Реймс. **31.** Ласкирь. **32.** Килим. **33.** Шикакай. **36.** Аруба. **37.** Секос. **38.** Навал. **40.** Нево. **41.** Ченг.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!



! ВНИМАНИЕ!
Анонс на №3-2025

ISSN 0131-6656



СМЕНА

Имя Марии Гамильтон не так известно, как имя любовницы адмирала Нельсона Эммы Гамильтон, однако ее судьба была не менее трагичной, чем судьба англичанки. Став фавориткой Петра I, Мария не могла даже предположить, что в тот роковой день вступила на опасный путь, и жизнь ее трагически оборвется на эшафоте...

Светлана Марлинская «Жертва любви»

О М.Ю.Лермонтове написано множество книг, статей и монографий, а вот о его бабушке, Елизавете Алексеевне Арсеньевой, увы, материалов очень мало. Попробуем немного «приоткрыть завесу» и рассказать о той, которая беззаветно и преданно любила своего внука — великого поэта и, пережив его всего на четыре года, похоронена в одном склепе с ним в Тарханах...

Александр Ралот «Бабушка строгого режима»

За спиной «красавиц советского кино» нередко стоял их муж — известный режиссер, считающий себя «Пигмалионом» своей жены. У Тамары Федоровны Макаровой такой «Пигмалион» тоже был — Сергей Герасимов. Она всегда находилась немного позади в этой паре. Но когда ученики вспоминают о них, то говорят в превосходных степенях именно о Тамаре Федоровне. И не только ученики. Людмила Гурченко говорила: «Она — родная», а Анастасия Вертинская с восторгом отзывалась о ней: «Потрясающая естественность».

Евгения Гордиенко «Жизнь чуть позади»

Елена Валюшкина — актриса, которой подвластна любая роль, будь то лирическая героиня, глубокий драматический образ или острохарактерный персонаж. Ее карьера началась с того момента, когда ее большие, красивые глаза покорили зрителей в фильме «Формула любви», и огромная часть мужского населения буквально потеряла голову. Сегодня она продолжает сниматься в кино и выходить на сцену родного театра Моссовета.

Интервью Дарьи Парчинской с актрисой Еленой Валюшкиной

Иронический детектив Ольги Степновой «Вселенский стриптиз»

№2 февраль 2025